

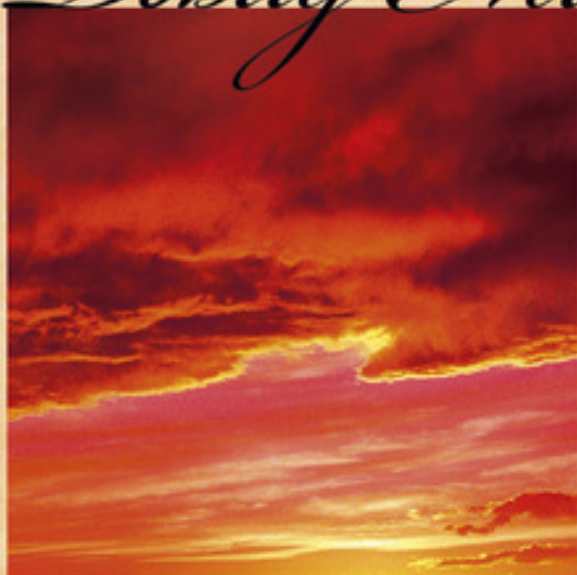
«Подобно Харуки Мураками, Дэвид Митчелл неразрывно сплетает вечные вопросы и популярные сюжеты — к превеликому читательскому удовольствию». — *Details*

ОБЛАЧНЫЙ АТЛАС

Дэвид Митчелл

Роман

РОМАН — ФИНАЛИСТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

Большой роман

Дэвид Митчелл

Облачный атлас

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Митчелл Д.

Облачный атлас / Д. Митчелл — «Азбука-Аттикус»,
2004 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-11738-9

Современная классика, монументальный шедевр, вошедший, как и многие другие книги Митчелла, в шорт-лист Букеровской премии. В 2012 году роман был экранизирован Томом Тиквером и братьями Вачовски (в ролях Том Хэнкс, Хэлли Берри, Хью Грант, Джим Бродбент, Бен Уишоу, Хьюго Уивинг, Сьюзен Сарандон), став, при бюджете свыше 100 миллионов долларов, самым дорогим независимым фильмом в истории кинематографа. «Облачный атлас» подобен зеркальному лабиринту, в котором перекликаются, наслаиваясь друг на друга, шесть голосов: нотариуса середины девятнадцатого века, возвращающегося в США из Австралии; молодого композитора, вынужденного торговать душой и телом в Европе между мировыми войнами; журналистки в Калифорнии 1970-х, раскрывающей корпоративный заговор; мелкого издателя – нашего современника, умудрившегося сорвать банк на бандитской автобиографии «Удар кастетом» и бегущего от кредиторов; клон-прислуги из предприятия быстрого питания в Корее – стране победившего киберпанка; и гавайского козопаса на закате цивилизации. Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11738-9

© Митчелл Д., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Тихоокеанский дневник Адама Юинга	7
Письма из Зеделгема	30
Периоды полураспада. Первое расследование Луизы Рей	60
Конец ознакомительного фрагмента.	90
Примечания	

Дэвид Митчелл

Облачный атлас

David Mitchell

CLOUD ATLAS

Copyright © 2004 by David Mitchell

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Г. Яропольский, перевод на русский язык, 2012

© А. Гузман, примечания, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Хане и ее дедушке с бабушкой

В работе над книгой существенную помощь оказали Мануэль Берри, Эмбер Берлинсон, Сьюзен М. С. Браун, Макникс Верпланке, Лейт Джанкиен, Дэвид Кернер, Родни Кинг, Сабина Лаказе, Дженни Митчелл, Скотт Мойерс, Джен Монтефьоре, Дэвид Де Ниф, Стив Пауэлл, Джонатан Пегг, Джон Перс, Дуглас Стюарт, Кэрол Уэли, Анжелес Марин Чабелло, Майк Шоу, Дэвид Эберсхоф.

Для написания глав Юинга и Закри было предпринято путешествие-исследование на дотацию Общества авторов. Каноническая работа Майкла Кинга о мориори, «Земля в стороне», послужила источником фактического материала по истории Чатемских островов. Некоторые сцены в письмах Роберта Фробишера черпали вдохновение в мемуарах Эрика Фенби «Делиус, каким я его знал» (1936). Персонаж по имени Вивиан Эйрс несколько вольно цитирует Ницше, а стихотворение, которое Хестер Ван Зандт читает Марго Рокер, – это «Брама» Эмерсона.

Тихоокеанский дневник Адама Юинга

Четверг, 7 ноября

На безлюдной полоске побережья за индейской дерегушкой мне случилось набрести на цепочку свежих отпечатков чьих-то ног. Через гниющие бурые водоросли, заросли бамбука и приморских кокосов следы эти с неизбежностью привели меня к тому, кто их оставил, – к белому человеку в закатанных брюках и куртке, щеголявшему густой бородой и чрезмерно большой касторовой шляпой, который так яростно лопатил чайной ложкой и просеивал золистый песок, что заметил меня лишь после того, как я его окликнул с удаления в десять ярдов. Именно так я свел знакомство с доктором Генри Гузом, хирургом, некогда практиковавшим среди лондонской знати. Национальность его меня не удивила. Если где-нибудь имеется орлиное гнездо столь уединенное или островок столь удаленный, что можно не столкнуться с англичанином, то они не обозначены ни на единой из виденных мной карт.

Не потерял ли доктор чего-либо на этом унылом берегу? Не могу ли я оказать ему помощь? Доктор Гуз потряс головой, расслабил узел, которым был завязан его носовой платок, и с явной гордостью представил мне на обозрение его содержимое. «Зубы, сэр, суть эмалированные чаши Грааля, поисками которых занят ваш покорный слуга. Во дни минувшие возле этого аркадского побережья располагался банкетный зал каннибалов, да-да, где сильные насыщались слабыми. Что же до зубов, то они их выплевывали, так же как мы с вами – вишневые косточки. Но эти коренные зубы, сэр, возможно преобразовать в золото, и как же? Некий искусник с Пиккадилли, изготавливающий зубные протезы для благородного сословия, платит за то, чем некогда доводилось скрежетать человеческим существам, весьма и весьма щедро. Знаете ли, сэр, сколько можно выручить за четверть фунта?»

Я признался, что сведениями на этот счет не располагаю.

«Вот и я, сэр, не стану вас просвещать, ибо это профессиональная тайна! – Он постучал себя по носу. – Мистер Юинг, вы знакомы с ее светлостью маркизой Мейфер? Нет? Тем лучше для вас, ибо она не что иное, как труп, облаченный в платье с оборочками. Пять лет минуло с того дня, как эта старая карга опорочила мое имя, да-да, выдвинув против меня такие обвинения, из-за которых меня забаллотировали в Хирургическом обществе. – Доктор Гуз посмотрел на море. – Мои странствования начались в тот мрачный час».

Я выразил сочувствие к печальной участи доктора.

«Благодарю вас, сэр, благодарю вас, но вот эти слоновьи бивни, – он потряс своим узелком, – суть не что иное, как мои ангелы мщения. Позвольте мне прояснить картину. Маркиза носит зубные протезы, изготовленные вышеупомянутым доктором. В следующий сочельник, как раз в тот момент, когда эта надушенная ослица появится на своем балу в честь послов, я, Генри Гуз, я поднимусь и объявлю всем и каждому, что хозяйка дома жует пищу клыками каннибалов! Сэр Хьюберт, это можно предсказать, тут же бросит мне вызов. „Представьте ваши доказательства, – проревет этот боров, – или же я потребую сатисфакции!“ А я провозглашу: „Доказательства, сэр Хьюберт? Что ж, я собирал *сам* зубы вашей матери из некоей плевательницы, что на юге Тихого океана! Вот, сэр, *вот* некоторые из их приятелей!“ – и брошу эти самые зубы в ее супницу с черепаховым супом, и тут, сэр, я получу свою сатисфакцию! Щелкоперы станут живописать смердящую баронессу в своих новостных листках, и к следующему сезону ей очень повезет, если она получит приглашение на бал в богадельне!»

Я торопливо пожелал Генри Гузу доброго дня. Подозреваю, что он сбежал из Бедлама.

Пятница, 8 ноября

На примитивной верфи под моим окном продолжают работы над утлегарем – под водительством мистера Сайкса. Мистер Уокер, владелец единственной таверны в Оушн-Бее, ведет

здесь самую крупную торговлю лесом и хвастает, что долгие годы владел судостроительной верфью в Ливерпуле. (Я теперь достаточно подкован в этикетке антиподов и могу игнорировать столь явную ложь.) Мистер Сайкс сказал мне, что для починки бристольской оснастки «Пророчицы» потребуется целая неделя. Семь дней прожить отшельником в «Мушкете» показалось мне суровым приговором, однако я помню о кляках и душераздирающих завываниях бури, равно как о морях, сброшенных за борт, и нынешнее мое несчастье кажется мне менее тяжким.

Сегодня утром я встретился на лестнице с доктором Гузом, и мы вместе позавтракали. Он пребывает на постое в «Мушкете» с середины октября, после того как приплыл сюда на бразильском торговом судне «Наморадос» с Фиджи, где практиковал в миссии. Теперь доктор ожидает прибытия сильно запаздывающего австралийского парусника «Нелли», чтобы тот доставил его в Сидней. В колонии же он будет искать место на борту какого-нибудь пассажирского судна, идущего в его родной Лондон.

Суждение мое о докторе Гузе было несправедливым и поспешным. Чтобы преуспеть в моей профессии, необходимо быть столь же циничным, как Диомед^[1], но цинизм может не позволить различить более утонченные добродетели. У доктора имеются свои странности, и он охотно выбалтывает их во всех подробностях за глоток перуанской водки «писко» (хотя всегда блюдет меру), но я смею удостоверить, что он – единственный, кроме меня, джентльмен на этой широте к востоку от Сиднея и к западу от Вальпараисо. Я мог бы даже составить для него рекомендательное письмо в Сидней Партриджам, ибо доктор Гуз и дорогой Фред сделаны из одного теста.

Поскольку унылая погода исключала всякую возможность утренней прогулки, мы ублажали друг друга разными историями, поочередно излагаемыми возле камина, где пылали торфяные брикеты и часы пролетали подобно минутам. Я пространно рассказал ему о Тильде и Джексоне, а также о своей боязни «золотой лихорадки» в Сан-Франциско. Затем разговор наш перешел на недавние мои нотариальные мытарства в Новом Южном Уэльсе, а посему – к Гиббону^[2], Мальтусу^[3] и Годвину^[4], через пиявок и локомотивы. Внимательный собеседник – это то мягчительное средство, которого мне мучительно недоставало на «Пророчице», а доктор оказался истинным эрудитом. Кроме того, он располагает прекрасной армией обленевшихся шахматных воинов, которым мы найдем занятие вплоть до отбытия «Пророчицы» или прибытия «Нелли».

Суббота, 9 ноября

Рассвет сегодня был ярок как серебряный доллар. Наша шхуна, стоящая на приколе в дальнем конце залива, по-прежнему являет собой удручающее зрелище. На берег же втаскивали индейское военное каноэ. Мы с Генри в праздничном настроении отправились к «Банкетному берегу», радостно приветствуя служанку, работающую на мистера Уокера. Эта угрюмая мисс развешивала белье на ветвях кустарника и не обратила на нас никакого внимания. У нее есть примесь черной крови, и, как мне кажется, мать ее недалеко ушла от того воспитания, какое могут предоставить джунгли.

Когда мы проходили мимо индейской деревушки, любопытство наше было возбуждено неким жужжанием, и мы решили выяснить его источник. Поселение это обнесено по периметру частоколом, пришедшим в такой упадок, что внутрь можно пробраться по меньшей мере в дюжине мест. Безволосая псина подняла голову, но была беззубой, старой и умирающей, а посему лаять не стала. Внешнее кольцо состояло из лачуг (сооруженных из прутьев, обмазанных глиной, и с крышами, сплетенными из тростника), в которых обитали понго. Эти хижины раболепно глядели на величественные жилища «вельмож» – деревянные сооружения с резными перемышками и зачаточными подобиями веранд. В самой сердцевине деревушки имело место публичное наказание плетью. Мы с Генри были единственными белыми из присутству-

ющих, а вот три касты созерцавших это событие индейцев были отграничены друг от друга. Вождь, в наряде, украшенном перьями, восседал на своем троне, в то время как татуированная знать со своими женщинами и детьми стояла подле него навтыжку, составляя в общем числе около трех десятков человек. Рабы, более чумазные и закопченные, чем их орехово-смуглые господа, и примерно вдвое менее многочисленные, сидели на корточках в грязи. Что же это за врожденное тупое невежество! Рябые и прыщавые из-за хаки-хаки, эти нечестивцы взирали на экзекуцию и ничем не выказывали своих чувств, за исключением причудливого жужжания, подобного пчелиному. Невозможно было понять, что означает этот звук – сочувствие или осуждение. Кнут был в руках некоего Голиафа, чья физическая сила устрасила бы любого из призовых бойцов Дикого Запада. Ящерики всевозможных размеров были вытатуированы на каждом дюйме его чудовищной мускулатуры; шкура его принесла бы колоссальный барыш, но я не стал бы пытаться добыть ее даже за все жемчужины Гавайев! Внушающий жалость узник, голову которого долгие и трудные годы покрыли инеем, был обнажен и привязан к некоей А-образной раме. Тело его содрогалось при каждом сдирающем кожу ударе плетью, спина походила на пергамент, покрытый кровавыми письменами, однако бесчувственное лицо не выражало ничего, кроме спокойствия мученика, уже находящегося на попечении Господа.

Признаюсь, я обмирал при каждом стремительном обрушении плети. Потом произошло нечто странное. Избиваемый дикарь приподнял свою поникшую голову, взгляд его встретился с моими глазами, и в нем просияло сверхъестественное и приятное узнавание! Как будто некто, участвующий в театральном представлении, увидел в королевской ложе своего давно потерянного друга и незаметно для зрителей послал ему приветственный знак. В этот момент татуированный «черный брат» приблизился к нам и мановением своего нефритового кинжала дал понять, что наше присутствие нежелательно. Я спросил, какого рода преступление совершил наказуемый. Генри же, обхватив меня за талию, сказал: «Пойдемте, Адам: мудрый не суется между зверем и его мясом».

Воскресенье, 10 ноября

Мистер Бурхаав восседал среди своей клики доверенных негодяев, словно лорд Удав и все его змеюги-прилипалы. Их «празднования» Святого дня начались задолго до того, как я поднялся. Спустившись вниз в поисках воды для бритья, я обнаружил, что вся таверна кишит морячками, ждущими своей очереди к тем несчастным индейским девицам, которых Уокер залучил в свой импровизированный *bordello*. (Рафаэля в числе развратников не было.)

Я не разговляюсь после воскресного поста среди шлюх. Генри выказал к этому не меньшее отвращение, так что, лишившись ко всему даже завтрака (служанку, несомненно, принудили к другого вида службе), мы отправились в часовню, ничем не нарушив воздержания.

Но не прошли мы и двухсот ярдов, как я, к ужасу своему, вспомнил об этом дневнике, лежавшем на столе в моем номере в «Мушкете» и открытом для обозрения любому пьяному моряку, которому вздумалось бы туда вломиться. Опасаясь за безопасность своих записок (и за свою собственную, если бы они угодили в руки мистера Бурхаава), я повернул свои стопы обратно, чтобы скрыть дневник более искусно. Появление мое приветствовали широкие ухмылки, и мне подумалось, что я был «тем дьяволом, о ком шла речь», но истинную их причину узнал, когда открыл дверь, а именно: широко раскинутые медвежьи ягоды мистера Бурхаава, оседлавшего свою Черномазку-Златовласку на моей постели *in flagrante delicto*!¹ Принес ли мне этот чертов голландец извинения? Отнюдь! Сочтя оскорбленной стороной *себя*, он прорычал: «Пшел вон, мистер Щелкопер, или, клянусь Господней задницей, америкашка, я расколю твою гнилую харю пополам!»

¹ Зд.: не скрываясь (лат.).

Схватив свой дневник, я скатился по лестнице в *разгулокрапию* веселья и насмешек со стороны собравшихся там белых дикарей. Я поставил Уокеру на вид, что плачу за отдельный номер и ожидаю, что в нем не должно появляться никого из посторонних даже во время моего отсутствия, но этот негодяй всего лишь предложил мне 30-процентную скидку на «пятнадцатиминутный галоп на самой хорошенькой кобылке из моей конюшни!». Охваченный отвращением, я резко ответил, что являюсь мужем и отцом и что скорее умру, чем унижу свою честь и достоинство с какой-нибудь из его сифонных шлюх! Уокер поклялся «изукрасить мне глаза», если я еще хоть раз назову его собственных любимых доченек шлюхами. Один беззубый прилипала глумливо заявил, что если обладание одной женой и ребенком является единственной добродетелью, «то, мистер Юинг, я в десять раз добродетельнее, чем вы!», и чья-то невидимая рука выплеснула на меня кружку мерзкого пойла, именуемого здесь «пивцом». Я предпочел удалиться, прежде чем на смену жидкости не пришли жесткие метательные предметы.

Колокол часовни сзывал богобоязненных жителей Оушен-Бея, и я поспешил туда, где ждал меня Генри, стараясь выбросить из памяти все те мерзости, свидетелем которых столь недавно оказался в собственном обиталище. Часовня скрипела, как старая бочка, а число ее прихожан слегка не дотягивало до количества пальцев на обеих руках, но никто из путешественников не утолял своей жажды в оазисе среди пустыни с большей благодарностью, чем мы с Генри в то утро. Лютеранин, основавший эту часовню, уже десятую зиму покоился на ее кладбище, и до сих пор ни один возведенный в духовный сан последователь не рискнул заявить преимущественных прав на здешний алтарь. А посему вероисповедание часовни являет собой куча-мала христианских верований. Половина прихожан, владевших грамотой, поочередно читали по одному-два отрывка из Библии, и к этой-то очереди присоединили мы свои голоса. Участвовать таким образом в службе просил нас казначей этой народной паствы, некий мистер д'Арнок, стоявший под скромным распятием. Памятуя о своем собственном спасении от бури, случившемся на минувшей неделе, я прочел из восьмой главы Евангелия от Луки: «...и, подойдя, разбудили его и сказали: Наставник! Наставник! погибаем. Но Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали, и сделалась тишина».

Генри читал из восьмого псалма – таким же торжественным голосом, как у всякого вышколенного декламатора: «Поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей; птиц небесных и рыб морских, все переходящее морскими стезями».

Не было никакого другого органиста, исполняющего «*Magnificat*»², кроме ветра в трубе дымохода, никакого другого хора, поющего «*Nunc Dimittis*»³, кроме рыдающих чаек, но мне представляется, что у Создателя не могло возникнуть повода для недовольства. Мы напоминали скорее ранних христиан Рима, нежели прихожан любой из более поздних церквей, инкрустированных драгоценностями и полных потайных помещений. Затем воспоследовала общинная молитва. Верующие по желанию молились об искоренении картофельных паразитов, милости к душе умершего младенца, благословении новой рыбацкой лодки и т. д. Генри благодарил за гостеприимство, оказываемое нам, пришлецам, христианами островов Чатем. Отзываясь на эти чувства, я вознес молитву о благополучии Тильды, Джексона и своего зятя во время моего затянувшегося отсутствия.

После службы к нам с доктором, выражая на лице величайшую приветливость, приблизился некий мистер Эванс, служивший почтенной «грот-мачтой» этой часовни, и представил нас с Генри своей доброй супруге (оба они как бы страдали недугом глухоты, отвечая лишь на те вопросы, которые, по их мнению, были заданы, и воспринимая лишь те ответы, которые, по их мнению, они получили, – стратегия, столь любимая многими американскими адвока-

² «Магнификат», величание Богородицы (лат.).

³ Ныне отпускаеши (лат.).

тами) и своим сыновьям-близнецам, Кигану и Дайфедду. Мистер Эванс сообщил, что у них возник обычай каждую неделю приглашать мистера д'Арнока, нашего проповедника, обедать в их доме, до которого отсюда рукой подать, ибо д'Арнок проживает в Порт-Хатте, на мысу в нескольких милях отсюда. Не разделим ли и мы с ними их воскресную трапезу? Поскольку я уже посвятил Генри в то, какой Гоморрой сделался «Мушкет», а в желудках у нас обоих бушевал натуральный бунт, мы с благодарностью приняли любезное приглашение Эвансов.

Усадьба наших хозяев в полумиле от Оушен-Бая, путь в которую пролегает по извилистой пышной долине, оказалась зданием довольно скромным, но достаточно прочным для противостояния тем яростным штормам, что заставили столь много судов переломать себе ребра о прибрежные рифы. В гостиной обитали чудовищная голова кабана (изуродованная отвисшей челюстью и ленивыми глазами), убитого близнецами в день их шестнадцатилетия, а также сомнамбулические дедушкины часы (расходившиеся с моими собственными, карманными, лишь на несколько мгновений. В самом деле, один из самых ценных предметов новозеландского экспорта – точное время). Через окно на посетителей своего хозяина мельком глянул какой-то индеец-работник. Более оборванного *renegado*⁴ я в жизни своей не видывал, но мистер Эванс заверил меня, что этот кварталон, Барнабас, – «самая проворная из овчарок, которым доводилось бегать на двух ногах». Оказывается, Киган и Дайфедд – честные неотесанные парни – более всего сведущи в овцах (у семьи имелось две сотни голов), поскольку никто из них никогда не ездил в Город (так островитяне именуют Новую Зеландию) и не получил никакого образования, за исключением уроков Священного Писания от своего отца, который и втемяшил им умение довольно сносно читать и писать.

Миссис Эванс любезно пригласила всех к столу, где мне довелось насладиться самой великолепной трапезой (не испорченной ни чрезмерным количеством соли, ни личинками, ни богохульствами) после прощального моего обеда с консулом Баксом и Партриджами возле Бомонта. Мистер д'Арнок потчевал нас рассказами о кораблях, экипажам которых он оказал духовную поддержку за десять лет пребывания на Чатемских островах, меж тем как Генри развлекал нас историями о своих пациентах, как выдающихся, так и заурядных, которых он пользовал в Лондоне и Полинезии. Я со своей стороны поведал об огромных трудностях, преодоленных мною, американским нотариусом, для розыска австралийского бенефициария, в пользу которого было сделано завещание в Калифорнии. Тушеную баранину и запеченные в тесте яблоки мы запили некрепким элем, который мистер Эванс варит для продажи китобоям. Киган и Дайфедд отправились к своему скоту, а миссис Эванс вернулась к своим кухонным хлопотам. Генри спросил, деятельны ли теперь миссионеры на Чатемах, после чего мистер Эванс и мистер д'Арнок переглянулись, и последний сообщил нам: «Нет, маори не одобряют того, чтобы мы, пакеха, как они нас называют, портили их мориори излишком цивилизованности».

Я спросил, существует ли такое зло, как «излишек цивилизованности». На это мистер д'Арнок отвечал так: «Мистер Юинг, раз уж к западу от мыса Горн не существует Бога, то здесь недействительны и ваши конституционные заявления насчет того, что „все люди созданы равными“».

Будучи уже знаком с терминами «маори» и «пакеха» после стоянки «Пророчицы» в заливе Островов, я стал умолять объяснить мне, что или кого могут означать «мориори». Вопрос мой открыл историческую шкатулку Пандоры, из которой посыпались все до мелочей обстоятельства упадка и гибели аборигенов Чатемских островов. Мы закурили трубки. Повествование мистера д'Арнока не прервалось и через три часа, когда ему надо было отправляться в Порт-Хатт, и продолжалось вплоть до наступления ночи, перекрывшей нескончаемый поток. Его изустная история, на мой взгляд, достойна пера Дефо или Мелвилла, и я изложу ее на этих страницах, но только после крепкого сна – по воле Морфея.

⁴ Абориген, отказавшийся от традиционного образа жизни (исп.).

Понедельник, 11 ноября

Рассвет выдался бессолнечным и липким от сырости. Вид у залива склизкий, но, слава Нептуну, погода достаточно мягкая, чтобы восстановительные работы на «Пророчище» могли продолжаться. Пока я пишу эти строки, как раз поднимают на место новый крьюс-марс.

Спустя короткое время, когда мы с Генри завтракали, явился возбужденный, весь взъерошенный мистер Эванс, настаивая, чтобы мой друг доктор немедленно навестил их затворницу-соседку, некую вдову Брайден, которая упала с лошади на каменистой пустоши. При сем присутствовала миссис Эванс, она сейчас приглядывает за вдовой и боится, что той угрожает переселение в мир иной. Генри захватил свой докторский чемоданчик и без промедления отправился туда. (Я предложил составить ему компанию, но мистер Эванс убедил меня воздержаться, поскольку пациентка взяла с него обещание, что никто, кроме доктора, не увидит ее в столь плачевном состоянии.) Уокер, подслушавший наши переговоры, сказал мне, что ни единый представитель мужского пола не ступал на порог дома вдовы за последние двадцать лет, и высказал предположение, что, «должно быть, фригидная старая кобыла действительно готова откинуть копыта, раз позволила этому шарлатану себя ощупывать».

Происхождение мориори Рекоху (самоназвание жителей Чатемских островов) покрыто тайной и по сегодняшний день. Мистер Эванс высказывает предположение, что они происходят от евреев, изгнанных из Испании, ссылаясь на их крючковатые носы и ехидно изогнутые губы. Теория, которой отдает предпочтение мистер д'Арнок, состоит в том, что мориори – бывшие маори, чьи каноэ разбились на этих, самых отдаленных из островов архипелага. Она основывается на сходстве языка и мифологии, а посему в ней больше каратов логики. Несомненно одно: после веков или тысячелетий пребывания в изоляции мориори живут так же примитивно, как их бедствующие собратья на Земле Ван-Димена^[5]. Искусство судостроения (не считая грубых плетеных плотов для пересечения проливов между островами) и навигации пришло в полный упадок. Мориори и не снилось, что на земном шаре имеются другие земли, на которых живут другие люди. Собственно, в их языке отсутствуют слова «нация», «раса», и «мориори» означает просто «люди». Животноводство у них не практиковалось, ибо на островах этих млекопитающие не водились, пока проплывавшие мимо китобои не высадили сюда свиней, чтобы обеспечивать себя их приплодом. В девственном своем состоянии мориори были фуражирами – подбирали моллюсков, ныряли за раками, крали птичьи яйца, охотились с копьями на тюленей, собирали бурые водоросли и выкапывали корни и личинок.

Из вышеизложенного следовало, что мориори были не более чем местной разновидностью большинства языческих племен, наряженных в юбки из соломы и накидки из перьев, что проживали на все убывающих «белых пятнах» в океане, еще не исследованных Белым Человеком. Однако притязания старого Рекоху на неповторимость основаны на его совершенно особых пацифистских верованиях. С незапамятных времен жреческое сословие мориори проповедовало, что всякий, кто пролил человеческую кровь, убил свой собственный жизненный жезл – свою честь, достоинство, положение и душу. Никто из мориори не разделит с ним кров, не станет с ним вместе есть, не будет ни разговаривать, ни даже смотреть на *persona non grata*. Если всеми отвергнутый убийца доживет до первой своей зимы, то отчаяние, внушаемое одиночеством, приведет его к проруби у мыса Юнга, где он сведет счеты с жизнью.

Поразмыслите об этом, призывал нас мистер д'Арнок. Две тысячи дикарей (по оценке мистера Эванса) лелеют заповедь «Не убий» как словом, так и делом, создавая «Великую хартию»^[6] для обеспечения гармонии, неведомой где-либо еще на протяжении шестидесяти веков, с тех пор как Адам вкусил плод с Древа Познания. Война для мориори была столь же чуждым понятием, как телескоп – для пигмеев. Мир, не пробелы между войнами, но тысячелетия нерушимого мира – вот что правило этими отдаленными островами. Кто возьмется отрицать, что

старый Рекоху находится куда ближе к Утопии Мора^[7], нежели наши Государства Прогресса, которыми правят жаждущие войн князьки – в Версале и Вене, Вашингтоне и Вестминстере? «Здесь, – провозгласил мистер д'Арнок, – и только здесь осуществились эти возвышенные иллюзии – среди благородных дикарей, впитавшись в их плоть и кровь!»

(Позже, когда мы возвращались в «Мушкет», Генри признался: «Мне никогда бы и в голову не пришло назвать расу дикарей настолько отсталых, что они даже и копье-то не в состоянии метнуть прямо, „благородной“!»)

Стекло и мир сходным образом обнаруживают свою хрупкость перед лицом повторных ударов. Первым ударом для мориори стал флаг Соединенного Королевства, во имя короля Георга водруженный на берегу залива Столкновения лейтенантом Браутоном, капитаном корабля его величества «Чатем», ровно пятьдесят лет назад. Тремя годами позже открытие Браутона стало достоянием агентств по морским сообщениям в Сиднее и Лондоне, и горстки свободных поселенцев (в числе которых был отец мистера Эванса), разорившихся моряков и «осужденных, не ладящих с колониальными властями Нового Южного Уэльса по поводу условий своего заключения», стали выращивать здесь тыкву, лук, маис и морковь. Этим они торговали с нуждающимися в овощах охотниками на тюленей, которые стали вторым ударом по независимости мориори, развеяв надежды на процветание тем, что обагрляли волны прилива тюленьей кровью. (Выгодность сего занятия мистер д'Арнок проиллюстрировал следующей арифметикой – одна шкура приносила в Кантоне 15 шиллингов, а эти самые охотники-пионеры собирали более двух тысяч шкур на одном судне!) Через несколько лет тюленей можно было найти только на отдаленных скалах, и «охотники за шкурами» тоже занялись выращиванием картофеля, разведением овец и свиней, причем так рьяно, что Чатеми ныне окрестили «Тихоокеанским огородом». Эти самозванные фермеры расчищают землю, выжигая кустарник, и огонь тлеет под торфом многие годы, в сухие периоды вырываясь на поверхность и сея новые бедствия.

Третьим ударом для мориори стали китобойные суда, ныне в изрядных количествах заходящие в Оушен-Бей, Вайтанги, Овенгу и Те-Вакару для пополнения запасов, килевания и ремонта. Кошки и крысы с этих самых судов расплодились, став истинной казнью египетской, и пожрали всех гнездившихся в норках птиц, яйца которых так ценились мориори в качестве пищи. В-четвертых, разномастные болезни, поражающие темные расы, как только к ним приближается белая цивилизация, еще более уменьшали количество туземного населения.

Возможно, мориори перенесли бы все эти невзгоды, если бы в Новой Зеландии не появлялись сообщения, изображавшие острова Чатем как подлинный Ханаан с лагунами, кишащими угрями, бухточками, усеянными моллюсками, и жителями, не знающими ни битв, ни оружия. Нгати-Тама и Нгати-Мутунга, двум кланам маори Таранаки-Те-Ати-Ава (генеалогия у маори, заверил нас мистер д'Арнок, совершенно так же запутанна, как те генеалогические древа, что столь почитаются европейской знатью; по сути, каждый мальчишка этой бесписьменной расы во мгновение ока способен припомнить имя и «чин» своего прапрадеда), эти слухи сулили воздаяние за их родовые поместья, утраченные во время недавних «мушкетных войн». Они отрядили шпионов, чтобы те испытали нрав мориори, нарушая табу и разоряя священные места. Эти козни мориори восприняли так, как того требует наш Господь, «подставляя другую щеку», и нарушители, вернувшись в Новую Зеландию, подтвердили очевидное малодушие мориори. Татуированные маори-конкистадоры нашли себе армаду из единственного судна некоего Харвуда, капитана брига «Родни», который на исходе 1835 года согласился переправить в два захода девятьсот маори и семь военных каноев, в *guerno*⁵ на семенной картофеле, огнестрельное оружие, свиней, огромное количество льняных очесов и пушку. (Пять лет назад мистер д'Арнок случайно встретился с Харвудом, бедствовавшим в таверне залива

⁵ Обмен (искаж. ит.).

Островов. Поначалу тот отрицал, что является Харвудом с «Родни», а потом стал клясться, что его принудили к доставке черных, однако было совершенно неясно, каким образом к нему применили это принуждение.)

«Родни» вышел из Порт-Николаса в ноябре, но дикарский груз его, состоявший из пяти сотен мужчин, женщин и детей, плотно набитых в трюмы, на протяжении шестидневного плавания задыхающихся среди блевоты и экскрементов и практически лишенный воды, был доставлен в бухту Вангатит в таком ослабленном состоянии, что, стоило им лишь того пожелать, даже мориори могли бы расправиться со своими воинственными собратьями. Вместо этого добрые самаритяне, предпочитая не разрушать свою ману кровопролитием, решили поделиться с ними оскудевшим изобилием Рекоху – и выходили больных и умирающих маори, вернув им здоровье. «Маори и прежде появлялись в Рекоху, – пояснил мистер д'Арнок, – однако опять уплывали, и мориори полагали, что эти колонисты таким же образом оставят их в покое».

Благородство мориори было вознаграждено, когда капитан Харвуд вернулся из Новой Зеландии с еще четырьмястами маори. Теперь чужаки принялись захватывать Чатем путем такахи, ритуала маори. Это слово переводится так: «продвигаться по земле, чтобы ею овладеть». Старый Рекоху был таким образом рассечен на части, и всем мориори было объявлено, что отныне они являются вассалами маори. В начале декабря, когда несколько дюжин аборигенов воспротивились, их походя убили томагавками. Маори доказали, что являются способными учениками англичан в «темном искусстве колонизации».

На востоке острова Чатем имеется огромная лагуна, соленая и болотистая, Те-Вангу, она очень походит на внутреннее море, но подпитывает ее во время приливов океан – через устье лагуны возле Те-Авапатики. Четырнадцать лет назад мориори устроили на этой священной земле что-то вроде парламента. Совещались на протяжении трех дней с целью разрешить единственный вопрос: «Не приведет ли и пролитие крови маори к разрушению человеческой маны?» Молодые люди утверждали, что верование в Мир не учитывало существования чужеземных каннибалов, о которых их предкам ничего не было известно. Старшие призывали к умиротворению, ибо, пока мориори сохраняют свою землю, а с ней – и ману, боги и предки будут отводить от их расы все беды. «Обними врага своего, – настаивали старшие, – чтобы не дать ему ударить тебя». («Обними врага своего, – съязвил Генри, – чтобы почувствовать, как кинжал его щекочет почки твои».)

Старшим удалось в тот день победить, но это мало что означало. «Не имея численного превосходства, – поведал нам мистер д'Арнок, – маори добиваются преимущества, нанося удар первыми и изо всех сил, что могут подтвердить из своих могил многие злополучные британцы и французы». Нгати-Тама и Нгати-Мутунга держали свои собственные советы. Возвращаясь со своего подобия парламента, мужчины мориори угодили в засады, для них настала ночь бесчестия за гранью всякого кошмара, ночь бойни, разыгравшейся среди пылающих деревень, когда насиловали мужчин и женщин и рядами усаживали их на колья вдоль побережий, когда дети прятались в норах, но их вынюхивали и разрывали на части охотничьи собаки. Некоторые из вождей заботились о завтрашнем дне и убивали лишь стольких, чтобы внушить оставшимся ужас и заставить повиноваться. Другие не были столь воздержанны. На побережье Вайтанги пятьдесят мориори были обезглавлены, разделаны, завернуты в листья, а затем зажарены в огромной земляной печи с ямсом и сладким картофелем. Не более половины тех мориори, что видели последний закат старого Рекоху, выжили, чтобы увидеть восход солнца маори. («Теперь не осталось и сотни чистокровных мориори, – скорбно возвестил мистер д'Арнок. – На бумаге Британская корона освободила их от ярма рабства долгие годы назад, да только маори нет никакого дела до бумаг. До резиденции губернатора неделя плавания, а гарнизона ее величества на Чатемских островах нет».)

«Почему, – спросил я, – белые не остановили маори во время той бойни?»

Мистер Эванс больше не спал и даже наполовину не был столь глух, как мне казалось.
«Вам приходилось видеть воинов маори, обезумевших от крови, мистер Юинг?»

Я признался, что нет.

«Но вы ведь видели обезумевших от крови акул, не так ли?»

Я ответил утвердительно.

«Довольно похоже. Представьте себе окровавленного теленка: он мечется на мелководье, кишасшем акулами. Что делать – держаться подальше от воды или попытаться сдержать акул? Таков был наш выбор. Да, мы помогли тем немногим, что пришли к нашим дверям, – одним был наш пастух Барнабас, – но если бы в ту ночь мы вышли из дому, нас никто больше не увидел бы. Помните, что нас, белых, в то время на Чатемах было менее пятидесяти человек. А маори, всех вместе, – девятьсот. Маори блюдут пакеха, мистер Юинг, но при этом презирают нас. Никогда об этом не забывайте».

Какую же мораль можно из этого извлечь? Миролюбие, хоть и возлюблено нашим Господом, являет собой главную добродетель только в том случае, если ваши соседи разделяют ваши убеждения.

Ночью

Имя мистера д'Арнока не стяжало в «Мушкете» особой любви. «Белый черномазый, полукровка, не человек, а какая-то дворняжка, – сказал мне Уокер. – Никто не знает, что он такое». Саггс, однорукий пастух, живущий под баром, божится, что наш знакомый не кто иной, как бонапартистский генерал, скрывающийся здесь под вымышленным именем. А кто-то другой клялся, что он поляк.

Слово «мориори» здесь тоже не любят. Пьяный мулат-маори сказал мне, что вся история аборигенов была измышлена «безумным старым лютеранином» и мистер д'Арнок твердит свою проповедь о мориори только для того, чтобы обосновать свои собственные мошеннические притязания на земли маори, истинных владельцев Чатемских островов, которые приплывают сюда на своих каноэ с незапамятных времен! Джеймс Коффи, хозяин свинофермы, сказал, что маори оказали Белому Человеку услугу, искоренив другую расу дикарей, чтобы расчистить место для нас, добавив, что подобным же образом русские натаскивали казаков, дабы те «разминали сибирские шкуры».

Я возразил, сказав, что наша цель должна состоять в том, чтобы цивилизовать черные расы путем обращения в христианство, а не в том, чтобы их истреблять, ибо их тоже создала рука Господа. Все находившиеся в таверне словно бы произвели в меня бортовой залп – за «сентиментальную трескотню, на которую только янки и способны!». Один проорал: «Лучшие из них и те не достойны умереть как свиньи! Черных спасет только одно евангелие – евангелие кнута!» А другой: «Мы, британцы, уничтожили рабство в своей империи – ни один американец не может сказать ничего подобного!»

Позиция Генри была, мягко говоря, неопределенной. «После многих лет работы с миссионерами я склоняюсь к заключению, что все их усилия лишь продлевают агонию умирающей расы на десять или двадцать лет. Милосердный пахарь пристреливает верную лошадь, которая становится слишком стара для работы. Коль скоро мы филантропы, то не состоит ли наш долг в том, чтобы подобным же образом смягчать страдания дикарей, ускоряя их угасание? Подумайте о своих краснокожих, Адам, подумайте обо всех договорах, от которых вы, американцы, отрекались и отрещивались – снова, и снова, и снова. Гуманнее, конечно же, и честнее просто надавать дикарям по голове и покончить со всем этим!»

Сколько людей, столько и истин. Время от времени мне видится более истинная Истина, скрывающаяся в несовершенном подобии самой себя, но как только я к ней приближаюсь, она пробуждается и погружается еще глубже в поросшее колючим кустарником болото разногласий.

Вторник, 12 ноября

Наш благородный капитан Молинё почтил сегодня «Мушкет» своим посещением, чтобы поторговаться с хозяином о цене пяти бочонков солонины (дело было улажено после шумной игры в трентуно, победу в которой одержал капитан). К огромному моему удивлению, прежде чем вернуться к наблюдению за работой на верфи, капитан Молинё потребовал уединенного разговора с Генри – в комнате моего товарища. Разговор этот продолжается и сейчас, когда я пишу эти строки. Приятель мой предупрежден о крутом нраве капитана, но мне все равно не по себе.

Позже

Капитан Молинё, как выяснилось, страдает от некоего недуга, который, если его не лечить, может ослабить всевозможные способности, которых требует его положение. Поэтому капитан предложил Генри отправиться с нами в Гонолулу (с довольствием и отдельной каютой, предоставляемыми бесплатно), исполняя до нашего прибытия обязанности корабельного доктора и личного врача капитана Молинё. Друг мой объяснил, что намеревался вернуться в Лондон, но капитан Молинё был крайне настойчив. Генри обещал обдумать этот вопрос и принять решение к утру пятницы – дня, на который теперь назначено отплытие «Пророчицы».

Генри не назвал болезнь капитана, а я не спрашивал, хотя не требуется быть Эскулапом, чтобы подметить: капитана Молинё терзает подагра. Осторожность моего друга делает ему честь. Какие бы странности ни выказывал Генри Гуз как собиратель редкостей, я уверен, что доктор Гуз являет собою образцового целителя, и лелею ревностную – а может, и своекорыстную – надежду, что Генри даст положительный ответ на предложение капитана.

Среда, 13 ноября

Я обращаюсь к своему дневнику, словно католик – к исповеднику. Синяки мои настаивают на том, что случившееся за эти необычайные пять часов не было болезненным видением, внушенным мне моим Недугом, но произошло на самом деле. Я опишу все, что сегодня со мной приключилось, как можно ближе придерживаясь фактов.

Нынешним утром Генри снова отправился в хижину вдовы Брайден, чтобы поправить ей лубок и сменить припарку. Вместо того чтобы предаваться безделью, я решил взойти на выдающийся среди прочих холм к северу от Оушен-Бей, известный под названием Конического пика и обещающий своей высотой наилучший вид на захолустные области острова Чатем. (У Генри, человека более зрелого возраста, слишком уж много здравого смысла, чтобы бродить по лишенным всякого присмотра островам, населенным каннибалами.) Вялый ручей, снабжающий водой Оушен-Бей, вел меня против течения через болотистые пастбища, изъязвленные пнями склоны, в девственные леса с порослью столь трухлявой, узловатой и спутанной, что я вынужден был взбираться вверх, как орангутан! Внезапно, подобно залпу, разразился град – он наполнил лес бешеной колотьбой и столь же неожиданно оборвался. Я заметил черногрудую малиновку, с оперением дегтярным, словно ночь, и кротостью на грани презрения ко всем. Где-то запела невидимая тью, но мое воспламененное воображение придало ее пению свойства человеческой речи. «Око за око! – зывала она, порхая в лабиринте бутонов, ветвей и колючек. – Око за око!» После изнурительного восхождения я одолел вершину, совершенно вымотанный и уязвленный тем, что не знал, сколько времени, ибо накануне пренебрег заводкой своих карманных часов. Матовые дымки, частые на этих островах (аборигенное название «Рекоху», сообщил нам мистер д'Арнок, означает «Солнце тумана»), опускались, пока я поднимался, так что лелеемая мною панорама обернулась не чем иным, как верхушками деревьев, тонущими в морosi. Поистине скудная награда за все мои усилия.

Вершина Конического пика оказалась кратером диаметром с бросок камня, окружавшим скалистый спуск, дно которого лежало, невидимое, далеко внизу, скрытое траурной листвой целого гросса, если не более, деревьев копи. Мне не следовало помышлять об исследовании его глубины без помощи веревок и киркомотыги. Я кружил по краю кратера, отыскивая более легкий путь для возвращения в Оушен-Бей, как вдруг пугающее «хв'руш!» заставило меня броситься на землю. Сознание не терпит пустоты, а потому склонно населять ее призраками, так что мне сначала привиделся нападающий на меня клыкастый боров, а потом – воин маори с поднятым копьем, причем на лице его читалась наследственная ненависть, свойственная его расе.

Это была всего лишь самка ястреба, чьи крылья хлопали в воздухе, словно паруса. Я наблюдал, как она снова исчезала в призрачном тумане. Находясь в целом ярде от края кратера, я, к ужасу своему, обнаружил, что дерн подо мной распадается подобно жировой корочке, – я находился не на твердой почве, но на выступе, под которым была пустота! В отчаянии я снова бросился грудью на землю, хватаясь за травинки, но те рвались у меня в пальцах, и я отвесно повалился вниз – кукла, которую швырнули в колодез! Помню, как я крутился в пространстве, как вопил, а ветви когтили мне глаза, как я кувыркался и как цеплялась моя куртка за сучья, разрываясь то там, то сям; помню рыхлую землю, предвидение боли, страстную, бессвязную молитву о помощи, кустарник, замедливший, но не остановивший мое падение, и безнадежную попытку восстановить равновесие – скольжение – и, наконец, *terra firma*⁶, бросившуюся кверху, чтобы меня встретить. Удар лишил меня чувств.

Я лежал среди туманных одеял и невесомых подушек, в Сан-Франциско, в спальне, похожей на мою собственную. «Ты *очень* глупый мальчик, Адам», – произнес карлик-слуга. Вошли Тильда и Джексон, но когда я попытался выразить свое ликование, изо рта вырвались не английские слова, но гортанный лай индейцев! Жене и сыну стало за меня стыдно, и они забрались в карету. Я бросился следом, силясь исправить это недоразумение, но карета, быстро уменьшаясь, удалилась, прежде чем я очнулся в лесистых сумерках и тишине, гулкой и вечной. Мои ушибы, порезы, все мышцы и конечности гудели, словно зал суда, полный недовольных тяжущихся.

Подстилка из мха и мульчи, лежавшая в этой мрачной впадине со второго дня Творения, спасла мне жизнь. Ангелы сохранили мои члены целыми, однако, даже несмотря на то что ни единая рука или нога не была сломана, мне приходилось лежать неподвижно – я не в состоянии был распрямиться, опасаясь смерти, несомой стихиями или же звериными клыками. Встав же наконец на ноги и увидев, сколько именно я скользил и падал (высота фок-мачты), избежав куда худших повреждений, я возблагодарил Господа нашего за свое спасение, ибо, воистину, «в бедствии ты призвал Меня, и Я избавил тебя; из среды грома Я услышал тебя»^[8].

Глаза мои приспособились к мраку, и мне открылось зрелище одновременно неизгладимое, пугающее и утонченное. Сначала одно, потом десяток, потом сотни лиц возникли из вечной тьмы, вытесанные идолопоклонниками из дерева; казалось, будто жестокий чародей заставил замереть в неподвижности лесных духов. Нет таких прилагательных, которые могли бы точно обрисовать это василисково племя! Только неодушевленное может быть столь живым. Я провел пальцами по этим ужасным образам. У меня не было и тени сомнения в том, что с самого доисторического начала его существования я был первым белым, оказавшимся в этом мавзолее. Самому молодому из этих дендроглифов, полагаю, лет десять, но самые старые, растянувшиеся по мере взросления деревьев, были вырезаны язычниками, самые призраки которых давно усопли. Такая древность, несомненно, свидетельствовала о существовании мориори из рассказов мистера д'Арнока.

⁶ Твердую почву (*лат.*).

В зачарованной обители время шло незаметно, а я все искал способ оттуда выбраться, приободренный знанием того, что авторы древесных скульптур должны как-то выбираться на поверхность из этой самой ямы. Одна из стен выглядела менее крутой, и жилистые ползучие растения предлагали своего рода перила. Я готовился взбираться, когда внимание мое привлёк загадочный гомон. «Кто это там? – воззвал я (полное безрассудство для безоружного белого самозванца, вторгшегося в языческий храм). – Покажись!» Слова мои, а затем их эхо насмешливо поглотила тишина. Недуг мой вызвал во мне раздражение. Гомон, как выяснилось, производился огромным количеством жужжащих мух, круживших вокруг какой-то выпуклости, наколотой на сломанную ветку. Я ткнул в этот ломоть сосновой палкой, и меня едва не стошнило, ибо то был кусок зловонной мертвечины. Повернулся было, чтобы убраться прочь, но долг обязывал меня развеять мрачное подозрение, что на дереве висит человеческое сердце. Прикрыв нос свой и рот носовым платком, я снова дотронулся до злосчастного желудочка. Орган пульсировал, словно живой! – и Недуг мой ожег мне огнем позвоночник! Словно во сне (но это было наяву!), полупрозрачная саламандра появилась из своего гниющего обиталища и устремила вдоль палки к моей руке! Я отшвырнул палку и не увидел, где исчезла та саламандра. Страх вызвал прилив крови, и я пустился в бегство. Это легче написать, чем сделать, ибо если бы я соскользнул и снова обрушился с одной из этих головокружительных стен, удача не позволила бы мне смягчить во второй раз падение; но в скале были выдолблены углубления для ног, и милостью Божией мне удалось добраться до края кратера без происшествий.

Снова окутанный мрачным облаком, я жаждал оказаться среди людей того же цвета, что я сам, да, пусть даже среди грубых моряков из «Мушкета», и по наитию принялся спускаться в южном – как я надеялся – направлении. Первоначальная моя решимость доложить обо всем увиденном (конечно же, мистеру Уокеру, который, пусть не де-юре, но де-факто являлся местным консулом, следовало сообщить о краже человеческого сердца) ослабевала по мере того, как я приближался к Оушен-Бею. Сердце, скорее всего, было кабаньим – или овечьим. Ну конечно. Перспектива того, что Уокер и ему подобные будут рубить те деревья и продавать дендроглифы коллекционерам, возмущала мою совесть. Может, я и сентиментален, но мне не хочется способствовать окончательному уничтожению мориори⁷.

Вечером

В небе уже ярко полыхал Южный Крест, когда в «Мушкет» вернулся Генри, которого задержали другие островитяне, жаждавшие проконсультироваться у «исцелителя вдовы Брайден» по поводу своих насморков, катаров и водянок. «Будь картофелины долларами, – сетовал мой друг, – я стал бы богаче Навуходоносора^[9]!» Он был огорчен моим (сильно смягченным в пересказе) злостью на Коническом пике и настоял на обследовании полученных мною повреждений. Перед тем я добился от своей индейской прислуги, чтобы она наполнила мне ванну, и вышел из нее, значительно укрепив силы. Генри преподнес мне склянку бальзама для лечения моих воспалений и не взял за нее ни цента: отказывался, как я ни настаивал. Опасаясь, что это может оказаться последней моей возможностью получить консультацию у одаренного врача (Генри намерен отказаться от предложения капитана Молинё), я раскрыл ему свои страхи перед Недугом. Он выслушал меня очень спокойно и спросил о частоте и длительности моих приступов. Генри выразил сожаление, что у него нет ни времени, ни инструментов для полного обследования, но посоветовал, чтобы я, вернувшись в Сан-Франциско, срочно нашел специалиста по тропическим паразитам (я не смог признаться ему, что таковых там нет).

Сна ни в одном глазу.

⁷ Отец никогда не говорил мне об этих дендроглифах, и я узнал о них лишь то, что описано во «Вступлении». Мориори островов Чатем являются ныне племенем на грани уничтожения, и я стараюсь, чтобы сведения о них не попали в нечистоплотные руки. – Дж.с. Ю.

Четверг, 14 ноября

Мы отплываем с утренним приливом. Я снова на борту «Пророчицы», но не могу притвориться, что рад возвращению. В гробу моем теперь хранятся три бухты канатов, через которые приходится перешагивать, чтобы добраться до койки, поскольку на виду не осталось ни единого дюйма пола. Мистер д'Арнок продал нашему старшине-рулевому полдюжины бочек различной провизии и рулон парусины (к вящему неудовольствию Уокера). Он явился на борт, чтобы проследить за их доставкой, самому взять за них плату и пожелать мне всего доброго. В моем гробу мы были стиснуты так, словно угодили вдвоем в какую-то выбоину, а посему вернулись на палубу, ибо вечер стоял чудесный. Обсудив разнообразные предметы, мы пожали друг другу руки, и он сошел на ожидавший его кеч, команда которого состояла из двоих ловких слуг-полукровок.

У мистера Родерика моя просьба, чтобы досаждающие мне канаты переместили куда-нибудь, особого сочувствия не вызвала, ибо сам он вынужден покинуть свою отдельную каюту (по причине, которую изложу ниже) и ютиться в носовом кубрике вместе с простыми матросами, число которых возросло на пятерых кастильцев, «позаимствованных» с испанского судна, стоявшего на якоре в заливе. Капитан их являл собой олицетворение ярости, но, не смея объявить «Пророчице» войну – в каковой битве ему, несомненно, расквасили бы нос, ибо он управляет самой утлой посудиною, – он мало что мог сделать, кроме как возблагодарить свою звезду, что капитану Молинё не потребовалось еще большее число дезертиров. Самые слова «направляется в Калифорнию» кажутся усыпанными золотом и всех туда приманивают, как мотыльков приманивает фонарь. Эти пятеро заменили двоих, дезертировавших в заливе Островов, а также потерянных во время бури, однако до полной команды все равно недостает нескольких человек. Финбар говорит мне, что люди ворчат по поводу нового распределения, ибо из-за мистера Родерика, угнездившегося в их кубрике, они не могут свободно поболтать за бутылкой.

Судьба щедро меня вознаградила. Уплатив по ростовщическому счету Уокера (на чай этому негодяю я не дал ни цента), я упаковывал свой сундук из просмоленного дерева, когда вошел Генри, приветствуя меня такими словами: «Доброе утро, товарищ по плаванию!» Господь внял моим молитвам! Генри согласился стать корабельным доктором, и теперь я уже не останусь без друзей на этом плавучем скотном дворе. Рядовые матросы тупы, как мулы: вместо благодарности за то, что теперь у них под рукой будет доктор, способный наложить лубки на переломы и лечить от инфекций, можно порой услышать, как они ворчат: «Вот еще – везти корабельного доктора, который не может пройти по бушприту! Что у нас здесь, королевская барка?»

Должен признаться: мое самолюбие испытало укол из-за того, что капитан Молинё заставил платящего за проезд джентльмена, такого как я, довольствоваться жалкой каюткой, в то время как он всегда мог предоставить мне помещение гораздо более просторное и уютное. Но куда более важным представляется обещание Генри приложить все свои превосходные дарования, дабы определить мой Недуг, как только мы выйдем в море. Облегчение мое неопишимо.

Пятница, 15 ноября

Мы оказались на ходу на самом рассвете, несмотря на то что пятница среди моряков считается Ионей: приносит одни несчастья. (Капитан Молинё ворчит: «Предрассудки, все дни святых и прочие чертовы финтифлюшки – это чудная забава для разных там папистских торговцев рыбешкой, но вот я собираюсь получить прибыль!») Мы с Генри не рискнули выйти на палубу, поскольку все заняты снастями, а южный ветер очень свеж, и это – при беспокойном море; вчера на корабле было много хлопот, и сегодня их будет не меньше. Полдня мы провели, обустроивая в каюте Генри врачебный кабинет и аптеку. Помимо всех принадлежностей

современного врача, у моего друга имеется несколько ученых томов – на английском, латыни и немецком. В чемодане, в закупоренных бутылках с надписями на греческом, хранится множество порошков. Их он смешивает для получения разнообразных пилюль и мазей. Ближе к полудню мы выглянули в люк нашего отсека, и Чатемы предстали перед нами как чернильные кляксы на свинцовом горизонте, но качка, килевая и бортовая, небезопасна для тех, чьи ноги целую неделю отдыхали от моря на берегу.

После полудня

В дверь моего гроба постучался швед Торгни. Удивленный и заинтригованный его вкрадчивыми манерами, я пригласил его войти. Он уселся на пирамиду канатов и шепотом сообщил, что пришел ко мне с предложением от нескольких своих корабельных приятелей. «Скажите нам, где проходят лучшие жилы, тайные, которые вы, местные, сохраняете для себя. Мы с приятелями займемся выработкой. А вы будете просто себе посиживать, и мы отвалим вам десятую часть».

Через мгновение до меня дошло, что Торгни имел в виду калифорнийские прииски. Итак, когда мы оба, я и «Пророчица», достигнем мест своего назначения, предстоит массовое дезертирство! Что ж, все мои симпатии на стороне моряков! Сказав так, я поклялся Торгни, что не располагаю сведениями о золотых залежах, ибо целый год был в отсутствии, но совершенно бесплатно и с радостью составлю карту тех «Эльдорадо», что у всех на слуху. Торгни не возражал. Вырвав лист из своего дневника, я набрасывал схему расположения Саусалито, Бенесии, Станислауса, Сакраменто и проч., когда вдруг чей-то злобный голос проговорил: «Ни дать ни взять оракул, а, мистер Щелкопер?»

Мы не слышали, как Бурхаав спустился по трапу и чуть приоткрыл мою дверь! Торгни в смятении вскрикнул, трижды каясь в своем прегрешении. «Скажи-ка на милость, – продолжал старший помощник, – что за дельце у тебя с нашим пассажиром, ты, Прыщик из Стокгольма?» Торгни онемел, но я не собирался позволить себя запугать и сказал этому громиле, что описывал виды своего города, лучшие, чтобы Торгни сполна получил удовольствие во время увольнения на берег.

Бурхаав задрал брови: «Вы уже раздаете увольнения на берег, так, что ли? Что-то новенькое для моих старых ушей. Не угодно ли вам дать мне эту бумагу, мистер Юинг?» Мне угодно не было. Мой подарок моряку не предназначался для того, чтобы его присваивал голландец. «О, прошу прощения, мистер Юинг. Торгни, изволь принять свой подарок». Мне ничего не оставалось делать, кроме как вручить его остолебеневшему шведу. Мистер Бурхаав тут же возгласил: «Торгни, давай сюда *свой* подарок, да побыстрее, иначе, клянусь дверьми ада, ты пожалеешь о том дне, когда выполз из материнской... [перо мое не в силах запечатлеть его богохульств]». Омертвевший швед повиновался.

«Весьма поучительно, – заметил Бурхаав, разглядывая мою картографию. – Капитану будет очень приятно узнать, как вы стараетесь улучшить положение наших паршивых замухрышек, мистер Юинг. Торгни, полезешь наверх впередсмотрящим, на сутки. И на двое суток, если кто увидит, что ты ешь или пьешь. А коли замукает жажда, лакай свои с – ки».

Торгни улетучился, но со мной старший помощник еще не закончил. «В этих водах полно акул, мистер Щелкопер. Следуют за судами, лакомятся отходами, что выбрасывают за борт. Однажды я видел, как они ели одного пассажира. Он, подобно вам, пренебрегал своей безопасностью, вот и свалился за борт. Мы слышали его вопли. Большие белые играют со своим обедом, поглощают его не спеша, то ногу отхватят, то еще какой-нибудь кусочек, и этот жалкий м-к оставался в живых дольше, чем вы смогли бы поверить. Подумайте над этим». Он закрыл дверь моего гроба. Бурхаав, как и все громилы и тираны, гордится самой своей омерзительностью, делающей его притчей во языцех.

Суббота, 16 ноября

Судьба наградила меня величайшей неприятностью за все время моего вояжа! Мне доверилась тень старого Рекоху, единственными помыслами которого являются бесшумность и осторожность посреди поругания, обусловленного подозрениями и сплетнями. Однако я не виновен ни по единому пункту, если не считать христианского смирения и непротivления невзгодам! Месяц миновал с того дня, как мы отплыли из Нового Южного Уэльса и я написал эти беззаботные слова: «Предвижу бедное событиями, томительное и скучное путешествие». Теперь эта фраза выглядит насмешкой! Мне никогда не забыть последних восемнадцати часов, но, поскольку я не могу ни спать, ни думать (а Генри уже лег), с бессонницей мне остается бороться лишь одним способом: клясть свою Судьбу на этих жалостливых страницах.

Накануне вечером я вернулся в свой гроб усталым как собака. Помолившись и задув лампу, я лег и, убаюканный мириадами корабельных голосов, погрузился было в мелководье сна, как вдруг хриплый голос – внутри моего гроба! – испугал меня так, что сна как не бывало! «Мисса Юинг, – настойчиво умолял этот шепот, – не бойтесь! Мисса Юинг – нет вреда – нет кричать, пожалуйста, сэр».

Я непроизвольно подпрыгнул и ударился головой о шпангоут. В двойном мерцании – янтарном свете, льющемся сквозь щели между проемом и плохо к нему прилаженной дверью, и свете звезд, проникающем через иллюминатор, – увидел я, как сам собой разматывается змеевидно уложенный канат и из него высвобождается черная фигура, словно мертвец при звуке Последней Трубы! Могучая рука, казалось, проплыла через тьму и запечатала мне рот, прежде чем я сумел закричать! Напавший прошипел: «Мисса Юинг, нет вреда, вы безопасны, я друг мисса д'Арнок, – вы знать, он христианин, – пожалуйста, тихо!»

Разум наконец ополчился против моего испуга. Не дух, а человек прятался в моем помещении. Если бы он хотел перерезать мне глотку ради моей шляпы, башмаков и бумажника, я был бы уже мертв. Если мой тюремщик был безбилетником, то не я, а он рисковал жизнью. Благодаря его неправильномуговору, его слабо видимому силуэту и его запаху интуиция подсказывала мне, что безбилетник был индейцем, единственным на корабле с пятьюдесятью белыми. Очень хорошо. Я медленно покивал в знак того, что кричать не буду.

Осторожная рука освободила мой рот. «Меня зовут Аутуа, – сказал он. – Вы знаете я, вы видел я, – вы жалел я». Я спросил, о чем таком он толкует. «Маори бил меня кнутом – вы видел». Память моя превозмогла причудливость происходящего, и я вспомнил, как этого мориори стегал Повелитель Ящериц. Это его умилило. «Вы хороший человек – мисса д'Арнок говорил я, вы хороший человек, – вчера он прятал я в ваша каюта – я убегает – вы помогает, мисса Юинг». Теперь уже у меня не мог не вырваться стон! И его рука снова зажала мне рот. «Если вы не поможет – я в беде умереть».

Совершенно верно, подумал я, и, более того, ты и меня за собой потянешь, если только мне не удастся убедить капитана Молинё в своей невиновности! (Я сгорал от возмущения поступком д'Арнока, и по-прежнему стораю. Пусть сам делает свои «добрые дела» и оставит ни в чем не повинных наблюдателей в покое!) Я сказал безбилетнику, что он уже и так «в беде умереть». «Пророчица», мол, это коммерческое судно, а не «подземная железная дорога» для беглых рабов.

«Я матрос первой статьи! – настаивал черный. – Я заработаю проезд!» Хорошо и прекрасно, сказал я ему (сильно сомневаясь в его притязании на бытность матросом первой статьи) и настоятельно посоветовал немедленно отдаться на милость капитана. «Не! Они не слушает я! „Плыви назад, нигер!“ – они говорит и бросает я в океан. Вы закон знает, да? Вы идет, вы говорит, я остается, я прячется! Пожалуйста. Кэп слушает вы, мисса Юинг! Пожалуйста».

Тщетно пытался я его убедить, что нет такого ходатая, который был бы менее ценим при дворе капитана Молинё, нежели янки Адам Юинг.

Авантюра, затеянная мориори, принадлежит только ему, и я не желаю принимать в ней участия. Его рука нащупала мою и, к ужасу моему, сомкнула мои пальцы на рукоятке кинжала. Решительными и бесстрастными были его слова: «Тогда вы убивает я». С потрясающим спокойствием и определенностью он прижал его острие к своему горлу. Я сказал индейцу, что он сумасшедший. «Не так: вы не помогает я, вы убивает я, одно и то же. Это так, вы это знает». (Я умолил его успокоиться и говорить тише.) «Так убивай я. Скажи другие, я напал на вы, и вы я убивает. Я не быть еда рыбы, мисса Юинг. Умирать здесь лучше».

Проклинаю свою совестьливость единожды, судьбу свою – дважды и мистера д'Арнока – трижды, я попросил его вложить свой кинжал в ножны и во имя Господа сдерживаться, чтобы никто из команды не услышал его, не явился сюда и не стал колотить в дверь. Пообещал подойти к капитану за завтраком, ибо сейчас он почивает, а прерывать его сон будет означать только одно: безусловно обречь все предприятие на неудачу. Безбилетник этим удовольствовался и поблагодарил меня. Он снова скользнул внутрь бухты каната, оставив меня наедине с почти неразрешимой задачей – измыслить обстоятельства появления аборигена на английской шхуне, которые не навлекли бы на его открывателя и соседа по каюте обвинений в заговоре. Дыхание дикаря сообщило мне, что он спит. У меня был соблазн броситься к двери и возопить о помощи... но в глазах Господа данное мною слово было моим обязательством – даже слово, данное индейцу.

До меня доносилась какофония: поскрипывали перегородки и половицы, раскачивались мачты, изгибались канаты, хлопали паруса, ступали по палубам ноги, блеяли козлы, шныряли крысы, стучали насосы, били склянки, отмеряя вахты, шумом из кубрика доносился шум потасовок и смех, отдавались приказы, раздавались песни брашпиля и вечного царства Нептуна; все эти звуки убаюкивали меня, пока я размышлял, как бы мне наилучшим образом убедить капитана Молинё в своей непричастности к замыслу мистера д'Арнока (теперь мне придется быть бдительнее, чем когда-либо, чтобы этот дневник не был прочитан недружественными глазами). Как вдруг чей-то вопль фальцетом, начавшийся где-то далеко, но приближавшийся быстро, со скоростью раскатов грома, оборвался ударом о палубу, всего лишь несколькими дюймами выше того места, где я лежал.

Какая ужасная кончина! Я лежал ничком, потрясенный и ооченевший, забывая дышать. Вдали и вблизи слышались крики, ноги сбежались в одно место, и раздался тревожный зов: «Поднимите доктора Гуза!»

«Бедолага упадет с такелажа, теперь мертвый, – прошептал индеец, пока я торопливо одевался, чтобы узнать причину всей этой суматохи. – Вы не может ничто, мисса Юинг». Я велел ему не высовываться и поспешил наружу. Мне казалось, что безбилетник чувствует, какой соблазн я испытываю, чтобы воспользоваться этим происшествием и выдать его.

Вся команда сгрудилась вокруг человека, лежавшего у основания грот-мачты. В колеблющемся свете фонаря я узнал одного из кастильцев. (Признаюсь, первым моим чувством было облегчение, что это не Рафаэль, а кто-то другой разбился насмерть.) Матрос-исландец говорил, что умерший выиграл у своих соотечественников в карты весь их рацион арака и весь же его выпил перед своей вахтой. Появился Генри в ночной рубашке и с докторским чемоданчиком. Присев на колени возле искалеченного тела, он стал щупать пульс, но вскоре покачал головой: «Этому парню врач уже не нужен». Мистер Родерик изъял для аукциона башмаки и одежду кастильца, а Мэнкин принес для трупа какой-то третьесортный мешок. (Мистер Бурхаав вычтет стоимость этого мешка из аукционных доходов.) Матросы возвращались в кубрик или расходились по своим постам молча: все помрачнели из-за этого напоминания о бренности человеческой жизни. Генри, мистер Родерик и я остались и наблюдали, как кастильцы совершали над соотечественником свои католические погребальные обряды, прежде чем завязать мешок и предать тело водным глубинам со слезами и горестными *adiós!* «Пылкие романцы», – заметил Генри, во второй раз желая мне спокойной ночи. Я жаждал поделиться с ним своей

тайной об индейце, но предпочел держать язык за зубами, чтобы не обременять друга своими трудностями.

Возвращаясь к себе после этой печальной сцены, я увидел, что в камбузе мерцает фонарь. Финбар спит там, чтобы «стеречь провизию от воришек», но нынешнее ночное потрясение заставило подняться и его. Я с испугом вспомнил, что безбилетник не ел, должно быть, на протяжении полутора суток; с испугом, ибо на какую зверскую выходку не подтолкнет дикаря пустой желудок? Наутро мой поступок мог обернуться против меня, но я сказал коку, что сильнейший голод совершенно не дает мне уснуть, и (по двойной против обычного цене «ввиду неурочного часа») приобрел блюдо сосисок с кислой капустой и булочками, твердыми, словно пушечные ядра.

Когда я снова оказался в пределах своей каюты, дикарь поблагодарил меня за доброту и стал поедать скромное угощение так, словно бы находился на президентском банкете. Я не раскрыл ему своих подлинных мотивов, а именно: чем полнее его желудок, тем меньше вероятность того, что он захочет полакомиться мною. Вместо этого я спросил, почему, когда его стегали плетью, он мне улыбался. «Боль сильна, да, – но глаза друга сильнее». Я сказал, что он обо мне почти ничего не знает, а я ничего не знаю о нем. Он ткнул пальцем себе в глаза, потом указал на мои, словно этот единственный жест был исчерпывающим объяснением.

Во время ночной вахты ветер усилился, заставляя стонать шпангоуты, взбивая волны и омывая ими палубы. Морская вода вскоре стала просачиваться в мой гроб, струйками стекая по стенам и кляксами капая на мое одеяло. «Ты мог бы выбрать себе убежище посуше, чем моя каюта», – шепнул я, чтобы проверить, бодрствует ли мой безбилетник. «Безопасный лучше, чем сухой, мисса Юинг», – пробормотал он, столь же далекий от сна, как я сам. Почему, спросил я, его так жестоко избили в индейской деревушке? Воцарилось молчание. «Я видел слишком много мира, я был плохой раб». Чтобы в ужасные эти часы отвести от себя морскую болезнь, я вытянул из безбилетника историю его жизни. Пиджин-инглиш сделал рассказ довольно бессвязным, так что здесь я попытаюсь запечатлеть лишь самую его суть.

Корабли белых людей принесли старому Рекоху не только злключения, о которых рассказывал мистер д'Арнок, но также и чудеса. Будучи еще мальчиком, Аутуа жаждал побольше узнать об этих бледных людях, явившихся из мест, само существование которых во времена его деда принадлежало к области мифов. Аутуа утверждает, что его отец был в числе местных жителей, с которыми разведывательный отряд лейтенанта Браутона встретился в заливе Столкновения, и в юные свои годы ему довелось слышать вновь и вновь повторяемые небылицы: о Великом Альбатросе, плывущем сквозь утренние туманы; о его странно сложенных и украшенных живописными плюмажами слугах, на каноэ подплывших к берегу; о странном щебетании (птичьим языком?) слуг Альбатроса; об их дымном дыхании; о гнусном нарушении ими табу, что запрещает незнакомцам прикасаться к каноэ (такое деяние налагает на судно проклятие и делает его столь же непригодным для мореплавания, как если занести на него топор); о преследованиях и ссорах; об «оружии вещах», чей магический гнев может убить человека по другую сторону взморья; и о яркой юбке, раскрашенной в океанско-синий, облачно-белый и кроваво-красный цвета, которую слуги подняли на высокой палке, прежде чем вернуться к Великому Альбатросу. (Этот флаг был снят и преподнесен вождю, и тот с гордостью носил его, пока не был унесен золотухой.)

У Аутуа был дядя, Коче, который плавал на борту зверобойного судна из Бостона, примерно с 1825 года. (Точного своего возраста мой безбилетник не знает.) Мориори очень ценились как матросы для таких судов, ибо, вместо воинской доблести, мужское население Рекоху «заслуживало себе шпоры» искусством охоты на тюленей и подвигами по части плавания и ныряния. (Например, прежде чем свататься, молодой человек должен был донырнуть до мор-

ского дна и всплыть на поверхность с парой моллюсков в руках и еще с одним во рту.) Вновь обнаруженные полинезийцы, следует добавить, были очень легкой добычей для недобросовестных капитанов. Дядя Аутуа, Коче, вернулся через пять лет, облаченный в одежды пакеха, с серьгами в ушах, со скромным мешочком долларов и реалов, со странными привычками (в том числе «дымным дыханием»), с несуразными клятвами и рассказами о городах и видах слишком уж отдаленных, чтобы их можно было описать на языке мориори.

Аутуа поклялся отплыть на первом же корабле, который будет покидать Оушен-Бей, и увидеть эти экзотические места своими глазами. Его дядя убедил второго помощника французского китобоя взять на борт десятилетнего (?) Аутуа в качестве ученика. За свою последующую морскую карьеру мориори видел ледяные гряды Антарктики, китов, превращенных в островки запекшейся крови, а затем – в бочки спермацета; в Сиднее он видел огромные здания, парки, запряженные лошадьми экипажи, дам в шляпках и чудеса цивилизации; он доставлял опиум из Калькутты в Кантон; переболел дизентерией в Батавии; потерял пол-уха в стычке с мексиканцами возле алтаря в Санта-Крус; выжил после кораблекрушения у мыса Горн и видел Рио-де-Жанейро, хотя не спускался на берег; и повсюду наблюдал он, что в смысле повседневной жестокости души у более светлых рас оказываются темнее.

Вернулся Аутуа летом 1835 года – повидавший мир и умудренный всем увиденным молодой человек около двадцати лет. Он собирался взять себе невесту из местных, построить дом и обрабатывать несколько акров, но, как рассказывает мистер д'Арнок, ко времени зимнего солнцестояния все мориори, уцелевшие после резни, стали рабами маори. Годы, проведенные вернувшимся моряком среди команд всех национальностей, не возвысили Аутуа в глазах захватчиков. (Я заметил, насколько не ко времени пришлось его чудесное возвращение домой. «Нет, мисс Юинг, Рекоху позвал я домой, я видел его смерть, так что я знаю, – он постучал себя по голове, – что правда».)

Хозяином Аутуа был маори с татуировкой в виде ящерицы, Купака, который говорил своим сломленным рабам, что явился к ним для того, чтобы избавить их от фальшивых идолов («Ну что, спасли вас ваши боги?» – насмеялся Купака); загрязненного языка («Мой кнут научит вас чистому маори!»); испорченной крови («Близкородственные браки разжижили вашу изначальную ману»). С того времени браки между мориори были запрещены, а все новорожденные от мужчин маори и женщин мориори объявлялись маори. Первых нарушителей наказывали самым страшным образом, а все те, кто уцелел, жили в состоянии безволия, порождаемого безропотным повиновением. Аутуа расчищал землю для Купака, выращивал пшеницу и ухаживал за свиньями, пока ему не стали доверять настолько, что он сумел бежать. («Тайные места на Рекоху, мисс Юинг, глубокие лощины, ямы, глубокие пещеры в лесу Мотопоропоро, таком густом, что ни один пес не учует тебя там». По-моему, я упал в одно из подобных убежищ.)

Годом позже его поймали снова, но рабы-мориори к этому времени были слишком редки, чтобы их убивать без разбору. Маори низшего разряда вынуждены были, к огромному своему неудовольствию, работать наряду с рабами. («Мы что же, покинули землю наших предков в Аотеароа ради этого жалкого утеса?» – жаловались они.) Аутуа сбежал снова, и во время этого второго промежутка свободы ему на несколько месяцев было предоставлено тайное убежище у мистера д'Арнока, ценой немалого риска для последнего. Во время пребывания там Аутуа был крещен и обратился к Господу.

Люди Купака поймали беглеца через полтора года, но на этот раз милосердный его властелин проявил уважение к стойкости Аутуа. После наказания – для острастки – плетью Купака велел своему рабу заняться рыбной ловлей для его, Купака, стола. На этой должности мориори позволил себе провести весь следующий год, пока в один из дней не обнаружил, что в его сети бьется редкостная рыба – мойка. Жене Купака он сказал, что эта рыба, повелевающая всеми остальными рыбами, может быть съедена только повелителем людей, и показал ей, как

приготовить мойку для ее мужа. («Плохой-плохой яд эта мойка, мисса Юинг, один укус, да, вы засыпает, вы никогда не просыпает».) Во время ночного пиршества Аутуа выскользнул из лагеря, украл хозяйское каноэ и стал грести – безлунной ночью, против сильного течения, по беспокойному морю – по направлению к острову Питт, в двух лигах к югу от Чатема, известному на языке мориори как Рангиория и почитаемому как место рождения человеческого рода.

Удача сопутствовала безбилетнику, ибо прибыл он невредимым на рассвете, когда задул шквалистый ветер, и ни одно каноэ за ним не последовало. В своем полинезийском эдеме Аутуа питался диким сельдереем, водяным крессом, яйцами, ягодами, иногда – молодыми кабанчиками (огонь он решался разжигать только под прикрытием тумана или в каком-нибудь темном убежище) и постоянно – знанием того, что Купака, по крайней мере, получил достойное наказание. Не было ли невыносимым такое одиночество? («Ночами предки приходили. Днями я рассказывал птицам сказки Мауи, а птицы рассказывали мне сказки моря».)

Беглец прожил так немало лет, пока в сентябре прошлого года зимний шторм не сокрушил китобойное судно «Элиза» из Нантакета о рифы острова Питт. Вся команда утонула, но наш мистер Уокер, ревностный в погоне за даровыми гинеями, пересек пролив, ища, чем там можно пожить. Обнаружив на острове признаки обитания и увидев старое каноэ Купаки (каждое каноэ украшается уникальной резьбой), он понял, что нашел нечто ценное для своих соседей-маори. Двумя днями позже большая партия охотников приплыла на островок с большой земли. Аутуа сидел на берегу и наблюдал за их прибытием. Его удивило лишь то, что он увидел своего старого недруга, Купаку, – тот поседел, но был очень даже жив и распевал воинственные песни.

Мой самозванный товарищ по каюте завершил свой рассказ. «Прожорливый пес этого м-ка украл с кухни мойку. Издох он, не маори. Да, Купака стегал меня плетью, но он стар и далек от дома, а его мана стала пустой и истощенной. Маори расцветают в войнах, мести и вражде, но мир их убивает. Многие возвращаются в Зеландию. Купака не может, у него там больше нет земли. Потом, на прошлой неделе, мисса Юинг, я увидел вас, и я знаю, вы спасет я, я знаю это».

Четыре удара склянок возвестили утреннюю вахту, и за моим иллюминатором забрезжил дождливый рассвет. Я немного поспал, но мои молитвы, чтобы с рассветом мориори распустился в воздухе, услышаны не были. Я настоятельно попросил его сделать вид, будто он лишь только что обнаружил себя, и ни словом не обмолвиться о нашем ночном разговоре. Он жестом выразил понимание, но я опасался худшего: индейская смекалка не могла тягаться с введливостью какого-нибудь Бурхаава.

Я поднялся по трапу («Пророчица» взбрыкивала, словно молодой мустанг) к офицерской кают-компани, постучал и вошел. Мистер Родерик и мистер Бурхаав внимали капитану Молинё. Прочистив горло, я пожелал всем доброго утра, на что наш дружелюбный капитан ответил проклятием: «Оно будет совсем добрым, если вы исчезнете отсюда, да побыстрее, ч-т вас дер!»

Я невозмутимо спросил, когда у капитана найдется время выслушать известие об индейце-безбилетнике, только что появившемся из бухт канатов, загромаждающих «мою так называемую каюту». Во время последовавшего молчания бледное, по-жабьи ороговевшее лицо капитана Молинё приобрело цвет жареной говядины. Прежде чем он разразился проклятиями, я добавил, что безбилетник, по его утверждению, матрос первой статьи, и он умоляет позволить ему отработать свой проезд.

Мистер Бурхаав опередил своего капитана с предвиденными мною обвинениями и воскликнул: «На голландских торговых судах пособники безбилетников разделяют их участь!» Я напомнил голландцу, что плывем мы под флагом английским, и озадачил его вопросом: почему же я, если прятал безбилетника под бухтами каната, снова и снова, начиная с вечера четверга, просил убрать их из моей каюты, умоляя, таким образом, чтобы мой «заговор» был раскрыт?

Удачное попадание в самый центр мишени распалило во мне храбрость, и я заверил капитана Молинё, что крещеный безбилетник вынужден был прибегнуть к этой крайней мере, чтобы его хозяин, маори, который поклялся съесть его теплую печень (я немного приперчил свою версию происшедшего), не обратил свой нечестивый гнев на его спасителя.

Мистер Бурхаав выругался: «Так что, этот д-ый черномазый хочет, чтобы мы его отблагодарили?» Нет, ответил я, этот мориори просит предоставить ему возможность доказать свою полезность на «Пророчице». «Безбилетник есть безбилетник, даже если он с-т золотыми самородками! – выплюнул мистер Бурхаав. – Как его зовут?» Не знаю, ответил я, потому что не брал интервью у этого человека, но безотлагательно направился к капитану.

Наконец заговорил капитан Молинё: «Так, говорите, опытный матрос первой статьи? – Гнев его поостыл при перспективе заполучить ценную пару рабочих рук, в которые не придется отдавать деньги. – Индеец? Где же он просолил свои клейма?» Я повторил, что двухминутного разговора было недостаточно, чтобы узнать его историю, но инстинкт подсказывает мне, что этот индеец – малый честный.

Капитан утер себе бороду. «Мистер Родерик, сопроводите нашего пассажира вместе с его инстинктом и доставьте их любимца-дикаря к бизань-мачте». Он бросил ключи своему первому помощнику: «Мистер Бурхаав, будьте добры, мое охотничье ружье».

Мы со вторым помощником повиновались. «Рискованное дело, – предостерег меня мистер Родерик. – Единственным уставом на „Пророчице“ является Непостоянство Старика». Другой устав, именуемый Совестью, соблюдается как *lex loci*⁸, где только видит Бог, отозвался я. Аутуа ожидал решения своей участи, одетый в хлопчатобумажные брюки, которые я купил в Порт-Джексоне (когда он взобрался на борт «Пророчицы», на нем не было ничего, кроме дикарской набедренной повязки и ожерелья из акульих зубов). Спина его оставалась обнаженной. Обезобразившие ее рваные раны, надеялся я, послужат свидетельством его жизнелюбия и пробудят сострадание в сердцах наблюдателей.

Застенные крысы быстро распространили весть о предстоящей забаве, и большинство матросов собрались на палубе. (Генри, который был бы на моей стороне, все еще оставался в постели, не ведая, какой опасности я подвергаюсь.) Капитан Молинё взглядом измерил мориори вдоль и поперек, словно бы оценивая мула, и обратился к нему так: «Мистер Юинг, которому неизвестно, как ты попал на мое судно, говорит, что ты считаешь себя моряком».

Аутуа отвечал с мужеством и достоинством: «Да, кэп, сэр, два года на китобое „Миссисипи“ из Гавра, капитан Масперо, и четыре года на „Роге изобилия“ из Филадельфии, капитан Кетон, три года на одном индийском...»

Перебив Аутуа, капитан Молинё указал на его брюки: «А брюки эти ты слямзил в трюме?» Аутуа чувствовал, что я тоже подвергался испытанию. «Тот христианский джент’мен дал, сэр». Вся команда, следуя за пальцем безбилетника, уставилась на меня, и мистер Бурхаав бросился к щели в моей броне: «Он дал? Когда был вручен сей подарок?» (Я вспомнил афоризм своего тестя: «Чтобы одурачить судью, изображай обаяние, но чтобы провести весь суд, изображай скуку», – и притворился, что извлекаю из глаза соринку.) Аутуа отвечал с достойной всяческих похвал понятливостью: «Десять минут как, сэр, я, нет одежд, этот джент’мен говорит, голый не хорошо, надень это».

«Если ты моряк, – вскинул большой палец наш капитан, – позволь-ка нам посмотреть, как ты спустишь брамсель с этой грот-мачты». При этих словах безбилетник сделался неуверенным и смущенным, и я почувствовал, как сумасшедшая ставка, которую я сделал на слово этого индейца, оборачивается против меня, но Аутуа всего лишь обнаружил подвох. «Сэр, это не грот-мачта, это бизань-мачта, да?» Капитан Молинё бесстрастно кивнул: «Тогда будь любезен спустить брамсель с бизань-мачты».

⁸ Местный закон (лат.).

Аутуа стал проворно взбираться по мачте, и я начал надеяться, что не все еще потеряно. Только что поднявшееся солнце сияло низко над водой, заставляя нас щуриться. «Зарядите мое ружье и прицельтесь, – приказал капитан мистеру Бурхааву, как только безбилетник миновал гафель спенкера, – стрелять по моей команде!»

Услышав эти его слова, я стал протестовать со всей возможной энергией, упирая на то, что этот индеец получил священное благословение, но капитан Молинё велел мне заткнуться или плыть обратно на Чатемы. Ни один американский капитан не стал бы никого, даже негра, истреблять вот таким гнусным образом! Аутуа достиг самого верхнего рея и пошел по нему с обезьяньей ловкостью, несмотря на сильное волнение моря. Глядя на то, как он распускает парус, один из самых «просоленных» на борту, суровый исландец, трезвый, обязательный и усердный парень, во всеуслышание высказал свое восхищение: «Этот темный такой же соленый, как я, да у него на ногах не ногти, а рыболовные крючки!» Такова была моя благодарность, что я готов был целовать его сапоги. Вскоре Аутуа опустил парус – а это нелегкая операция даже для команды из четырех человек. Капитан Молинё проворчал что-то одобрительное и велел мистеру Бурхааву опустить ружье. «Но можете нас – ть на меня, если я заплачу безбилетнику хоть бы цент! Он будет отрабатывать свой проезд до Гавайев. Если не станет отлынивать от работы, то там и подпишет договор обычным образом. Мистер Родерик, он может занять койку испанца, который умер».

Я измочалил все перо, описывая волнения этого дня. Уже слишком темно, ничего не вижу.

Среда, 20 ноября

Сильный восточный бриз, очень соленый и гнетущий. Генри провел обследование, и у него печальные известия, хотя не самые печальные. Мой Недуг вызван паразитом, *Gusano coco cervello*. Этот червь является эндемическим как для Меланезии, так и для Полинезии, но стал известен науке лишь в последние десять лет. Он водится в зловонных канавах Батавии, которые, вне сомнения, стали источником моего заражения. Попав в желудок, он пробирается по сосудам носителя к его мозгу, к переднему мозжечку. (Вот откуда мои мигрени и головокружение.) Внедрившись в мозг, он входит в фазу размножения. «Вы реалист, Адам, – сказал мне Генри, – так что не стану подслащать вам пилюлю. Как только вылупляются личинки Паразита, мозг жертвы становится как цветная капуста. Гнилостные газы заставляют барабанные перепонки и глазные яблоки выпячиваться, пока они не лопнут, выпуская на свободу облако спор *Gusano coco*».

Так звучит мой смертный приговор, но сейчас для меня наступает время приостановки его исполнения и подачи апелляции. Смесь мочевиной щелочи и марганца ориноко обратит моего Паразита в известь, а миррис лафридиктик его дезинтегрирует. В «аптеке» Генри эти компоненты имеются, но первостепенное значение имеет точная дозировка этого вермицида^[10]. Если принимать меньше полдрахмы, то от *Gusano coco* не очиститься, но бóльшая доза, излечив пациента, убивает его. Мой доктор предупреждает меня, что когда Паразит умирает, то его ядовитые мешочки лопаются и выделяют свое содержимое, так что прежде чем наступит полное выздоровление, я буду чувствовать себя еще хуже.

Генри предписал мне ни словом не выдавать своего состояния, ибо гиены, подобные Бурхааву, обманывают невежественных и легко внушаемых матросов, и те могут выказать враждебность к заболеваниям, которые им неизвестны. («Однажды я слышал о матросе, у которого появились признаки проказы через неделю после отплытия из Макао в долгий обратный рейс на Лиссабон, – вспомнил Генри, – и вся команда столкнула несчастного за борт, ничего не желая слушать».) Во время моего выздоровления Генри будет поддерживать слух, что у мистера Юинга легкая лихорадка, вызванная климатом, и сам будет за мной ухаживать. Когда я упомянул о его вознаграждении, Генри возмутился: «Вознаграждение? Вы же не какой-то

там выскочивший из ума виконт, чьи подушки набиты банкнотами! Провидение вверило вас моему попечению, ибо я сомневаюсь, что хотя бы пятеро человек в этом синем океане могут вас излечить! Так что проявите милость, не поминайте о вознаграждении! Стыдно! Все, о чем я прошу, дорогой мой Адам, – будьте послушным пациентом! Будьте любезны, примите мои порошки и удалитесь к себе в каюту. Загляну к вам после последней полувахты».

Доктор мой – неграненый алмаз чистой воды. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, на глаза у меня наворачиваются слезы благодарности.

Суббота, 30 ноября

Порошки Генри – поистине чудодейственное снадобье. Я вдыхаю драгоценные крупички с ложечки слоновой кости, и в этот миг ослепительная радость опалает все мое существо. Все чувства обостряются, однако тело как бы впадает в Лету. Паразит мой все еще корчится по ночам, вызывая болезненные спазмы, и меня посещают непристойные и чудовищные видения. «Это явный признак того, – утешает меня Генри, – что ваш червь реагирует на наше средство и ищет укрытия в ваших церебральных каналах, откуда являются видения. Тщетно прячется *Gusano coco*, дорогой Адам, тщетно! Мы его достанем!»

Понедельник, 2 декабря

Днем мой гроб раскаляется как печь, и эти страницы увлажняются моим потом. Тропическое солнце разбухает и заполняет собой полуденное небо. Матросы работают полуобнаженными – на них соломенные шляпы, а торсы почернели от загара. Из обшивки сочится расплавленная смола, прилипая к подошвам. Дождевые шквалы возникают из ниоткуда и с той же быстротой исчезают, так что палуба, пошипев, через минуту высыхает снова. В ртутном море подрагивает португальский военный кораблик^[11], летучие рыбы околдовывают наблюдателя, и охранные тени рыб-молотов кружат вокруг «Пророчицы». Чуть раньше я наступил на кальмара, перебросившегося через фальшборт! (Глаза и клюв его напомнили мне моего тестя.) Вода, которой мы запаслись на острове Чатем, теперь протухла, и без примеси бренди желудок мой ее не принимает. Когда не играю в шахматы с Генри в его каюте или кают-компании, то отдыхаю в своем гробу, пока Гомер не убаюкивает меня, навевая сны под вздутыми афинскими парусами.

Вчера в дверь моего гроба постучался Аутуа – поблагодарить меня за то, что я спас его голову. Сказал, что он у меня в долгу (это так и есть) вплоть до самого того дня, когда он спасет мою жизнь (может, такого дня никогда не настанет!). Я спросил, как он относится к своим новым обязанностям. «Лучше, чем быть рабом у Купаки, мисса Юинг». Однако, осознав мой страх перед тем, что кто-нибудь станет свидетелем нашего разговора и донесет капитану Молинё, мориори вернулся к себе в кубрик и с тех пор моего общества не искал. Как предостерегает меня Генри: «Одно дело – бросить черномазому кость, и совсем другое – впустить его в свою жизнь! Дружба между расами, Юинг, не должна переходить рамок привязанности между преданным охотничьим псом и его хозяином».

По ночам, прежде чем лечь спать, мы с моим доктором любим прогуляться по палубе. Вдыхать более прохладный воздух – уже это доставляет нам удовольствие. Взгляд теряется в просторах фосфоресцирующего моря и в звездной Миссисипи, струящейся по небесам. Прошлой ночью матросы собрались на баке, сплетая при свете фонаря линии из конопли, чтобы потом изготовить канаты, и запрет на «сверхштатное скопление» на баке, кажется, не действовал. (После инцидента с Аутуа «мистера Щелкопера» презирают куда меньше, да и сам эпитет звучит реже.) Бентнейл пропел десять куплетов из разных борделей мира, настолько грязных, что они обратили бы в бегство самого развратного сатира. Генри выдал одиннадцатый (о Мэри О'Хэри из Инверэри), от которого мои уши еще сильнее свернулись в трубочку. Следующим принудили выступать Рафаэля. Он с опасностью для жизни уселся на поручень и непоставленным, но душевным и искренним голосом пропел вот эти строки:

К тебе стремлюсь я, Шенандоа,
Душа к тебе лететь готова.
Пробьюсь к тебе сквозь тьму и бури,
Пересечем мы и Миссури.
Пленен я дочерью твоею,
Давно мечту о ней лелею.
Плывет корабль, трепещут снасти,
Но парусам ничто ненастье.
Мы пред Миссури не спасуем,
Корабль до дрожи забрасуем.
О Шенандоа, твой навеки,
Преодолею я все реки.

Молчание, воцарившееся среди грубых моряков, – это бóльшая похвала, чем любой панегирик от знатока. Откуда бы Рафаэлю, пареньку, родившемуся в Австралии, знать наизусть американскую песню? «Я не знал, что это песня янки, – неловко сказал он в ответ. – Меня ей незадолго до смерти обучила мама. Это единственное, что у меня от нее осталось. Она у меня в самом сердце». Он порывисто вернулся к работе. Мы с Генри вновь почувствовали враждебность, излучаемую занятыми людьми к бездельникам рядом с ними, так что почти за благо предоставить моряков их занятиям.

Перечитывая свою запись от 15 октября, когда я впервые увидел Рафаэля

Письма из Зеделъгема

*Шато Зеделъгем,
Неербеке,
Западная Фландрия
29-VI-1931
Сиксмит,*

мне снилось, будто я стою в китайской лавке, от пола до высокого потолка загроможденной полками с античным фарфором и т. д., так что пошевели я хоть единой мышцей, несколько из них упали бы и разбились вдребезги. Именно это и случилось, но вместо сокрушительного грохота раздался величественный аккорд, исполненный наполовину виолончелью, наполовину челестой, до мажор (?), продлившийся четыре такта. Сбил запястьем с подставки вазу эпохи Мин – ми бемоль, целая струнная фраза, великолепная, трансцендентная, ангелами выплаканная. Теперь уже преднамеренно, ради следующей ноты, разбил статуэтку быка, потом – молочницу, потом – дитя Сатурна: воздух наполнила шрапнель, а мою голову – божественные гармонии. Ах, что за музыка! Мельком видел, как отец, поблескивая пером, подсчитывает стоимость разбитых предметов, но должен был поддерживать рождение музыки. Знал, что стал бы величайшим композитором столетия, если бы только сумел сделать эту музыку своей. Жуткий «Смеющийся кавалер»^[12], которого я швырнул в стену, запустил колоссальную группу ударных.

Проснулся у себя в номере, в «Западном империале», когда сборщики Тэма Брюера почти уже вышибали мою дверь и в коридоре чувствовалось великое волнение. Даже не подождали, пока я побреюсь, – дух захватывает от вульгарности этих негодяев. Не имел другого выбора, кроме как быстро удалиться через окно ванной, пока привлеченный грохотом управляющий не обнаружил, что джентльмен из номера 237 не располагает средствами для выравнивания своего возросшего ныне баланса. С прискорбием извещаю, что побег без сучка без задоринки не удался. Водосточная труба вырвалась из своего крепежа с шумом терзаемой скрипки, и твой старый приятель повалился вниз, вниз, вниз. Правая ягодица – сплошной чертов синяк. Маленькое чудо – это то, что я не раздробил себе позвоночник и не был насажен на штыри ограды. Так что мотай на ус, Сиксмит. Будучи неплатежеспособным, пакуйся минимально и пользуйся чемоданом достаточно прочным, чтобы его можно было сбросить на лондонскую мостовую из окна второго или третьего этажа. Настаивай на том, чтобы номер в отеле был не выше. Спрятавшись в чайной, укрытой в закопченном уголке вокзала «Виктория», пытался записать музыку из китайской лавки сновидений – и не смог продвинуться дальше жалкой пары строк. Надо было бы отправиться в лапы Тэма Брюера только затем, чтобы заполучить эту музыку обратно. Настроение мерзкое. Вокруг – сплошь трудяги с плохими зубами, попугайскими голосами и ничем не обоснованным оптимизмом. Как же отрезвляет мысль о том, что одна только проклятая ночь игры в баккара может так необратимо изменить твоё социальное положение! У этих магазинных рабочих, таксистов и торговцев куда больше полукрон и трехпенсовиков, припрятанных в их прокисших дешевых матрасах, чем у меня, Сына Духовного Имярека. Вид на аллею: подавленные жизнью писцы, мечущиеся, как тридцать вторые в бетховенском аллегро. Боюсь их? Нет, боюсь стать одним из них. Какой прок от образования, воспитания и таланта, если у тебя нет даже ночного горшка?

Все еще не могу в это поверить. Я, воспитанник колледжа Кая, балансирующий на грани нищеты. В приличные отели меня теперь не пускают, чтобы я не испачкал их вестибюлей. В неприличных отелях требуют наличных. Меня не подпускают ни к одному респектабельному игорному столу по эту сторону Пиренеев. В общем, я суммировал свои возможности:

(I) Тратить ничтожные деньги на грязную комнатку в мебелирашке, выпрашивать по несколько гиней у «Дядюшки Сесила Лимитед», обучать жеманных миссочек гаммам, а желчных старых дев – технике. Ну и ладно. Если бы я мог изображать любезность перед остолопами, я бы по-прежнему подтирал задницу профессора Макерраса наряду с бывшими своими соучениками. Нет, прежде чем ты это скажешь, я не могу прибежать обратно к папику с еще одним *cri de cœur*⁹. Оправдать все те ядовитые словечки, которые он отпускал в мой адрес? Да лучше уж спрыгнуть с моста Ватерлоо, испытав унижение от матушки-Темзы! Я серьезно.

(II) Охотиться на людей из Кая, умасливать их и тем добиваться приглашения остаться с ними на лето. Проблематично – по той же причине, что и (I). Как долго смогу я утаивать свой голодающий бумажник? Как долго смогу отводить от себя их жалость, их когти?

(III) Наведываться к букмекерам – но что, если я проиграю?

Тебя, Сиксмит, так и подмывает напомнить, что я сам навлек на себя все это, но страхника с плеч эту буржуазную шелуху и останься со мной чуть дольше. Поверх запруженной народом платформы донесся голос кондуктора – дескать, поезд до Дувра на корабль в Остенде задерживается на тридцать минут. Этот кондуктор был моим крупье, приглашающим меня либо удвоить ставку, либо прекратить игру. Стоит только замереть, заткнуться и вслушаться – как нá тебе, пожалуйста, мир сам отсеет тебе нужную идею, особ. на закопченном лондонском вокзале. Залпом допил свой отдающий мылом чай и направился через вестибюль к билетным кассам. Обратный билет в Остенде был слишком дорог – настолько ужасным стало мое положение, – так что пришлось обойтись билетом в одну сторону. Уселся в свой вагон, как только свисток локомотива выпустил рой флейтовых фурий. Сразу же и тронулись.

Теперь раскрою свой план, внушенный статейкой в «Таймс» и долгими пьяными грезами в номере «Савоя». На задворках Бельгии, южнее Брюгге, живет отшельником английский композитор по имени Вивиан Эйрс. Ты, будучи музыкальным недотепой, не мог о нем слышать, но он – один из великих. Единственный британец своего поколения, отвергнувший помпезность, пышность, невежественность и обаяние. Из-за болезни – он наполовину слеп и едва в состоянии держать перо – не написал ничего нового с начала двадцатых, но в отзыве «Таймс» о его «Светском магнификате» (исполненном на той неделе в Сент-Мартин-холле) говорится о полном ящике неоконченных произведений. Мой сон наяву был о том, чтобы отправиться в Бельгию, убедить Вивиана Эйрса, что ему необходимо нанять меня в качестве секретаря, принять его предложение меня обучать, пробиться сквозь музыкальную твердь, завоевать славу и состояние, соразмерные моим дарованиям, и вынудить папика признать, что да, сын, которого он лишил наследства, – это *тот самый* Роберт Фробишер, величайший британский композитор своего времени.

А почему нет? Ничего лучше не пришло в голову. Ты, Сиксмит, ворчишь, я знаю, и качаешь головой, но ты же и улыбаешься, за что я тебя и люблю. Не отмеченная никакими событиями поездка к Ла-Маншу... зловредные пригороды, докучная сельская местность, унавоженный Суссекс. Набитый большевиками Дувр – подлинный ужас: прославленные поэтами утесы, столь же романтические, как моя задница, и сходного оттенка. Обменял в порту последние шиллинги на франки и получил каюту на борту «Кентской королевы», ржавой посуды, достаточно старой на вид, чтобы принимать участие в Крымской кампании. Разошелся во мнении с молодым стюардом – нос картошкой, – что его бургундская униформа и неубедительная борода заслуживают чаевых. Тот окинул презрительным взглядом мой чемодан и папку для бумаг («Умно с вашей стороны, сэр, путешествовать налегке») и предоставил мне копаться во всем дерьме самому. Что мне очень подходит.

Обед состоял из резинового цыпленка, рыхлой картошки и ублюдочного кларета. Компанию за столом мне составил мистер Виктор Брайант, посудный лордик из Шеффилда. Ни

⁹ Криком души (*фр.*).

малейшей музыкальной жилки. Большую часть времени распространялся о ложках, ошибочно принял мою вежливость за интерес и не сходя с места предложил мне работу в своем отделе продаж! Можешь ты в это поверить? Поблагодарил его (стараясь не рассмеяться) и признался, что скорее проглочу любую столовую утварь, чем когда-либо стану ею торговать. Три мощных гудка туманного сигнала, двигатели изменили тембр, я почувствовал, что корабль отчаливает, и вышел на палубу посмотреть, как Альбион исчезает в пронизанной моросью тьме. Пути обратно теперь нет; последствия того, что я сделал, наконец осознаны в полной мере. Р. В. У. дирижировал Оркестром Воображения, исполнявшим «Морскую симфонию»: «Плыви вперед и правь лишь на глубины^[13], Душа, что дерзновенна и отважна, С тобою я, а ты со мной пребудешь». (Не очень-то ценю эту вещь, но замысел неплох.) Ветер Северного моря бросал меня в дрожь, брызги вылизывали с ног до головы. Лоснящиеся черные воды призывали в них броситься. Отмахнулся. Улегся рано, листал «Контрапункты» Нойеса, прислушивался к отдаленной меди моторного отсека и набрасывал повторяющийся пассаж для тромбона, основанный на корабельном ритме, но это был сплошной мусор, а потом, угадай-ка, кто постучался ко мне в дверь? Стюард с картофельным носом, у которого окончилась смена. Дал ему нечто большее, чем чаевые. Не Адонис, костлявый, но для своего положения довольно изобретательный. Потом выставил его и уснул мертвым сном. Какая-то часть меня хотела, чтобы путешествие никогда не окончилось.

Но оно таки окончилось. «Кентская королева» скользнула в раскинутую над грязными водами кривоzubую сестру-двойняшку Дувра, Остенде, Даму Сомнительных Добродетелей. Ранним-ранним утром, когда европейский храп перекачивался глубоко ниже басовых туб. Увидел первых своих аборигенов-бельгийцев, перетаскивающих упаковочные клетки, спорящих и даже думающих по-фламандски, по-голландски, не знаю. Быстрехонько упаковал чемодан, боясь, что корабль может отправиться обратно в Англию, а я все еще буду на борту, точнее, боясь, что позволю такому случиться. Ухватил кое-что из фруктовой чаши камбуза первого класса и рванул по сходням, прежде чем меня задержит кто-нибудь в форме, украшенной галунами. Ступил на континентальный макадам^[14] и спросил у таможенника, где найти вокзал. Он указал на стонущий трамвай, набитый плохо питающимися женщинами, рахитом и нищетой. Предпочел добираться на своих двоих, моросит там или не моросит. Остенде – сплошь оттенки крахмально-серого и грязно-коричневого. Признаюсь, подумал, что Бельгия слишком тупая страна, чтобы в нее сбегать. Купил билет до Брюгге и вскарабкался на следующий поезд – там нет платформ, можешь поверить? – ветхий, совершенно пустой поезд. Перебрался в другое купе, потому что в моем стоял неприятный запах, но везде смердело одинаково. Чтобы очистить воздух, курил сигареты, выпрошенные у Виктора Брайанта. В свисток станционный смотритель дунул вовремя, а локомотив, прежде чем тяжело двинуться, весь напрягся, словно подагрик-проктор^[15] на горшке. Вскоре довольно быстрой старческой походкой он стал пробираться через туманный ландшафт, состоящий из заброшенных дамб и изуродованного кустарника.

Если мой план принесет плоды, то ты, Сиксмит, сможешь оч. скоро приехать в Брюгге. Когда соберешься, прибывай в этот *гноссиенский*^[16] час – в шесть утра. Затеряйся среди рахитичных улочек города, слепых каналов, кованых железных ворот, пустынных дворов – могу я продолжать? что ж, спасибо, – среди хитрых готических черепашек, крыш, похожих на Ара-рат, поросших кустарником кирпичных шпилей, средневековых выступов, белья, свисающего из окон, притягивающих взгляд водоворотов, скованных булыжником, заводных принцев и покрытых щербинками принцесс, отбивающих часы, темно-коричневых голубей и трех-четырёх комплектов из восьми колоколов: некоторые сдержанны, а некоторые искрятся весельем. Аромат свежего хлеба привел меня в булочную, где изуродованная женщина без носа продала мне дюжину рогаликов. Хотел обойтись одним, но подумал, что у нее и без того хватает проблем. Погромыхая, из дымки показалась повозка старьевщика, и беззубый возчик

дружелюбно ко мне обратился, но я в ответ мог сказать только: «*Excusez-moi, je ne parle pas flamand*»¹⁰, – что заставило его расхохотаться, как короля гоблинов. Дал ему рогалик. Грязная его лапа была точно клешня, покрытая паршой. В бедном районе (где переулки провоняли миазмами) дети помогали матерям качать насосы, наполняя разбитые кувшины коричневатой водой. В конце концов возбуждение, совсем меня измотав, улеглось; чтобы слегка передохнуть, уселся на ступеньки умирающей ветряной мельницы, укутался сыростью и уснул.

Далее какая-то ведьма расталкивала меня рукоятью метлы, хрипло вереща что-то вроде: «*Zie gie doad misschien?*»¹¹, – но здесь меня не цитируй. Голубое небо, теплое солнце и ни единой струйки тумана на виду. Воскресший, я предложил ей рогалик, часто моргая. Она приняла его недоверчиво, сунула в фартук на потом и снова принялась мести, бормоча какие-то древние прибаутки. Полагаю, мне повезло, что меня не ограбили. Еще один рогалик разделил с пятью тысячами голубей, что вызвало зависть у нищего, так что один пришлось дать и ему. Прошел обратно по пути, которым мог туда явиться. В некоем странном пятиугольном окне пышная, как бы кремовая дева расставляла букет цветов в вазе граненого стекла. Девушки чаруют по-другому. Попробуй их как-нибудь. Постучал в окно, спросил по-французски, не спасет ли она мне жизнь, в меня влюбившись. Помотала головой, но улыбка была довольной. Спросил, где могу найти полицейский участок. Она указала на другую сторону перекрестка. Своего брата музыканта можно вычислить где угодно, даже среди полицейских. С безумными глазами, непокорными вихрами, либо кожа да кости, либо добродушно-дородный. Этот франкофон, играющий на английском рожке и состоящий в местном оперном обществе инспектор слышал о Вивиане Эйрсе и любезно нарисовал мне карту до Неербеке. За эти сведения заплатил ему двумя рогаликами. Он спросил, привез ли я с собой свой английский автомобиль – его сын без ума от «остинов». Сказал, что автомобиля у меня нет. Это его встревожило. Как же я доберусь до Неербеке? Туда не ходит автобус, нет железнодорожной ветки, а двадцать пять миль – это черт знает что за прогулка. Спросил у полисмента, не могу ли я на неопределенное время одолжить у него какой-нибудь велосипед. Сказал мне, что тот в высшей степени разболтан. Заверил его, что я и сам в высшей степени разболтан, и вкратце изложил свою миссию у Эйрса, у известнейшего приемного сына Бельгии (их, должно быть, так мало, что это даже могло быть правдой), служащего европейской музыке. Повторил свою просьбу. Иной раз неправдоподобная правда служит человеку лучше, чем правдоподобная выдумка. Честный сержант отвел меня на склад всякой всячины, где потерянные вещи несколько месяцев ожидали своих правомочных владельцев (прежде чем оказаться на черном рынке), – но первым делом ему хотелось узнать мое мнение о своем баритоне. Выдал мне взрыв из «*I Pagliacci*»: «*Recitar!.. Vesti la giubba!*»¹². (Довольно приятный голос на нижних регистрах, но ему надо работать над дыханием, а его вибрато дрожит, как закулисный имитатор грома.) Дал ему несколько музыкальных советов, получил во временное пользование «энфилд» викторианских времен плюс веревку, чтобы надежно приторочить чемодан и папку к седлу и заднему крылу. Он пожелал мне счастливого пути и хорошей погоды.

Адриан^[17] никогда не совершал марш вдоль дороги, по которой я ехал на велосипеде из Брюгге (слишком далеко внутрь гуннской территории), но я тем не менее ощущал близость к брату в силу того, что дышал тем же воздухом той же земли. Долина плоска, как Фены^[18], но выглядит плохо. По пути я подкреплялся оставшимися рогаликами и останавливался у бедных коттеджей, спрашивая чашку воды. Никто не говорил много, но никто и не говорил «нет». Из-за встречного ветра и постоянно соскальзывавшей цепи уже едва ли не вечерело, когда я наконец добрался до Неербеке – деревни, где живет Эйрс. Молчаливый кузнец показал мне,

¹⁰ Простите, я не говорю по-фламандски (фр.).

¹¹ Ты что, умер, что ли? (искаж. флам.)

¹² «Паяцев»: «Играть!.. Наряжайся!» (ит.).

как добраться до шато Зедельгем, дополнив мою карту при помощи карандашного огрызка. Тропа с растущими посредине колокольчиками и лянками провела меня мимо заброшенного жилого дома к некогда величавой аллее, обсаженной итальянскими тополями почтенного возраста. Зедельгем внушительнее нашего дома приходского священника, и западное крыло его украшают несколько осыпающихся башенок, но он не идет ни в какое сравнение с Одли-Эндром или загородной резиденцией Кэпон-Тенча. На низком холме, увенчанном потерпевшим крушение буком, углядел гарцевавшую на лошади девушку. Прошел мимо садовника, рассыпавшего сажу, борясь против слизняков в огороде. Во дворе перед домом мускулистый лакей чистил плосконосый «коули». Увидев мое приближение, он поднялся и стал ждать. На террасе, устроенной в углу этого фриз, под пенистой глицинией слушал радио человек в кресле-каталке. Вивиан Эйрс, предположил я. Легкая часть моего сна наяву закончилась.

Прислонив велосипед к стене, сказал лакею, что у меня дело к его хозяину. Он был достаточно вежлив – провел меня к террасе Эйрса и по-немецки объявил о моем прибытии. Эйрс казался не более чем пустым стручком, словно болезнь высосала из него все соки, но я остановился и преклонил колено посреди усыпанной золой тропы, как сэр Персиваль перед королем Артуром. Увертюра наша проходила примерно так.

– Добрый день, мистер Эйрс.

– Кто, черт возьми, вы такой?

– Это великая честь...

– Я сказал: «Кто, черт возьми, вы такой?»

– Роберт Фробишер, сэр, из Сэффрон-Уолдена. Являюсь... то есть был... учеником сэра Тревоора Макерраса в колледже Кая и проделал весь путь из Лондона, чтобы...

– Весь путь из Лондона на велосипеде?

– Нет. Велосипед я одолжил у одного полицейского в Брюгге.

– В самом деле? – Он задумчиво помедлил. – Заняло, должно быть, не один час.

– Дело любви, сэр. Как у паломников, которые на коленях лезут в гору.

– Что еще за вздор?

– Я хотел доказать, что я серьезный соискатель.

– Серьезный соискатель чего?

– Места вашего секретаря.

– Вы сумасшедший?

Этот вопрос на деле всегда замысловатее, чем кажется.

– В этом я сомневаюсь.

– Слушайте, я не давал объявлений, что мне требуется секретарь!

– Знаю, сэр, но вам он нужен, пусть даже вы об этом еще не знаете. В «Таймс» писали, что вы не можете сочинять новых произведений из-за болезни. Я не могу допустить, чтобы ваша музыка была потеряна. Она слишком, слишком драгоценна. Поэтому я здесь, чтобы предложить вам свои услуги.

Что ж, по крайней мере, с порога он меня не выставил.

– Как, вы сказали, вас зовут?

Я назвал.

– Одна из мимолетных звездочек Макерраса, так, что ли?

– Откровенно говоря, сэр, он меня ненавидит.

Как ты узнал уже на собственной шкуре, я, когда постараюсь, могу быть весьма интригующим.

– Ненавидит? Вас? Как такое может быть?

– В журнале колледжа я назвал его Шестой концерт для флейты «рабским подражанием самым цветистым местам у неполовозрелого Сен-Санса^[19]». Он воспринял это чересчур лично.

– Вы написали этакое о Макеррассе? – Эйрс дышал с присвистом, словно ему пилили ребра. – Конечно, он воспринял это лично!

Продолжение будет кратким. Лакей проводил меня в гостиную, украшенную цветами из тончайшего фарфора, скучной мешаниной овец и копен пшеницы, а также посредственным голландским пейзажем. Эйрс послал за своей женой, миссис ван Утрив де Кроммелинк. Она сохранила свое собственное имя, а с таким именем кто может ее в чем-нибудь винить? Хозяйка дома с холодной вежливостью расспрашивала меня о моем происхождении и биографии. Отвечал правдиво, хотя завуалировал свое изгнание из колледжа Кая некоей туманной болезнью. О нынешних своих финансовых трудностях не обмолвился ни словом – чем отчаяннее случай, тем неохотнее дают. В достаточной мере их очаровал. Договорились, что я, по крайней мере, смогу переночевать в Зеделъгеме. Утром Эйрс испытает мои музыкальные способности и что-то решит касательно моего предложения.

За обедом, однако, Эйрс не появился. Мое прибытие совпало с началом его регулярной – дважды в месяц – мигрени, которая не дает ему покидать его комнаты день или два. Мое прослушивание было отложено до того времени, пока ему не станет лучше, так что судьба моя по-прежнему пребывает в неустойчивом равновесии. Что до кредита, то портер и лобстер по-американски не уступали ничему, что было в «Империаде». Разговорил свою хозяйку – думаю, ей польстило, как много я знаю о ее выдающемся муже, – и она ощутила мою подлинную любовь к музыке. Ах да, за столом с нами была и дочь Эйрса, та юная наездница, которую я мельком видел раньше. Мадемуазель Эйрс – увлекающееся верховой ездой создание семнадцати лет от роду со вздернутым, как у мамы, носиком. За весь вечер не смог добиться от нее ни единого цивилизованного слова. Уж не узрела ли она во мне ловкого английского нахлебника, охотника за удачей, появившегося здесь, чтобы завлечь ее болезненного отца в великолепное бабье лето, куда ей нет ходу и где ее никто не ждет?

Люди слишком сложны.

Уже за полночь. Весь шато спит, да и мне пора.

Искренне твой

Р. Ф.

* * *

Зеделъгем,

6-VII-1931

Телеграмма, Сиксмит? Ты осел!

Не присылай их больше, я тебя умоляю, – телеграммы привлекают внимание! Да, я по-прежнему за границей, да, недоступен для костоломов Брюера. Из письма моих родителей с просьбой сообщить, где я, сделай бумажный кораблик и пусти его вниз по Кэму. Папик «обеспокоен» только потому, что его трясут мои кредиторы, дабы посмотреть, не облетит ли с семейного дерева сколько-то банкнот. Однако долги лишнего наследства сына – это дело одного только сына и никого больше: поверь мне, я заглядывал в законы. А мамик отнюдь не «отчаялась». Отчаяться она может лишь из-за перспективы полного опустошения графина.

Прослушивание мое имело место в музыкальной комнате Эйрса, позавчера, после ленча. Потрясающего успеха, мягко говоря, не имел. И теперь не знаю, как много дней здесь пробуду – или же как мало. Должен признаться, что ощутил некоторый холодок, заранее усевшись на фортепьянный стул самого Вивиана Эйрса. Этот восточный ковер, выдавший виды диван... Бретонские буфеты, забитые пюпитрами, рояль «Бёсендорфер», карильон – все они были свидетелями зачатия и рождения «Вариаций на тему матрешки» и его песенного цикла «Острова Общества». Погладил ту самую виолончель, на которой впервые прозвучал «*Untergehen*

*Violinkonzert*¹³. Услышав, как Хендрик подкатывает своего хозяина, прекратил озиаться и устоялся в дверной проем. Эйрс проигнорировал мое приветствие («Очень надеюсь, что вы поправились, мистер Эйрс»), и его лакей оставил его перед окном, выходящим в сад.

– Ну? – спросил он, после того как мы с полминуты пробыли наедине. – Валяйте. Произведите на меня впечатление.

Спросил, что ему хотелось бы услышать.

– Так я и программу должен вам выбрать? Ладно, вы освоили «Трех слепых мышек»?

Так что я уселся за «Бёзендорфер» и стал играть этому сифилитическому чудику «Трех слепых мышек», в манере язвительного Прокофьева^[20]. Эйрс никак не отозвался. Продолжил в более мягком стиле – «Ноктюрном» Шопена^[21] в тональности фа мажор. Он перебил меня, проскулив:

– Пытаетесь меня разжалобить, а, Фробишер?

Заиграл «Вариации на тему Лодовико Ронкалли^[22]» самого В. Э., но, прежде чем отзвучали два первых такта, он трехэтажно выругался, ударил по полу тростью и сказал:

– Потакание самому себе ослепляет, разве не учили вас этому в колледже Кая?

Проигнорировал это и закончил пьесу нота в ноту. Для завершения фейерверка рискнул взяться за 212-ю сонату Скарлатти^[23] в тональности ля мажор, этакий *bête noire*¹⁴ исполнителей: арпеджио и музыкальная акробатика. Раз или два прокололся, но на концертного солиста я и не претендовал. После того как я закончил, В. Э. продолжал покачивать головой в ритме исчезнувшей сонаты, а может, просто вторил нечетким качающимся тополям.

Меня огорчило бы, но не удивило, если бы я от него услышал: «Отвратительно, Фробишер, сей момент убирайтесь из моего дома!» Вместо этого он признал:

– Что ж, у вас могут быть задатки музыканта. Чудесный сегодня день. Пройдитесь к озеру, посмотрите на уток. Мне надо, о, немного времени, чтобы решить, могу я или нет найти применение вашему... дару.

Ушел, не промолвив ни слова. Кажется, старый козел во мне нуждается, но у меня совсем плохо обстоит дело с благодарностью. Если бы мой бумажник позволял мне уехать, я нанял бы такси обратно в Брюгге и отказался бы ото всей сумасбродной идеи странствующего рыцаря. Он сказал мне вслед:

– Один совет, Фробишер, *gratis*¹⁵. Скарлатти играл на клавире, а не на пианино. Не надо его так уж разукрашивать, и не пользуйтесь педалью, чтобы вытянуть те ноты, которых не можете взять пальцами.

Я отозвался в том смысле, что мне надо, о, немного времени, чтобы решить, могу я или нет найти применение его дару.

Пересек двор, где садовник со свекольным лицом чистил заросший водорослями фонтан. Заставил его понять, что мне требуется поговорить с его хозяйкой, да побыстрее (он туп, как черенок садовой лопаты), и он неопределенно махнул рукой в сторону Неербеке, изображая рулевое колесо. Чудесно. Что теперь? Посмотреть на уток, а почему бы и нет? Можно бы придушить парочку и оставить их висеть в платяном шкафу В. Э. Да, настолько мрачным было у меня настроение. Так что я жестами изобразил уток и спросил у садовника: «Где?» Он указал на бук: «Ступай туда, это сразу по ту сторону». Туда я и отправился, перепрыгнув через запущенную низкую изгородь, но, прежде чем достиг гребня, меня достиг звук галопа и на своем черном пони вверх поднялась мисс Ева ван Утрив де Кроммелинк – в дальнейшем хватит просто «старушки Кроммелинк», иначе у меня кончатся чернила.

¹³ «Гибель: Концерт для скрипки» (нем.).

¹⁴ Предмет ненависти, отвращения (фр.).

¹⁵ Бесплатно (лат.).

Я ее поприветствовал. Она гарцевала вокруг меня, как королева Боадицея^[24], подчеркнуто не отзываясь.

– Как же сегодня влажно, – саркастическим тоном пустился я в светскую болтовню. – Я склонен думать, что позже пойдет дождь, вы согласны?

Она ничего не сказала.

– Ваша одежда лучше, чем ваши манеры, – сказал я.

Ничего. За полями затрещали выстрелы, и Ева успокоила свою лошадку. Лошадь ее – сущая красавица, никто ни в чем не может обвинять лошадь. Я спросил у Евы, как зовут пони. Она отвела со щек черные спиральки локонов.

– *J'ai nommé le poney Néfertiti, d'après cette reine d'Egypte qui m'est si chère*¹⁶, – ответила она и отвернулась.

– Оно разговаривает! – воскликнул я и проследил за ее галопом, пока девушка не превратилась в миниатюру на пасторали Ван Дейка^[25]. По элегантным параболам пустил ей вслед артиллерийские снаряды. Повернул дула пушек на шато Зедельгем и растолок крыло Эйрса в дымящиеся обломки. Вспомнил, в какой стране мы находимся, и остановился.^[26]

Позади расколотого молнией бука луг опускается к декоративному озеру, звенящему от множества лягушек. Знавало и лучшие времена. Ненадежный пешеходный мостик соединяет берег с островом, а на воде в огромных количествах цветут желтовато-красные лилии. Время от времени по воде бьют хвостами серебряные караси и блещут в ней, как новые пенни. Украшенные бакенбардами оранжевые утки крикают, выпрашивая хлеб, этакие изысканно наряженные попрошайки – вроде меня самого. В лодочном сарае, выстроенном из просмоленных досок, гнездятся ласточки. Под грушевыми деревьями – когда-то здесь был сад? – я улегся на землю и предался ничегонеделанию, искусству, которым в совершенстве овладел во время своего выздоровления. Между ничегонеделанием и ленью такая же разница, как между гурманством и обжорством. Наблюдал за воздушным блаженством спаренных стрекоз. Даже слышал звук от их крыльев – экстатический, похожий на хлопанье полосок бумаги, попавших в спицы велосипеда. Следил за слепозмейкой, исследовавшей миниатюрную Амазонию вокруг корней, где я лежал. Бесшумно? Не вполне, нет. Много позже был разбужен первыми крапинками дождя. Дождевые облака достигали критической массы. Подобно спринтеру, бросился обратно к Зедельгему, так быстро, как едва ли еще когда побегу, – лишь затем, чтобы услышать в своих ушных проходах обрушивающийся рев и ощутить, как первые крупные капли колотят по моему лицу, словно молоточки ксилофона.

Только и успел, что переодеться в единственную чистую рубашку, прежде чем позвонили к обеду. Миссис Кроммелинк извинилась – аппетит у ее мужа все еще слаб, а юная особа предпочитает есть в одиночестве. Ничто не подходило мне лучше. Тушеный угорь, кervелевый соус, легко пляшущий на террасе дождь. В отличие от Фробишеров и большинства английских семей, с которыми я знаком, еду в шато не поглощают в полном молчании, и мадам К. рассказала мне немного о своей семье. Кроммелинки жили в Зедельгеме с тех отдаленных дней, когда Брюгге был самым оживленным портом Европы (трудно в это поверить, но так она мне сказала), и Ева увенчала собой шесть веков улучшения породы. Как-то потеплев к этой женщине, я с ней согласился. Она подается вперед, как мужчина, и курит пахнущие миррисом сигареты через мундштук из носорожьего рога. Заметила, однако, довольно резко, что из мира, по-видимому, исчезли все ценности. В прошлом ей довелось пострадать от вороватых слуг и даже от одного-двух обнищавших гостей, если я могу поверить, что люди могут вести себя так бесчестно. Заверил ее, что мои родители страдали от того же самого, и вытянул щупальца – касательно моего прослушивания.

¹⁶ Я назвала эту лошадку Нефертити, в честь той царицы Египта, которая так мне нравится (фр.).

– О вашем Скарлатти он отзывался как о «не вполне загубленном». Вивиан презирает похвалу – он против ее раздачи и получения. Он говорит: «Если люди тебя хвалят, значит ты не идешь своим собственным путем».

Спросил ее прямо, считает ли она, что он согласится меня принять.

– Я очень надеюсь на это, Роберт. – (Другими словами: поживем – увидим.) – Вы должны понять: он смирился с тем, что не напишет больше ни единой ноты. Это причинило ему огромную боль. Воскрешение надежды на то, что снова сможет сочинять, – что ж, это не такой риск, на который можно решиться с легкостью.

Вопрос был закрыт. Я упомянул о своей встрече с Евой, и мадам К. проговорила:

– Моя дочь была невежлива.

– Всего лишь сдержанна, – таков был мой безупречный ответ.

Моя хозяйка наполнила мой бокал доверху.

– У Евы тяжелый характер. Мой муж был очень мало заинтересован в том, чтобы вырастить из нее юную леди. Ему никогда не хотелось детей. Существует мнение, что отцы и дочери души друг в друге не чают, правда? Но здесь совсем другой случай. Ее учителя говорят, что она старательна, но скрытна, и она никогда не пыталась развить свои музыкальные способности. У меня часто бывает такое чувство, что я совсем ее не знаю.

Я долил доверху бокал мадам К., и она вроде бы повеселела.

– Послушать только, как я причитаю. А ваши сестры, месье, я уверена, настоящие английские розы с безукоризненными манерами?

Очень сомневаюсь, чтобы ее интерес к женской ветви семьи Фробишеров был искренним, но этой женщине нравится смотреть на меня, когда я говорю, и я, чтобы доставить удовольствие своей хозяйке, нарисовал несколько забавных карикатур на свой собственный, ставший мне чуждым, клан. Все это звучало так весело, что я едва не почувствовал тоску по дому.

Нынешним утром, в понедельник, Ева соблаговолила разделить с нами завтрак – браденгемская ветчина, яйца, хлеб всех сортов, – но девушка изводила свою мать мелочными придирками, а все мои замечания отсекала бесцветными *oui* или резкими *non*¹⁷. Эйрс чувствовал себя лучше и потому ел вместе с нами. Затем Хендрик отвез их дочь на очередную неделю в школу – Ева столуется и ночует у городской семьи, Ван-Элей или вроде того, чьи дочери ходят в ту же школу, что и она. Весь шато вздохнул с облегчением, когда «коули» исчезла с тополиной аллеи (которую называют аллеей Монаха). Уж очень Ева отравляет здешнюю атмосферу. В девять мы с Эйрсом перешли в музыкальную комнату.

– У меня в голове, Фробишер, вертится одна мелодийка для альта. Давайте посмотрим, сможете ли вы ее записать.

Рад был это услышать, поскольку ожидал, что начинать придется с мелочей – переписывания набело черновых нотных листов и проч. Если бы я в первый же день доказал свою ценность в качестве чувствительной авторучки В. Э., то получение искомой должности было бы уже почти решенным делом. Сел за его стол, наточил карандаш, взял чистый нотный лист и стал ждать, чтобы он одну за другой называл свои ноты. Неожиданно этот чудак заревел:

– Та, та! Та-тата татти-татти-татти, та! Ясно? Та! Татти-та! Спокойная часть – та-та-тата-ТА! ТАТАТА!!!

Ты понял? Очевидно, старый пенъ находил это забавным – возможности записать выкрикиваемую им фальшь нотами было не больше, чем составить партитуру криков дюжины ослов, – но секунд через тридцать до меня дошло, что это не шутка. Пытался его остановить, но он был так поглощен своим «деланием музыки», что ничего не замечал. Я впадал во все большее и большее отчаяние, а Эйрс тем временем все продолжал, продолжал и продолжал... Мой замысел был неосуществим. О чем я думал на вокзале Виктория? Удрученный, дал ему

¹⁷ Да... нет (*фр.*).

исполнить всю его пьесу, лелея слабую надежду на то, что, если она полностью сформируется у него в голове, позже будет легче воспроизвести ее снова.

– Вот и все! – провозгласил он. – Уловили? Теперь, Фробишер, напоите ее вы, и посмотрим, как она звучит.

Спросил, в какой мы были тональности.

– Си бемоль, разумеется!

Ключевые знаки темпа? Эйрс ущипнул себя за переносицу.

– Вы что, хотите сказать, что не уловили моей мелодии?

Встряхнувшись, напоминал себе, что он полностью невменяем. Попросил его повторить мелодию, гораздо медленнее, и одну за другой обозначить все ноты. Последовала напряженная пауза, длившаяся, как мне показалось, часа три, в течение которой Эйрс решал, разразиться ему гневом или нет. В конце концов он издал мученический вздох.

– Четыре восьмых, меняющиеся на восемь восьмых после двенадцатого такта, если вы умеете считать до двенадцати.

Пауза. Вспомнил о своих денежных трудностях и закусил губу.

– Тогда давайте пройдемся по всему снова. – Покровительственная пауза. – Готовы? Медленно... Та! Какая это нота?

В последовавшие за этим страшные полчаса я вынужден был угадывать все ноты, одну за другой. Эйрс подтверждал или отрицал мои догадки, устало кивая или мотая головой. Когда мадам К. внесла вазу с цветами, я изобразил на своем лице SOS, но В. Э. сам заявил, что у нас был день великих испытаний. Когда я удалялся, то слышал, как Эйрс (ради моего блага?) проговорил:

– Все безнадежно, Иокаста, этот парень не в состоянии записать простейший мотив. С тем же успехом я мог бы присоединиться к авангарду и метать дротики в клочки бумаги с написанными на них нотами.

В конце коридора миссис Виллемс – экономка – жаловалась какой-то невидимой мелкой сошке на сырую, неустойчивую погоду и на свое влажное белье. Она в лучшем положении, чем я. Мне приходилось манипулировать людьми ради достижений, сладострастия или займов, но никогда – ради крыши над головой. Этот гниющий шато весь пропах грибами и плесенью. Вообще не надо было сюда приезжать.

*Искренне твой,
Р. Ф.*

Р. S. Финансовые затруднения, какая удачная фраза. Неудивительно, что все бедные – социалисты. Слушай, вынужден попросить у тебя взаймы. Обстановка в Зедельгеме самая непринужденная, какую мне только приходилось видеть (к счастью! потому что гардероб дворецкого моего отца обеспечен гораздо лучше, чем сейчас мой), но все-таки необходимо соответствовать каким-то меркам. Не могу даже давать на чай слугам. Если бы у меня остались богатые друзья, я попросил бы у них, но правда заключается в том, что их у меня нет. Не знаю, перешлешь ли ты деньги телеграфом, отправишь почтой или как-нибудь еще, но ты ведь ученый, ты найдешь способ. Если Эйрс попросит меня удалиться, мне конец. Новость о том, что Роберт Фробишер вынужден был вымаливать деньги у своих бывших хозяев, когда они вышвырнули его на улицу по причине непригодности к работе, обязательно просочится в Кембридж. Я умру от стыда, Сиксмит, честное слово, умру. Ради бога, пришли мне, что сможешь, безотлагательно.

* * *

Шато Зедельгем,

14-VII-1931

Сиксмит,

слава Благословенному Руфусу, Святому Покровителю Нуждающихся Композиторов, Хвала Ему во Всевышних Сферах, аминь. Твой посланный почтой чек прибыл сегодня утром в целости и сохранности – своим хозяевам я обрисовал тебя как любящего дядюшку, который запомнил о моем дне рождения. Миссис Кроммелинк подтверждает, что в банке Брюгге его оплатят. Напишу в твою честь мотет^[27] и верну деньги, как только смогу. Может быть, скорее, чем ты ожидаешь. Мои перспективы, подвергнутые глубокой заморозке, оттаивают. После унижительной первой попытки сотрудничества с Эйрсом я вернулся к себе в комнату в совершенно убогом и жалком состоянии духа. Остаток дня посвятил изложению тебе всех своих сопливых причитаний – сожги их, кстати, если еще этого не сделал, – чувствуя ужасное беспокойство о будущем. Надев высокие сапоги и кепку, осмелился выйти под дождь и отправился в деревенское почтовое отделение, искренне недоумевая, где могу оказаться месяцем позже. Вскоре после моего возвращения миссис Виллемс позвонила к обеду, но когда я вошел в столовую, там меня ожидал один только Эйрс.

– Это вы, Фробишер? – спросил он с обычной для стариков хрипотцой, когда они пытаются быть любезными. – Ну-с, Фробишер, рад, что мы с вами можем немного поболтать наедине. Слушайте, сегодня утром я обошелся с вами погано. Из-за этой болезни я делаюсь более... откровенным, чем это порой уместно. Приношу свои извинения. Может, предоставите завтра сварливому дядьке еще один шанс, а? Что скажете?

Не рассказала ли ему его жена о том, в каком она застала меня состоянии? Может, Люсиль упомянула о моем наполовину упакованном чемодане? Выждал, пока не появилась уверенность, что в голосе моем не прозвучит облегчения, и самым аристократическим тоном сказал, что высказать свое мнение было с его стороны совершенно естественно.

– Я чересчур предвзято отнесся к вашему предложению, Фробишер. Извлекать из моей башки музыку будет нелегко, но наше партнерство – это такой же хороший шанс, как и всякий другой. Ваша музыкальность и характер как нельзя лучше подходят для этого занятия. Жена говорила мне, что вы даже пробовали свои силы в сочинительстве. Попросту говоря, музыка для нас обоих – все равно что воздух. При наличии доброй воли мы с вами можем повозиться, пока не найдем правильного метода.

Тут в дверь постучала и заглянула мадам Кроммелинк, в мгновение ока, как это дано некоторым женщинам, ощутила царящую в комнате атмосферу и спросила, посылал ли Эйрс за праздничным вином. Тот повернулся ко мне.

– Это зависит от молодого Фробишера. Что скажете? Задержитесь ли вы у нас на несколько недель, а может, и на несколько месяцев, если все пойдет хорошо? И даже дольше, кто знает? Но вам придется принять небольшое жалованье.

Выдавая свое облегчение за удовлетворенность, сказал ему, что польщен, и не стал с ходу отвергать предложение жалованья.

– Тогда, Иокаста, вели миссис Виллемс принести «Пино-Руж» восьмого года!

Мы поднимали тосты за Бахуса и за муз – и пили вино, изысканное, как кровь единорога. Погреб Эйрса, в котором хранятся около двенадцати сотен бутылок, – один из лучших в Бельгии и достоин небольшого отступления. Он пережил войну и не был разграблен гуннскими офицерами, которые использовали Зеделгем в качестве командного пункта, – благодаря одной только фальшивой стене, которую отец Хендрика выстроил перед его входом, прежде чем семья спаслась бегством в Гётеборг. Библиотека и другие объемистые ценности, запакованные в ящики, тоже провели войну в этом погребе (когда-то использовавшемся как монастырский склеп). Накануне Перемирия^[28] пруссаки перевернули вверх дном все здание, но погреба так и не нашли.

Сейчас у нас устанавливается рабочая рутина. Каждый день, насколько ему позволяют многочисленные недуги и боли, Эйрс встречается со мной в девять утра в музыкальной комнате. Я сажусь за пианино, а Эйрс – на диван, куря свои мерзкие турецкие сигареты, и мы приступаем к одному из трех наших *modi operandi*¹⁸. «Повторение» – это когда он просит меня пробежаться по тому, чем мы занимались накануне утром. Я, в зависимости от инструмента, мычу, пою или играю, а Эйрс правит партитуру. При «воссоздании» я тщательно анализирую старые партитуры, записные книжки и сочинения, часть которых была написана до моего рождения, чтобы найти пассаж или каденцию, которые Эйрс смутно помнит и хотел бы воскресить. Тяжелая детективная работа. «Сочинительство» требует больше всего отдачи. Я сижу за пианино и пытаюсь поспеть за таким, к примеру, потоком: «Шестнадцатые, си-соль, целая, ля-бемоль, – держи четыре такта, нет, шесть, – четвертные! фа-диез – нет, нет, нет, нет, фа-диез – и... си! Та-татти-татти-та!» (По крайней мере, теперь маэстро сам называет свои ноты.) Или, будучи в более поэтичном настроении, он может сказать: «Так, Фробишер, кларнет – это наложница, альты – тисы на кладбище, клавикорды – луна, так что... пусть восточный ветер раздует этот аккорд ля минор на шестнадцать тактов дальше».

Подобно работе хорошего дворецкого (хотя, можешь быть уверен, я более чем хорош), моя работа на девять десятых состоит из предвидения. Порой Эйрс просит меня высказать мое художественное суждение, что-нибудь вроде: «Как вы думаете, Фробишер, этот аккорд работает?» – или: «Как по-вашему, этот пассаж соответствует целому?» Если я отвечаю отрицательно, то Эйрс спрашивает, что я предложил бы в качестве замены, и раз или два он даже использовал мои поправки. Это очень успокаивает. В будущем кому-то предстоит изучать эту музыку.

К часу дня Эйрс выдыхается. Хендрик отвозит его вниз, в столовую, где к нам на время ленча присоединяются миссис Кроммелинк и ужасная Е., если она вернулась домой на выходные или на вторую половину дня. Послеполуденную жару Эйрс проводит в дремоте. Я продолжаю рыться в сокровищнице библиотеки, сочиняю в музыкальной комнате, читаю рукописи в саду (белые лилии – имперские короны, докрасна раскаленные кочерги – шток-розы, все – в полном цвету), езжу по тропкам вокруг Неербеке на велосипеде или брожу по окрестным полям. Крепко-накрепко подружился с деревенскими собаками. Они бегают за мной вприпрыжку, как малыши или как крысы за Дудочником. Местные исправно отзываются на мои «*goede morgen*» и «*goede middag*» – теперь уже всем известно, что в «*kasteel*» я приехал надолго.

После ужина мы втроем либо слушаем радио, когда находим передачу приемлемой, либо прокручиваем пластинки на граммофоне (настольная модель фирмы «*His Master's Voice*»¹⁹ в дубовом корпусе): обычно это записи основных произведений самого Эйрса, исполняемые оркестром под управлением сэра Томаса Бичема. Когда у нас бывают посетители, мы или беседуем, или слушаем камерную музыку. Иногда по вечерам Эйрсу хочется, чтобы я почитал ему стихи, особенно его любимого Китса^[29]. Он шепчет строки, которые я декламирую, словно его голос опирается на мой. За завтраком я читаю ему кое-что из «Таймс». Каким бы старым, больным и слепым Эйрс ни был, он смог бы отстаивать свое мнение в дискуссионном клубе любого колледжа, хотя, как я заметил, он редко предлагает альтернативы для тех систем, которые высмеивает. «Либерализм? Трусость богатых!»; «Социализм? Младший брат одряхлевшего деспотизма, по стопам которого он хочет следовать»; «Консерваторы? Доморощенные лжецы, самым большим обманом которых является доктрина свободы воли». Каким, по его мнению, должно быть государственное устройство? «Никаким! Чем лучше организовано государство, тем больше в нем подавляется человек».

¹⁸ Образов действия (лат.).

¹⁹ «Голос его хозяина» (англ.).

Каким бы раздражительным Эйрс ни был, он один из немногих людей в Европе, чьим влиянием мне хотелось бы наполнить собственное творчество. С музыкальной точки зрения Эйрс подобен двуликому Янусу. Один Эйрс глядит назад, на смертный одр романтизма, а другой – в будущее. Это тот Эйрс, за взглядом которого я следую. Наблюдая за тем, как он использует контрапункт и как смешивает тембры, я с возбуждением улучшаю собственный музыкальный язык. За то короткое время, что провел в Зедельгеме, я уже научился большему, чем дали бы мне три года возле трона Осла Макерраса с его Веселым Оркестром Онанистов.

Друзья Эйрса и миссис Кроммелинк навещают его регулярно. В среднем дважды или трижды в неделю мы можем ожидать посетителя/ей. Среди них – солисты, заглядывающие в шато проездом из Брюсселя, Берлина, Амстердама или откуда-нибудь еще; знакомцы Эйрса по зеленой юности, прошедшей во Флориде и Париже; а также добрый старый Морти Дондт с супругой. Дондт владеет гранильными мастерскими в Брюгге и Антверпене, говорит, хоть и невнятно, на тьме-тьмушей языков, выдумывает замысловатые многоязыковые каламбуры, требующие пространных объяснений, спонсирует фестивали и играет с Эйрсом в метафизический футбол. Миссис Дондт подобна миссис Кроммелинк, только в ней все помножено на десять – по правде сказать, ужасное создание! Она возглавляет Бельгийское конное общество, сама водит «бугатти» Дондта и балует пуховку-пекинеса по кличке Вэй-Вэй. В последующих письмах ты, несомненно, снова ее встретишь.

Родственников на этом свете мало: Эйрс был единственным ребенком, а некогда влиятельная семья Кроммелинк выказала недальновидность, на протяжении всей войны в решающие моменты поддерживая не ту сторону. Те, кто не погиб в бою, в большинстве своем обнищали и покинули сей мир еще до того, как Эйрс и его жена вернулись из Скандинавии. Другие бежали за океан и там умерли. Иногда в шато заглядывают старая гувернантка миссис Кроммелинк и пара ее болезненных тетушек, но они безмолвствуют где-нибудь в уголке, подобно старым вешалкам для шляп.

На прошлой неделе неожиданно-негаданно, без уведомления, на Второй День Мигрени, объявился дирижер Тадеуш Августовский, великий поборник творчества Эйрса в родном своем Кракове. Миссис Кроммелинк не было дома, и ко мне, вся взмыленная, прибежала миссис Виллемс, умоляя занять чем-нибудь прославленного посетителя. Я не мог их разочаровать. По-французски Августовский говорит не хуже меня, и мы провели день за ловлей рыбы и в спорах о приверженцах додекафонии. Он полагает их всех шарлатанами, а я – нет. Он излагал мне военные истории, связанные с его оркестром, а еще угостил совершенно непристойным анекдотом, который требует жестов, а посему с ним придется повременить, пока мы снова не встретимся. Я поймал форель в одиннадцать дюймов, Августовский вытянул чудовищного ельца. Когда, уже в сумерках, мы вернулись, Эйрс уже поднялся, и поляк сказал старику, что ему повезло со мной. Эйрс буркнул что-то вроде: «Сыршенно верно». Чарующая лесть, Эйрс. Миссис Виллемс отнюдь не была *enchantée*²⁰ нашими рыбацкими трофеями, но все же выпотрошила их, посолила, смазала маслом, и они умягчились на рыбной вилке. Уезжая на следующее утро, Августовский дал мне свою визитную карточку. Он держит апартаменты в «Лэнгем-Корте» для своих визитов в Лондон и пригласил меня остановиться там вместе с ним на время фестиваля в следующем году. Кукареку!

Шато Зедельгем – это не лабиринтообразный дом Эшеров^[30], каким он кажется поначалу. Правда, западное крыло, забранное ставнями и покрытое толстым слоем пыли, чтобы оплатить модернизацию и обслуживание восточного, находится в плачевном состоянии, и, боюсь, оч. скоро его придется снести. В один из дождливых дней обследовал тамошные помещения. Сырость разрушительна; опавшая штукатурка висит в паучьих сетях; помет мышей, простых и летучих, хрустит на истертых камнях; гипсовые гербы над каминами под воздействием вре-

²⁰ Очарована (фр.).

мени обращаются в пыль. Та же история и снаружи: кирпичным стенам требуется новая расшивка швов, зубцы их обвалились и лежат на земле неопрятными грудками, на крыше не хватает черепиц, ручейки дождевой воды прорывают русла в средневековом песчанике. Кроммелинки преуспевали благодаря инвестициям в Конго, но ни один из родственников мужского пола не пережил войны, а боши-«постояльцы» прицельно выпотрошили из Зедедьгема все, что было достойно потрошения.

Однако восточное крыло являет собой уютный маленький заповедник, хотя стропила его при ветре скрипят, словно шпангоуты корабля. В нем имеется капризное центральное отопление и зачаточная электрическая проводка, искрящаяся и бьющая током при каждом нажатии на выключатель. Отцу миссис Кроммелинк хватило предвидения обучить свою дочь управлению помещьем, и теперь она сдает свою землю в аренду соседним фермерам, чтобы, как я понимаю, хоть как-то сводить концы с концами. В наши дни и в наш век даже таким достижением не стоит пренебрегать.

Ева – та еще жеманная миссочка, такая же противная, как мои сестрицы, чей ум, правда, равен ее враждебности. Если не считать драгоценной Нефертити, ее хобби состоит в том, чтобы дуться и напускать на себя мученический вид. Ей нравится доводить ранимую прислугу до слез, а потом врываться и возвещать: «У нее опять истерика, мама, не могла бы ты ее как следует вышколить?» Она установила, что я отнюдь не являюсь легкой мишенью, а потому развязала войну на истощение: «Папа, как долго мистер Фробишер будет оставаться в нашем доме?»; «Папа, мистеру Фробишеру ты платишь столько же, сколько Хендрику?»; «Ах, мама, да я же просто спросила, я не знала, что должность мистера Фробишера – такой щекотливый предмет». Она не дает мне покоя – противно это признавать, но деваться некуда. Накануне, в субботу, имел с нею еще одну встречу – точнее сказать, стычку. Я взял библию Эйрса – «Так говорил Заратустра»^[31] – и отправился на выложенный каменными плитами мост над озером, ведущий к острову с ивами. Ужасающе жаркий день: даже в тени я потел как собака. Через десять страниц я почувствовал, что это Ницше читает меня, а не я его^[32], так что стал смотреть на водяных клопов и тритонов, меж тем как умственный мой оркестр исполнял «Воздушный танец» Фреда Делиуса^[33]. Сама вещица – сиропный пирог, но ее усыпляющая флейта довольно-таки хороша.

После этого помню вот что: оказалось, что я нахожусь во рву, таком глубоком, что небо было не более чем далекой полоской, озаряемой вспышками ярче дневного света. Ров патрулировали дикари верхом на гигантских коричневых крысах с жуткими зубами, которые выискивали простолюдинов и расчленили их. Пошел прогулочным шагом, стараясь выглядеть преуспевающим господином и удержаться от панического бегства, как вдруг встретил Еву. Я сказал:

– Что, черт возьми, вы здесь делаете?

Та выпалила с яростью:

– *Ce lac appartient à ma famille depuis cinq siècles! Vous êtes ici depuis combien de temps exactement? Bien trois semaines! Alors vous voyez, je vais où bon me semble!*^[21]

Ее гнев был едва ли не физическим ударом в лицо твоему смиренному корреспонденту. И вполне справедливым – ведь я обвинил ее во вторжении в поместье ее матери. Окончательно проснувшись, я с трудом стал подниматься на ноги, рассыпаясь в извинениях и объясняя, что говорил во сне. Совершенно забыл об озере. Свалился в него как долб. идиот! Весь вымок! К счастью, воды было всего лишь по пупок, и по милости Господней драгоценный эйрсовский Ницше не присоединился ко мне в этом купании. Когда Ева обуздала наконец свой смех, сказал, что мне приятно видеть, как она не дуется, а делает что-то иное. У вас в волосах ряска,

²¹ Моя семья живет в этом поместье более пяти столетий! А сколько здесь пробыли вы? В лучшем случае, три недели! Так что я хожу, где хочу! (фр.)

отвечала она по-английски. Сменив тон, покровительственно похвалил ее языковые способности. Она тут же отбила мяч:

– Чтобы произвести впечатление на англичанина, требуется немного.

И ушла. Хлесткий ответ пришел мне в голову лишь позже, так что в этом сете девочка одержала верх.

А теперь, пока я буду писать о книгах и выгодах, весь обратись во внимание. Роясь в книжном алькове в своей комнате, я наткнулся на любопытное растрепанное издание и хотел бы, чтобы ты отыскал для меня целый экземпляр. Тот, что попался мне в руки, начинается с девяносто девятой страницы, обложки нет, переплет весь расползся. Из того немногого, чем я располагаю, явствует, что это – отредактированный дневник о путешествии из Сиднея в Калифорнию некоего американского нотариуса по имени Адам Юинг. Есть упоминание о золотой лихорадке, так что, думаю, мы имеем дело с 1849 или 1850 годом. Кажется, дневник издан посмертно, сыном Юинга (?). Юинг напоминает мне этого путаника, капитана Делано из «Бенито Серено» Мелвилла^[34], который был слеп в отношении всех заговорщиков, – ему невдомек, что его верный доктор Генри Гуз [*sic!*] не кто иной, как вампир, подпитывающий его ипохондрию, чтобы медленно его отравить и завладеть его деньгами.

Что-то сомнительна подлинность этого дневника – он кажется слишком уж упорядоченным для подлинных записей, да и язык звучит не вполне правдиво, – но зачем и кому подделывать такое?

К огромному моему огорчению, он обрывается прямо посреди фразы, страниц через сорок, где нити переплета совсем перетерлись. Перерыл всю библиотеку в поисках продолжения этой проклятой вещицы. Безуспешно. Вряд ли в наших интересах привлекать внимание Эйрса или миссис Кроммелинк к их библиографическому богатству, не учтенному в карточке, так что теперь я в большом затруднении. Не спросишь ли у Отто Янша на Кейтнесс-стрит, известно ли ему что-нибудь об этом Адаме Юинге? Наполовину прочитанная книга – это наполовину заверченный любовный роман.

Прилагаю перечень самых ранних изданий, имеющихся в библиотеке Зеделгема. Как видишь, некоторые из них относятся к оч. старинным, начала семнадцатого в., так что как можно скорее сообщи мне лучшие цены, которые может предложить Янш, а чтобы не скражничал, оброни этак вскользь, что всем этим уже интересуются парижские перекупщики.

*Искренне твой,
Р. Ф.*

* * *

*Шато Зеделгем,
28-VII-1931
Сиксмит,*

есть повод для маленького торжества. Два дня назад мы с Эйрсом завершили нашу первую совместную работу, небольшую тональную поэму под названием «*Der Todtenvogel*»²². Когда я раскопал эту вещь в его залежах, она была ручной аранжировкой старого тевтонского гимна: из-за слабеющего зрения Эйрса она осталась слишком высокопарной и сухой. Новая наша версия – занятная тварь. Кое-какие отзвуки она заимствует из вагнеровского «Кольца нибелунга», а затем расщепляет тему в кошмары Стравинского^[35], сдерживаемые призраками Сибелиуса^[36]. Кошмарная вещь, восхитительная, хотел бы я, чтобы ты ее услышал! Заканчивается она соло на флейте, и это не какая-нибудь флейтовая чушь, подкупающая трепетностью,

²² «Птица смерти» (нем.).

а та самая птица смерти, заявленная в заглавии, в равной мере проклинающая как первенцев, так и последышей.

Вчера, возвращаясь из Парижа, нас опять навестил Августовский. Он читал партитуру и швырял похвалы лопатой – как истопник швыряет уголь. Так и следовало! Это, насколько я знаю, самая искусная тональная поэма из написанных после войны; и, Сиксмит, смею тебя заверить, что немало из лучших ее идей принадлежит мне. Полагаю, секретарю должно смириться с отказом от участия в авторстве, но закрыть рот на замок всегда нелегко. Но лучшее еще впереди – на фестивале в Кракове, который состоится через три недели, Августовский хочет устроить ее премьеру и сам будет стоять за пультом!

Вчера поднялся ни свет ни заря и весь день переписывал эту вещь набело. Неожиданно она показалась мне отнюдь не короткой. У меня перестали разгибаться пальцы правой руки, а нотные станы настолько впечатались в сетчатку, что виделись мне и с закрытыми веками, но к ужину я закончил. Мы вчетвером выпили пять бутылок вина, чтобы отпраздновать это дело. На десерт был подан наилучший мускат.

Ныне являюсь золотым мальчиком Зедельгема. Оч. долго не был чьим-либо золотым мальчиком, и мне это весьма по душе. Иокаста предложила мне перебраться из гостевой комнаты в одну из больших неиспользуемых спален на третьем этаже, которую обставят по моему пожеланию всем, что привлечет мой взор в остальных помещениях Зедельгема. Эйрс поддержал этот порыв, и я сказал, что согласен. К моему удовольствию, Миссочка-Крысочка потеряла самообладание и заканючила:

– Ой, мама, почему бы не вписать его еще и в завещание? Почему бы не отдать ему половину поместья?

Не извинившись, она встала из-за стола. Эйрс проворчал, достаточно громко, чтобы она могла услышать:

– Первая хорошая идея, что пришла ей в голову за семнадцать лет! По крайней мере, Фробишер отрабатывает свое чертово содержание!

Хозяева мои не пожелали слышать от меня извинений, сказали, что это Ева должна передо мной извиниться, что ей необходимо распрощаться со своими докоперниковскими воззрениями, согласно которым Вселенная вращается вокруг ее персоны. Музыка для моих ушей. Также по делу: Ева вместе с двадцатью своими одноклассницами оч. скоро на несколько месяцев отправляется в Швейцарию учиться на медсестру. Еще больше музыки! Это будет таким же облегчением, как если бы выпал гнилой зуб. Новая моя комната достаточно просторна для парной игры в бадминтон; в ней стоит кровать с пологом на четырех столбиках, с какового полога мне пришлось стряхивать прошлогоднюю моль; кордовская цветная кожа прошлого века отслаивается от стен, напоминая чешую дракона, но по-своему привлекательна; стеклянный шар цвета индиго для отпугивания злых духов; книжный шкаф, отделанный полированным ореховым деревом; шесть министерских кресел; *escritoire*²³ из смоковницы, за которым я пишу это письмо. Жимолость пропускает достаточно кружевного света. К югу открывается вид на сероватый сад с подстриженными деревьями. К западу – на луга, где пасутся коровы, и на церковный шпиль, вздымающийся над лесом за ними. Тамошние колокола служат мне личными часами. (По правде сказать, Зедельгем, словно Брюгге в миниатюре, может похвастаться великим множеством старинных часов, бой которых раздается то чуть раньше, то чуть позже положенного.) В общем, здесь на порядок или два роскошнее наших комнат на Уаймен-лейн, на порядок или два менее роскошно, чем в «Савое» или «Империаде», но просторно и безопасно. Если только я не допущу неловкости или неосторожности.

Что наводит меня на мысли о мадам Иокасте Кроммелинк. Лопни мои глаза, Сиксмит, если эта женщина не начала, очень тонко, со мной флиртовать.

²³ Бюро (*фр.*).

Двусмысленность ее слов, взглядов и прикосновений слишком уж недвусмысленна, чтобы быть случайной. Посмотрим, что подумаешь ты. Вчера после полудня, когда я изучал в своей комнате малоизвестное юношеское сочинение Балакирева^[37], ко мне постучалась миссис Кроммелинк. Она была в своей наезднической куртке, а волосы у нее были заколоты, открывая очень даже соблазнительную шею.

– Мой муж хочет вам кое-что подарить, – сказала она. – Вот. В честь окончания «*Todtenvogel*». Знаете, Роберт, – ее язык задержался на «т» в слове «Роберт», – Вивиан так счастлив, что снова работает. Он уже долгие годы не был настолько бодрым. Это всего лишь знак признательности. Наденьте.

Он протянула мне изысканный жилет, шелковую вещицу оттоманского стиля, слишком экзотическую по покрою и расцветке, чтобы когда-либо войти в моду или из нее выйти.

– Я купила его во время нашего медового месяца в Каире, когда Вивиану было столько же, сколько теперь вам. Он больше не будет его носить.

Сказал, что польщен, но вряд ли смогу принять предмет одежды, столь дорогой для их памяти.

– Именно поэтому мы и хотим, чтобы вы его носили. В его узоры вплетены наши воспоминания. Наденьте его.

Уступил ее требованиям, и она погладила жилет – под предлогом (?) снятия пушинки.

– Подойдите к зеркалу!

Подошел. Женщина стояла лишь в нескольких дюймах позади меня.

– Слишком хорош, чтобы скармливать моли, согласны?

Да, согласился я. Ее улыбка была обоюдоострой. Будь все это в одном из душещипательных романов Эмили, руки соблазнительницы обвились бы вокруг торса невинного юноши, но Иокаста действует более осмотрительно.

– У вас в точности такое же телосложение, какое в вашем возрасте было у Вивиана. Странно, правда?

Да, согласился я снова. Ее ногти высвободили прядь моих волос, попавшую под ворот жилета.

Не стал ее ни отталкивать, ни поощрять. Такие вещи не делаются очертя голову. Миссис Кроммелинк вышла, не добавив более ни слова.

За обедом Хендрик сообщил, что в Неербеке ограбили дом доктора Эгрета. К счастью, никто не пострадал, но полиция распространила предупреждение, чтобы опасались цыган и бандитов. Дома по ночам надлежит запирасть и охранять. Иокаста содрогнулась и сказала, что рада моему присутствию в Зедельгеме – я, мол, смогу ее защитить. Признал, что был неплохим боксером в Итоне, но выразил сомнение, что смогу совладать с целой бандой. Может, я смог бы поддержать полотенце Хендрика, пока *он* будет задавать им основательную взбучку? Эйрс никак все это не прокомментировал, но вечером развернул салфетку, в которой оказался «люгер». Иокаста стала его чествовать за демонстрацию пистолета за столом, но Эйрс не обратил на нее внимания.

– Когда мы вернулись из Гётеборга, я нашел этого зверюгу под расшатанной половицей в главной спальне, вместе с пулями, – пояснил он. – Прусский капитан либо оставил его в спешке, либо сам был убит. Вероятно, он хранил его там для защиты от бунтовщиков или нежелательных лиц. Я держу его рядом со своей постелью по той же самой причине.

Спросил, могу ли я его поддержать, потому что прежде мне доводилось дотрагиваться только до охотничьих ружей.

– Разумеется, – ответил Эйрс, протягивая его над столом.

У меня на теле поднялись все волоски до единого. Этот так ладно лежащий в руке металлический дружок убивал, по крайней мере, однажды, я бы поставил на это все свое наследство, если бы по-прежнему мог его ожидать.

– Так что, как видите, – сказал Эйрс с угрюмым смешком, – я, может быть, старый слепой калека, но у меня все еще есть зуб-другой, чтобы кусаться. Слепец, у которого имеется ствол и которому очень мало что осталось терять. Представьте, что за бойню могу я учинить!

Не могу решить: почудилась мне угроза в его голосе или она там была.

От Янша новости великолепные, только не передавай ему этих моих слов. Вышлю тебе три упомянутых тома из Брюгге, когда поеду туда в следующий раз, – у здешнего почтмейстера имеется некая исследовательская жилка, которой я не доверяю. Приму обычные меры предосторожности. Мою выручку переведи в головное отделение Первого банка Бельгии в Брюгге – Дондт шелкнул пальцами, и управляющий открыл мне счет. В их списках значится только один Роберт Фробшер, в этом я совершенно уверен.

А вот и самая лучшая новость: снова начал сочинять самостоятельно.

*Искренне твой,
Р. Ф.*

* * *

*Зедельгем,
16-VIII-1931
Сиксмит,*

лето приобрело чувственный оборот: мы с женой Эйрса стали любовниками. Но не тревожся! Всего лишь в плотском смысле. В одну из ночей на прошлой неделе она вошла ко мне в комнату, заперла за собой дверь и, не говоря ни слова, разделась. Не хочу хвастаться, но ее приход не застал меня врасплох. Собственно, я оставил для нее дверь приоткрытой. Право, Сиксмит, тебе стоит попробовать заниматься любовью в полном молчании. Весь этот балаган оборачивается блаженством, стоит только запечатать уста.

Когдаходишь в тело женщины, ее ларец с секретами тоже распаивается. (Тебе следует как-нибудь их попробовать – женщин, я имею в виду.) Может, это как-то связано с тем, насколько безнадежны они в карточной игре? После Акта я предпочитаю спокойно полежать, но Июкаста все говорила и говорила, так порывисто, словно пыталась похоронить нашу большую черную тайну под множеством серых тайн поменьше. Оказывается, Эйрс подцепил свой сифилис в каком-то копенгагенском борделе, в 1915 году, во время длительной разлуки, и с тех самых пор не ублажал свою жену; после рождения Евы доктор сказал Июкасте, что она никогда не сможет понести другого ребенка. Она оч. разборчива в отношении случайных связей, но считает их своим неотъемлемым правом, не требующим оправданий. Настаивала, что по-прежнему любит Эйрса. Я проворчал, что сомневаюсь. То, что любовь любит верность, парировала она, не более чем миф, который мужчины сплели из собственных измен.

О Еве она тоже говорила. Обеспокоена тем, что слишком занята была внушением своей дочери необходимых приличий, что они никогда не были друзьями, а теперь, кажется, лошадка понесла. От этих тривиальных трагедий меня потянуло в сон, но впредь буду осторожнее в отношении датчан и, в частности, датских борделей.

И. возжелала второго раунда, словно хотела приклеиться ко мне. Не возражал. У нее тело наездницы, более упругое, чем обычно находишь у зрелой женщины, и более техничное, чем у многих десятишиллинговых лошадок, на которых мне доводилось ездить. Можно заподозрить, что позади – длинная очередь из молодых жеребцов, получавших приглашение покормиться в ее яслях. И в самом деле, как только я содрогнулся в последний раз, она сказала:

– Дебюсси^[38] как-то раз провел неделю в Зедельгеме, перед войной. Если не ошибаюсь, он спал на этой самой кровати.

Чуть приметное дрожание в ее голосе давало возможность предположить, что она была и с ним. Не исключено. Появись хоть что-либо в юбке – слышал я о Клоде, – и он тут же вспоминал, что он француз.

Когда утром Люсиль постучала ко мне в дверь, с водой для бритья, я был совершенно один. За завтраком, счастлив заметить, И. вела себя так же непринужденно, как я. А когда я уронил на ковер каплю джема, даже позволила себе некоторую язвительность, заставив В. Э. сделать ей выговор:

– Не будь такой колюшкой, Иокаста! Твоим милым ручкам соскребать это пятно не придется.

Адюльтер, Сиксмит, это дуэт, который нелегко вытянуть, – как в контрактном бридже, надо тщательно избегать партнеров более неловких, чем ты сам, иначе окажешься в страшной кутерье.

Испытываю вину? Нисколько. Торжество над рогоносцем? Да нет, не особенно. Все еще сильно злюсь на Эйрса, если что. Вечером следующего дня на обед пришли Дондты, и миссис Д. попросила какой-нибудь фортепьянной музыки, чтобы лучше усваивалась пища, так что я сыграл «Ангела Монса» – ту вещицу, что написал два года назад, когда мы с тобой отдыхали на островах Силли, хотя отрекся от авторства, сказав, что сочинил ее «один приятель». Эту вещь я переделывал накануне. Она лучше, плавней и тоньше, чем те шерbetные шубертовские пастиччо, которые извергал В. Э. на *своем* третьем десятке. И. и Дондтам она так полюбилась, что они настаивали на повторении. Отыграл всего шесть тактов, как вдруг В. Э. прибегнул к доселе неведомому вето.

– Я посоветовал бы вашему приятелю освоить классиков, прежде чем резвиться с современниками.

Звучит как вполне безобидный совет? Однако слово «приятелю» он произнес именно с тем полутонem, который сообщил мне, что он вполне осознает, кто таков мой приятель. Может, он и сам прибегал к той же уловке, когда был у Грига^[39] в Осло?

– Без тщательного овладения контрапунктом и обертонами, – пропыхтел В. Э., – этот парень никогда не поднимется выше уличного торговца бессмысленными штучками-дрючками. Передайте это от меня своему *приятелю*.

Я кипел от ярости, но молчал. В. Э. велел И. поставить граммофонную пластинку с записью его собственного квинтета для духового оркестра «Сирокко». Она повиновалась язвительному старому задире. Чтобы утешиться, я вспоминал, какое тело у И. под ее летним крепдешиновым платьем, с какой жаждой ныряет она ко мне в постель. Оч. хор., позлорадствую немного над рогами своего нанимателя. Поделом ему. Немошный прыщ – тем не менее прыщ.

После представления в Кракове Августовский прислал загадочную телеграмму. В переводе с французского: ПЕРВОЕ ИСПОЛНЕНИЕ todtenVOGEL МИСТИФИЦИРОВАЛО ТЧК ВТОРОЕ ОБЕРНУЛОСЬ ДРАКОЙ ТЧК ТРЕТЬИМ ВОСХИЩЕНЫ ТЧК ЧЕТВЕРТОМ ГОВОРIT ВЕСЬ ГОРОД ТЧК. Мы не знали, что и думать, пока по горячим следам этой телеграммы не последовали газетные вырезки, которые Августовский перевел на обороте концертной программы. В общем, наша «*Todtenvogel*» обернулась *cause célèbre*!²⁴ Насколько мы можем понять, критики истолковали наличествующее в ней раздробление вагнеровских тем как прямое оскорбление Германской республики. Группа парламентариев-националистов потребовала от руководства фестиваля пятого исполнения. Театр, предвидя выручку, уступил с удовольствием. Немецкий посол подал официальную ноту протеста, так что билеты на шестое представление были проданы менее чем за сутки. В итоге всего этого стоимость акций Эйрса поднялась выше крыши повсюду, кроме Германии, где, очевидно, его изобличают как еврейского

²⁴ Событием, получившим большой резонанс (*фр.*).

дьявола. Общенациональные газеты со всего континента прислали просьбы об интервью. Имел удовольствие отправить в каждую вежливый, но твердый формальный отказ.

– Я слишком занят сочинительством, – ворчит Эйрс. – Если им хочется знать, «что я имею в виду», пусть слушают мою чертову музыку.

Однако же от этого внимания он весь так и цветет. Даже миссис Виллемс признает, что после моего приезда он сильно приободрился.

На Евином фронте продолжается вражда. Меня беспокоит, как она пронюхала, что между мной и моим отцом что-то неладно. Публично удивляется, почему я не получаю писем из дома или почему мне не присылают что-нибудь из моей одежды. Спросила, не захочет ли кто из моих сестер вступить с ней в переписку. Чтобы выиграть время, пришлось пообещать передать им ее предложение, и мне может понадобится, чтобы ты пустился еще на один подлог. Не подкачай. Эта пронырливая лисица – едва ли не я сам в женском обличье.

Август в Бельгии в этом году выдался томительно-жарким. Луг желтеет, садовник опасается пожаров, фермеры тревожатся за урожай, но покажи мне безмятежного фермера, и я покажу тебе вменяемого дирижера.

Теперь о важном. Да, я встречу с Отто Яншем в Брюгге, чтобы лично передать ему эти рукописи с цветными миниатюрами, но ты должен быть посредником во всем. Не хочу, чтобы Янш узнал, чьим я пользуюсь гостеприимством. Подобно всем перекупщикам, Янш – хитрый, хищный хапуга, только больше других. Он не колеблясь попытается меня шантажировать, чтобы сбить нашу цену – или даже вообще заполучить рукописи бесплатно. Скажи ему, что я жду оплаты наличными, в хрустящих банкнотах, никакие эти кредитные соглашения со мной не пройдут. Потом я вышлю тебе почтовый перевод, включив в него и ту сумму, которую ты мне одолжил. Тогда тебя ни в чем не смогут обвинить, если дело пойдет наперекосяк. Я уже опозорен, а потому моя репутация не пострадает, если я развоню о старом негодяе на целый свет. Скажи ему и об этом тоже.

*Искренне твой,
Р. Ф.*

* * *

*Зеделгем,
16-VIII-1931, вечер
Сиксмит,*

твое скучное письмо от «поверенного» моего отца было Козырным Тузом. Браво. Прочел его вслух за завтраком – вызвало лишь мимолетный интерес. Почтовая марка со штемпелем Сэффрон-Уолдена – тоже мастерская работа. Ты что, в самом деле вылез из своей лаборатории и отправился в солнечный Эссекс, чтобы отослать его лично? Эйрс пригласил нашего «мистера Каммингса» повидаться со мной в Зеделгеме, но поскольку ты написал, что время не ждет, то миссис Кроммелинк сказала, что Хендрик отвезет меня в город, чтобы подписать документы там. Эйрс проворчал, что целый день работы будет потерян, но он только счастлив лишний раз повернуть.

Сегодня утром, пока еще не высохла роса, мы с Хендриком поехали по тем же дорогам, по которым я колесил на велосипеде пол-года тому назад. На мне была щегольская куртка Эйрса – теперь, когда те мои несколько предметов одежды, что удалось спасти от лап «Империала», начинают изнашиваться, многое из его гардероба перекочевывает в мой. «Энфилд» был привязан к заднему крылу, чтобы я мог выполнить свое обещание и вернуть велосипед добряку-констеблю. Добычу нашу, переплетенную в пергамент, я замаскировал нотной бумагой, без которой, как известно всем в Зеделгеме, не ступаю ни шагу, и укрыв от случайных

взглядов, уложив в грязный ранец, который здесь приобрел. Хендрик опустил верх «коули», так что для разговоров было слишком ветрено. Молчаливый малый, как и полагается при его должности. Странно признать это, но с тех пор, как начал ублажать миссис Кроммелинк, мне более не по себе при общении с лакеем ее мужа, нежели с самим мужем. (Июкаста продолжает жаловать меня своими милостями каждую третью или четвертую ночь, но только не в том случае, если дома ночует Ева, что оч. мудро. Да и в любом случае, не следует сразу же пожирать все шоколадки, подаренные на день рождения.) Неловкость моя проистекает из вероятности того, что Хендрику все известно. О да, нам безмерно нравится превозносить до звезд свою предусмотрительность, но для тех, кто перетряхивает простыни, секретов не существует. Но я не очень-то беспокоюсь. Не надо требовать от слуг невозможного, а Хендрик достаточно благоразумен, чтобы ставить на наездницу-хозяйку, у которой впереди много лет, а не на инвалида Эйрса со всеми его перспективами. Право же, этот Хендрик – странный тип. Трудно угадать его вкусы. Мог бы стать великолепным крупье.

Он высадил меня возле ратуши, отвязал «энфилд» и отправился выполнять разнообразные поручения и наносить визит вежливости, как он сказал, своей больной двоюродной бабушке. Я покатил на двух колесах через толпы празднующихся туристов, школьников и бургеров и всего лишь несколько раз сбился с пути. В полицейском участке музыкальный инспектор встретил меня с распростертыми объятиями и послал за кофе с пирожными. Он был в восторге от того, что мое положение у Эйрса так укрепилось. Когда я его покинул, было уже десять часов – назначенное время встречи. Спешить не стал. Хороший ход – заставить торговцев немного подождать.

Янш, опираясь на стойку в отеле «Рояль», приветствовал меня так:

– Ага, вот он, живой и невредимый, Человек-Невидимка, вернулся по просьбам общест-венности!

Клянусь, Сиксмит, этот бородавчатый старый Шейлок выглядит все более отталкивающим всякий раз, как попадаете мне на глаза. Нет ли у него волшебного портрета, припрятанного на чердаке, который с каждым годом все хорошеет?^[40] Не мог распознать, почему это он, по всей видимости, так рад меня встретить. Оглядел зал в поисках науськанных кредиторов – один тараканий взгляд, и я пустился бы наутек. Янш читал мои мысли.

– Так подозрителен, Роберто? Вряд ли я стану причинять вред озорной гусыне, которая несет такие великолепные яйца, так ведь? Ну, давай-ка, – он указал на стойку, – каким ядом будешь травиться?

Ответил, что пребывание в одном здании с Яншем, пусть даже таком большом, и без того отравляет, а потому предпочел бы перейти сразу к делу. Он ухмыльнулся, похлопал меня по плечу и повел в номер, который снял для нашей сделки. Никто за нами не последовал, но это еще ничего не гарантировало. Теперь мне уже хотелось, чтобы ты назначил менее укромное место для нашей встречи, где головорезы Тэма Брюера не могли бы накинуть на меня мешок, швырнуть в сундук и уволочь обратно в Лондон. Вынул книги из ранца, а он достал из кармана пиджака пенсне. Пытался сбить цену, утверждая, что состояние томов скорее удовлетворительное, чем хорошее. Спокойно завернул книги, положил их в ранец и вынудил скаредного еврея гнаться за мной по всему коридору, пока он не признал, что состояние действительно хорошее. Позволил ему уговорить меня вернуться в номер, где мы пересчитали банкноты, медленно, пока оговоренная сумма не была выплачена сполна. Дело сделано, вздохнул он, потом заявил, что я его разорил, и положил свою волосатую лапу мне на колено. Сказал ему, что я приехал продавать только книги. Он спросил – а почему бизнес должен препятствовать удовольствию? Разве молодой жеребчик за границей не сможет найти применение небольшим карманным деньгам? Час спустя оставил Янша заснувшим, а его бумажник – истощенным. Через площадь отправился прямо в банк, где был принят личным секретарем управляющего. Сладкоголосая птица – платежеспособность! Как любит говаривать папик: «Свой собственный пот – награда

наград!» (Но не то чтобы он в жизни особо потел за своей кафедрой-синекурой.) Следующую остановку сделал в городском музыкальном магазине, «Флагстаде», где купил кирпич нотной бумаги, чтобы, заботясь о наблюдательных взорах, заменить им исчезнувший из ранца груз. Когда вышел, то в витрине обувного магазина увидел пару желтовато-коричневых гетр. Вошел, купил их. В табачном магазине увидел шагреновый портсигар. Купил и его.

Оставалось убить два часа. Выпил в кафе холодного пива, и еще, и еще, и выкурил целую пачку великолепных французских сигарет. Деньги Янша – это не драконово сокровище, но, видит Бог, чувство у меня было именно такое. Затем я нашел церковь где-то на отшибе (мест, где кишат туристы, я избегал, уклоняясь от всяких там обозленных книготорговцев). Свечи, тени, скорбные мученики, ладан. Не бывал в церкви с того самого утра, когда папик вышвырнул меня на улицу. Дверь на улицу хлопала беспрестанно. Жилистые старики и старухи входили, зажигали свечи, выходили. Висячий замок на ящичке для пожертвований был из самых лучших. Люди опускались на колени, чтобы помолиться, у некоторых шевелились губы. Завидую им, по-настоящему завидую. И Богу тоже завидую, посвященному во все их тайны. У верующих, наименее эксклюзивного клуба на Земле, необычайно ловкий привратник. Каждый раз, когда я ступаю в его широко раскрытые двери, то обнаруживаю, что снова иду по улице. Старался как мог думать о чем-то возвышенном, но пальцы воображения продолжали блуждать по телу Иокасты. Даже витражные святые и мученики слегка возбуждали. Не думаю, что такие мысли приближают меня к Небесам. В конце концов меня спугнул мотет Баха – хористы были чертовски плохи, но для органиста единственной надеждой на спасение была пуля в лоб. О чем сказал и ему тоже – такт и выдержка уместны в необязательной беседе, но отнюдь не следует прятаться в кусты, когда дело касается музыки.

В чинно-чопорном «Минневатер-парке» ухажеры прогуливались под ручку со своими сужеными между ив, шток-роз и сопровождающих дам. Слепой и изнуренный скрипач выступал ради редких монеток. Вот этот играть умел. Заказал ему «*Bonsoir, Paris!*»²⁵, и он исполнил с таким пылом, что я сунул ему в руку хрустящую пятифранковую банкноту. Он снял темные очки, проверил водяные знаки, воззвал к своему любимому святому, собрал медяки и стал улепетывать через клумбы, хохоча как сорванец. «За деньги счастья не купишь» – кто бы это ни сказал, у него, видимо, этого добра было в избытке.

Сел на металлическую скамью. Колокола, поблизости и вдаль, вперемешку и вперемежку отбили час. Из юридических и торговых контор выползли клерки, чтобы съесть свои сэндвичи в парке и ощутить на лице дуновение омытого зеленью ветерка. Стал подумывать, не опаздывает ли Хендрик, как вдруг – угадай, кто этаким вальсом входит в парк, без присмотра, в обществе мужчины, щеголеватого, похожего на проколотое булавкой насекомое, с нагло сверкающим на пальце вульгарным обручальным кольцом; явно раза в два старше ее. Молодец, догадливый. Ева. Укрылся за газетой, оставленной на скамье каким-то клерком. Ева не прикасалась к своему компаньону, но они прошли в двух шагах от меня с видом непринужденной близости, какого у нее никогда не бывало в Зедельгеме. Мгновенно пришел к очевидному выводу.

Ева ставила свои фишки на сомнительную карту. Он громко разглагольствовал, чтобы незнакомцы вокруг услышали и прониклись:

– Время, Ева, принадлежит тебе в том случае, если ты и равные тебе воспринимают одни и те же вещи как должное, не думая об этом. Более того, человек рушится, если времена меняются, но он остается прежним. Позволь добавить, что в этом же причина падения империй.

Этот болтливый любомудр привел меня в замешательство. Девушка с внешностью Е. могла бы найти себе кого и получше, так ведь? Поведение Е. тоже привело меня в замешатель-

²⁵ «Добрый вечер, Париж!» (фр.). «Добрый вечер, Париж!» – песня для голоса и фортепиано из комедии «Магдалена» бразильского композитора Эйтора Вилла-Лобоса (1887–1959).

ство. Средь бела дня, в своем собственном городе! Может, она и хочет себя погубить? Или она одна из этих распутных суфразисток типа Россетти?^[41] Я проследил за парой на безопасном удалении, до городского дома на роскошной улице. Мужчина, прежде чем вставить ключ в замок, хитрыми глазами быстро, но внимательно огляделся по сторонам. Я нырнул в какой-то двор. Вообрази себе Фробишера, злорадно потирающего руки!

Ева, как обычно, вернулась в пятницу, ближе к вечеру. В проходе между ее комнатой и дверью в конюшню стоит дубовое кресло – этаким трон. Там я и расположился. К несчастью, внимание мое поглотили переливы света в старом стекле, и я даже не заметил Е., которая приблизилась с хлыстиком в руке, совершенно не подозревая, что на нее устроена засада.

– *S'agit-il d'un guet-apens? Si vous voulez discuter avec moi d'un problème personnel, vous pourriez me prévenir?*²⁶

Захваченный таким образом врасплох, я невольно высказал свою мысль вслух. Ева уловила ключевое слово.

– Я, говорите, что-то вынюхиваю? *«Une moucharde»?* *Ce n'est pas un mot aimable, Mr. Frobisher. Si vous dites que je suis une moucharde, vous allez nuire à ma réputation. Et si vous nuisez à ma réputation, eh bien, il faudra que je ruine la vôtre!*²⁷

С запозданием, но я открыл огонь. Да, ее репутация – это именно то, о чем я хотел ее предупредить. Если даже случайно приехавший в Брюгге иностранец видел ее во время школьных занятий разгуливающей в парке Минневатер вместе с некоей развратной жабой, то становится лишь вопросом времени, когда именно все сплетники в городе втопчут имя Кроммелинк-Эйрс в грязь!

Какое-то время я ожидал пощечины, затем она покраснела и опустила лицо. Кротко спросила:

– *Avez-vous dit à ma mère ce que vous avez vu?*²⁸

Я ответил, что нет, еще не говорил никому. Е. тщательно прицелилась:

– Очень глупо с вашей стороны, мсье Фробишер, потому что мама могла бы вам сказать, что таинственным моим «сопровождающим» был мсье ван де Вельде, господин, в чьей семье я живу на протяжении школьной недели. Его отец владеет самым большим военным заводом в Бельгии, а сам он – уважаемый семейный человек. В среду был неполный день занятий, так что у мсье ван де Вельде хватило любезности сопроводить меня обратно от своей конторы до особняка. Собственные его дочери должны были присутствовать на репетиции хора. В школе не любят, чтобы ученицы ходили по городу в одиночку, даже при свете дня. А шпионы, они, знаете ли, обитают в парках, шпионы с извращенным умом, ждущие случая навредить репутации девушки – или, может быть, ищущие возможности ее шантажировать.

Блеф или ответный ход? Я решил побереечь свои фишки.

– Шантажировать? Да у меня самого три сестры, и я беспокоился за вашу репутацию! Вот и все.

Она наслаждалась своим преимуществом.

– *Ah oui? Comme c'est délicat de votre part!*²⁹ Скажите, мистер Фробишер, что именно, по-вашему, мсье ван де Вельде собирался со мной сделать? Уж не одолела ли вас смертельная ревность?

Ее ужасающая – для девушки – прямота окончательно сшибла перекладину с моих крикетных воротец.

²⁶ Что это, засада? Ежели хотите обсудить со мной что-то личное, то почему бы об этом не предупредить? (фр.)

²⁷ «Вынюхиваю»? Но ведь это оскорбительно, мсье Фробишер. Утверждать, что я за вами подсматриваю, – значит бросать тень на мою репутацию. А коль скоро вы черните мою репутацию, то что ж, придется мне разрушить вашу! (фр.)

²⁸ Вы уже говорили матери о том, что видели? (фр.)

²⁹ Ах так? Как это любезно с вашей стороны! (фр.)

– Я счастлив, что это простое недоразумение было выяснено, – сказал я с самой искренней из своих улыбок, – и рад возможности принести свои самые искренние извинения.

– Я принимаю ваши самые искренние извинения совершенно в том же духе, в котором они были принесены.

Е. пошла к конюшне, ее хлыст со свистом рассекал воздух, словно хвост львицы. Отправился в музыкальную комнату, чтобы забыть о своем кошмарном провале, уйдя с головой в какую-нибудь демоническую пьесу Листа^[42]. Обычно могу с легкостью отгреть великолепное «*La Prédication aux Oiseaux*»³⁰, но только не в прошлую пятницу. Слава богу, завтра Е. уезжает в Швейцарию. Если только она узнает о ночных визитах своей матери... нет, не переносу даже мысли об этом. Почему это я никогда не встречал парня, которого не мог бы обвести вокруг пальца (и не только пальца!), а вот женщины в Зедельгеме, по видимости, всякий раз берут надо мной верх?

*Искренне твой,
Р. Ф.*

* * *

*Зедельгем,
29-VIII-1931
Сиксмит,*

сижу в халате за своим бюро. Церковные колокола бьют пять. Очередной рассвет, предвестие иссушающего солнца. Свеча моя догорела. Утомительная ночь вывернулась наизнанку. В полночь ко мне в постель пробралась И., и во время наших гимнастических упражнений кто-то стал ломиться в дверь. Ужас с оттенком фарса! Слава богу, И. заперла ее за собой. После того как погромела дверная ручка, начался настойчивый стук. Страх с тем же успехом прочищает сознание, как и затуманивает его, и, вспомнив «Дон Жуана», я укрыл И. в гнезде из одеял и простыней на своей продавленной кровати и наполовину откинул полог, желая показать, что прятать мне нечего. Ощупью пошел через комнату, не веря, что это происходит со мной, и намеренно натываясь на мебель, чтобы выиграть время, а достигнув двери, спросил:

– Что такое, черт возьми? У нас пожар?

– Открывай, Роберт!

Эйрс! Как ты можешь себе представить, я готов был уворачиваться от пуль. В отчаянии спросил, сколько времени, просто чтобы выиграть еще одно мгновение.

– Какая разница? Я не знаю! Ко мне, парень, явилась мелодия для скрипки, это дар свыше, и она не дает мне уснуть, так что надо записать ее, немедленно!

Можно ли было ему верить?

– Это не может подождать до утра?

– Нет, черт тебя побери, не может! Вдруг я ее потеряю, Фробишер!

Не перейдем ли мы в музыкальную комнату?

– Это разбудит весь дом, и... нет, все ноты на месте, у меня в голове!

Так что я попросил его подождать, пока не зажгу свечу. Открыл дверь, и там, обеими руками опираясь на трости, стоял Эйрс, похожий на мумию в своей освещенной лунным светом ночной рубашке. Позади него стоял Хендрик, безмолвный и внимательный, как индейский тотем.

³⁰ «Проповедь [св. Франциска] птицам» (фр.).

– Да пусть же, пусть! – Эйрс протиснулся мимо меня. – Найди ручку, хватай чистую нотную бумагу, включай лампу, быстро. Какого дьявола ты запираешь дверь, если спишь с открытыми окнами? Пруссаки ушли, а привидения спокойно пройдут и сквозь дверь.

Промямлил какой-то вздор насчет того, что-де не могу уснуть в незапертой комнате, но он не слушал.

– Есть у тебя здесь нотная бумага или мне отправить за ней Хендрика?

Из-за облегчения оттого, что Эйрс не планировал застать меня покрывающим его жену, его требования показались менее нелепыми, чем были на самом деле, и я сказал: ладно, у меня есть бумага, есть перья, давайте приступим. Зрение у Эйрса было слишком слабым, чтобы заметить что-либо подозрительное в предгорьях моей постели, но Хендрик по-прежнему представлялся мне возможной опасностью. Нельзя полагаться на благоразумие слуг. После того как Хендрик помог своему хозяину усесться на стул и укутал ему плечи пледом, я сказал, что позвоню ему, когда мы закончим. Эйрс не возражал – он уже напевал. Заговорщический проблиск в глазах Х.? Комната была слишком тускло освещена, чтобы сказать наверняка. Слуга чуть заметно поклонился и скользнул прочь, будто на хорошо смазанных колесиках, мягко прикрыв за собою дверь.

Слегка ополоснул лицо у умывальника и сел напротив Эйрса, тревожась, что И. может забыть о скрипучих половицах и попытаться выйти на цыпочках.

– Готов.

Эйрс напевал свою сонату, такт за тактом, потом называл ноты. Необычность этой миниатюры скоро увлекла меня и поглотила, несмотря на обстоятельства. Это раскачивающаяся, цикличная, кристаллическая вещь. Он закончил на девяносто шестом такте и велел мне помечать лист словом «*triste*»³¹. Потом спросил:

– Ну и что ты об этом думаешь?

– Затрудняюсь сказать, – ответил я. – Это совсем на вас не похоже. И мало похоже на кого-либо другого. Но – завораживает.

Эйрс теперь весь грузно осел, вызывая в памяти картину маслом кого-то из прерафаэлитов^[43]: «Насытись, Муза куклу в прах ввергает». В предрассветном саду плескалось пение птиц. Думал об изгибах тела И., лежавшей всего лишь в нескольких ярдах, и даже почувствовал опасный трепет желания. В. Э. в кои-то веки не был в себе уверен.

– Мне снилось... э... кошмарное кафе, ярко освещенное, но под землей, без выхода наружу. Я был уже долгое, долгое время мертв. У всех официанток было одно и то же лицо. Кормили мылом, а поили только мыльной пеной в чашках. И в кафе звучала вот эта, – он помахал над бумагой ссохшимся пальцем, – музыка.

Позвонил Х. Хотелось, чтобы Эйрс покинул мою комнату до того, как дневной свет застанет его жену у меня в постели. Через минуту Х. постучал в дверь. Эйрс поднялся на ноги и заковылял через комнату – он терпеть не может, если кто-нибудь видит, что ему помогают.

– Славно поработали, Фробишер.

Его голос донесся до меня из глубины коридора. Я закрыл дверь и с огромным облегчением перевел дух. Забрался обратно в постель, где моя укрытая болотно-влажными простынями аллигаторша вонзила мелкие зубки в свою юную жертву.

Мы начали было буйно осыпаться друг друга прощальными поцелуями, когда, будь я проклят, дверь снова со скрипом открылась.

– Кое-что еще, Фробишер!

О Матерь Всех Нечестивцев, я не запер дверь! Эйрс дрейфовал в сторону кровати, словно остров «Геспера»^[44]. И. скользнула обратно под простыни, пока я издавал отвлекающие недоуменные звуки. Слава богу, Хендрик остался ждать снаружи – случайность или тактичность?

³¹ Печаль (*фр.*).

В. Э. нашел край моей кровати и уселся там, всего лишь в нескольких дюймах от той выпуклости, которую являла собою И. Теперь, если бы И. чихнула или закашлялась, даже старый слепой Эйрс все понял бы.

– Щекотливый предмет, так что выложу его напрямую. Иокаста. Она не очень-то верная женщина. В супружестве, я имею в виду. Дружья намекают на ее неосторожность, враги сообщают об интрижках. Она когда-нибудь... по отношению к тебе... понимаешь, о чем я?

Умело придал жесткости своему голосу:

– Нет, сэр, не думаю, чтобы я понимал, к чему вы клоните.

– Да избавь ты меня от своей скромности! – Эйрс наклонился ближе. – Моя жена когда-нибудь делала тебе авансы? А, парень? Я имею право знать!

С трудом сдержался: был на волосок от припадка истерического смеха.

– Я нахожу ваш вопрос до крайности бестактным.

Дыхание Иокасты увлажняло мне бедро. Она, должно быть, жарилась заживо под своими покрывами.

– Я не стал бы приглашать к себе никого из «друзей», кто распространяет такую грязь вокруг этого имени. В случае миссис Кроммелинк, скажу откровенно, такое предположение представляется мне настолько же немыслимым, насколько отталкивающим. Если... если, в силу какого-то, я не знаю, нервного срыва она вынуждена была вести себя так неуместно... что ж, если честно, Эйрс, я бы спросил совета у Дондта или поговорил бы с доктором Эгретом.

Софистика создает чудесную дымовую завесу.

– Значит, ты не собираешься ответить мне одним словом?

– Я отвечу вам двумя словами: «Разумеется нет!» И очень надеюсь, что теперь этот вопрос закрыт.

Эйрс молчал, позволяя долгим мгновениям медленно утекать прочь.

– Вы молоды, Фробишер, вы богаты, у вас есть мозги, и, как ни погляди, у вас далеко не отталкивающая внешность. Я не вполне понимаю, что вас здесь удерживает.

Прекрасно. Он становился сентиментальным.

– Вы – мой Верлен.

– В самом деле, юный Рембо? Тогда где же твоя *«Saison en Enfer»*?³²

– В набросках, в черепе, у меня в нутре, Эйрс. В моем будущем.

Не могу сказать, исполнился ли Эйрс благодушия, жалостливой ностальгии или презрения. Он ушел. Я запер дверь и в третий раз за ночь забрался в постель. Фарс в спальне, когда он происходит на самом деле, невероятно печален. Иокаста, кажется, обозлилась на меня.

– Что такое? – прошипел я.

– Мой муж тебя любит, – сказала, одеваясь, жена.

Зедельгем весь поскрипывает. Водопровод шепелявит, словно престарелые тетушки. Думал о своем деде, чья своенравная яркость не коснулась поколения моего отца. Однажды он показал мне акватинту с неким сиамским храмом. Не помню его названия, но с тех пор, как века назад последователь Будды прочел на том месте проповедь, все разбойные владыки, тираны и монархи этого королевства добавляют к нему мраморные башни, пахучие древесные питомники, позолоченные купола с роскошной росписью на сводчатых потолках, вставляют изумруды в глаза статуэток. В тот день, когда этот храм сравнивается наконец со своим двойником в Стране Чистоты, так гласит предание, человечество исполнит свое предназначение и само Время подойдет к концу.

³² «Пора в аду» (фр.). «Пора в аду» (1873) – сборник французского поэта-символиста Артюра Рембо (1854–1891). Поль Верлен (1844–1896) – французский поэт-символист, друг и наставник Рембо.

Для людей вроде Эйрса, думается мне, таким храмом является цивилизация. Массы – рабы, крестьяне, пехотинцы – существуют в щелях между храмовых плит, не ведая даже о своем невежестве. Другое дело – великие государственные деятели, ученые, художники и, главное, композиторы этой эпохи, любой эпохи, которые являются архитекторами, каменщиками и жрецами цивилизации. Эйрс видит нашу роль в том, чтобы сделать цивилизацию великолепнее, чем когда-либо. Основное, если не единственное, желание моего работодателя – в том, чтобы воздвигнуть минарет, на который наследники Прогресса через тысячу лет будут указывать со словами: «Смотрите, это Вивиан Эйрс!»

Как оно вульгарно, это стремление к бессмертию, как тщеславно и как фальшиво! Композиторы – всего лишь те, кто процарапывает наскальные росписи в пещерах. Человек пишет музыку, потому что зима бесконечна и потому что иначе волки и выюги скорее доберутся до его горла.

*Искренне твой,
Р. Ф.*

* * *

*Зедельгем,
14-IX-1931
Сиксмит,*

сегодня после полудня к нам на чай приезжал сэр Эдуард Элгар^[45]. Даже ты о нем слышал, ты, *ignoramus*³³. Обычно, если кто-нибудь спросит Эйрса, что он думает об английской музыке, тот отвечает: «Какой еще английской музыке? Ее нет! После Пёрселла^[46] ее не существует!» – и окрысится на целый день, словно бы всю Реформацию осуществил один человек. Вся эта враждебность была забыта во мгновение ока, когда сэр Эдвард позвонил из отеля в Брюгге и спросил, не сможет ли Эйрс уделить ему час-другой. Тот напустил на себя сварливо-скарелый вид, но по тому, как он подгонял миссис Виллемс с приготовлениями к чаепитию, могу сказать, что он был доволен, как кот, поевший сметаны. Наш прославленный гость прибыл в половину третьего, одетый, несмотря на мягкую погоду, в темно-зеленый плащ с капюшоном. Состояние его здоровья не намного лучше, чем у Эйрса, и я встретил его на ступеньках Зедельгема.

– Итак, это вы исполняете роль новых глаз Вива, не так ли? – сказал он, когда мы пожали друг другу руки.

Сказал ему, что десяток раз видел, как он дирижировал на фестивале, и это пришлось ему по душе. Провел композитора в Алый зал, где ждал Эйрс. Они обменялись теплыми приветствиями, но так, словно оба опасались друг от друга синяков. Элгара очень донимают боли от защемления седалищного нерва, а В. Э., даже в лучшие свои дни, на первый взгляд выглядит жутко, а на второй – еще хуже. Чай был подан, и они стали говорить на профессиональные темы, по большей части не обращая внимания ни на меня, ни на И., но было восхитительно присутствовать там даже мухой на стене. Сэр Э. время от времени поглядывал на нас, желая убедиться, что он не утомляет своего хозяина. «Нет, нисколько», – улыбались мы в ответ. Они отгородились от нас такими темами, как использование саксофонов в оркестрах, попечительство и политика в музыке, а также кем следует считать Веберна^[47] – мошенником или мессией. Сэр Э. сообщил, что сейчас, после длительной спячки, работает над Третьей симфонией, и даже сыграл нам на рояле наброски *molto maestoso*³⁴ и *allegretto*³⁵. Эйрс, жаждая доказать, что

³³ Невежда (*лат.*).

³⁴ Очень торжественно (*ит.*).

³⁵ Живо, но не слишком (*ит.*).

и он еще не готов сойти в гроб, велел мне исполнить несколько завершенных недавно фортепьянных пьес – довольно милых. После нескольких опустошенных бутылок траппистского пива я спросил у Элгара о его «торжественных и церемониальных маршах».

– О дорогой мой мальчик, мне нужны были деньги! Но только никому не говорите. Вдруг королю захочется отобрать у меня титул барона.

Эйрс при этих словах стал корчиться от смеха!

– Я всегда говорю, Тед: чтобы толпа пела тебе осанну, ты вначале должен въехать в город на осле. В идеале – сидя на нем задом наперед и одновременно вещая массам высокопарные вещи, которые им хочется слышать.

Сэр Э. слышал о том, как в Кракове был принят «*Todtenvogel*» (кажется, об этом слышал весь Лондон), так что В. Э. попросил меня принести партитуру. Когда я вернулся в Алый зал, гость взял нашу птицу смерти, сел на стул возле окна и стал читать ее с помощью монокля, пока мы с Эйрсом делали вид, что заняты чем-то своим.

– Человек наших лет, Эйрс, – сказал наконец Э., – не имеет права на такие смелые мысли. Откуда ты их берешь?

В. Э. напыжился, как самодовольный рогохвост.

– Полагаю, я выиграл одну или две арьергардные схватки в войне с одряхлением. Мой парень, Роберт, проявил себя ценным адъютантом.

Адъютантом? Я его чертов генерал, а вот он – жирный старый тиран, царствующий в память об увядших триумфах! Улыбнулся самой сладкой улыбкой, на какую только способен (точно от этого зависела крыша над моей головой; кроме того, сэр Э. может однажды оказаться полезным, так что не стоило создавать впечатление, что у меня буйный нрав). Во время чаепития Элгар выгодно противопоставлял мое положение в Зедельгеме своей первой работе в качестве директора приюта для душевнобольных в Вустершире.

– А что, отличная подготовка для того, чтобы дирижировать в Лондонской филармонии, разве нет? – колко заметил В. Э.

Мы рассмеялись, и я наполовину простил крысчатого старого маньяка за то, что он таков, каков есть. Подбросил в камин полено-другое. В дымном свете огня двое стариков клевали носом, словно пара древних королей, коротающих вечность в своих гробницах. Переложил их похрапывание на ноты. Элгара надо исполнять на басовой тубе, Эйрса – на фаготе. То же самое я сделаю с Фредом Делиусом и Тревором Макеррасом и опубликую их всех вместе в работе под названием «Трущобный музей чучел современников Эдуарда VII».

Тремя днями позже

Только что вернулся с прогулки в темпе *lento* – я толкал кресло В. Э. вниз по аллее Монаха до домика привратника. Нынешним вечером вся атмосфера была в движении; порывы ветра осыпали осенние листья, пуская их по спертым спиральям, и казалось, будто это В. Э. был фокусником, а я – его подручным. Скошенный луг перегораживали тени тополей. Эйрс хотел изложить замыслы относительно своего финального, масштабного симфонического произведения, которое он, в честь своего любимого Ницше, собирается назвать «Вечным возвращением». Некоторая музыка будет заимствована из неудавшейся оперы, основанной на «Острове доктора Моро»^[48], – ее представление в Вене отменилось из-за войны, – другая, как верит В. Э., к нему «придет», а станovým хребтом ее будет пьеса «сновидческой музыки», что он надиктовал мне в моей комнате той кошмарической ночью в прошлом месяце, о которой я тебе писал. В. Э. хочет, чтобы там были четыре части, женский хор и большой ансамбль со множеством деревянных духовых инструментов, которые он так любит. Истинное морское чудовище! Хочет моих услуг еще на полгода. Сказал, что подумаю. Пообещал повысить жалованье, что с его стороны и вульгарно и хитро. Повторил, что мне требуется время. В. Э. очень огорчен, что я

не ответил ему с ходу восторженным «Да!», но пускай старикан сознается самому себе, что нуждается во мне больше, чем я в нем.

*Искренне твой,
Р. Ф.*

* * *

*Зеделгем,
28-IX-1931
Сиксмит,*

И. становится оч. утомительной. После занятий любовью она раскидывается на моей кровати, как лупоглазая лунатичка, и требует, чтобы я рассказывал ей о других женщинах, чьи струны заставлял дрожать. Теперь, выудив у меня имена, она откалывает фразы вроде: «О, я думаю, этому тебя научила Фредерика?» (Представь, она забавляется с родимым пятном у меня под ключицей, с тем, которое, по твоим словам, похоже на комету, – не выношу, когда эта женщина треплет мою кожу!) И. повадилась затевать мелкие ссоры, чтобы переходить потом к утомительным примирениям, и, что особо меня беспокоит, начала переносить наши ночные драмы в дневную жизнь. Эйрс не видит ничего дальше «Вечного возвращения», но через десять дней должна приехать Ева, а уж у той-то глаз-алмаз, и она распознает разлагающуюся тайну в единый миг.

И. полагает, что наши отношения позволяют ей крепче связать мое будущее с Зеделгемом, – полушутя, полусерьезно она говорит, что не даст мне «покинуть» ни ее, ни ее мужа в «их» час нужды. Дьявол, Сиксмит, скрывается в местоимениях. Что хуже всего, она начала использовать в отношении меня слово «л...» – и хочет услышать его в ответ. Что такое с этой женщиной? Она едва ли не вдвое старше меня! Во что она превратится позже? Заверил ее, что никогда никого не любил, кроме себя, и не имею намерения начинать это теперь, особенно с женой другого – и особенно при том, что этот другой может опорочить мое имя в глазах европейской музыкальной общественности, написав с полдюжины писем. Ну и дамочка, разумеется, увлеклась теперь обычными уловками – рыдает в мою подушку и обвиняет меня в том, что я ее «использовал». Я соглашаюсь: конечно, я ее использовал; ровно в той мере, в какой она использовала меня. Таково положение дел. Если оно ее больше не устраивает, то я ее не держу. Она взвизгивает и дуется на меня пару суток, пока старая овца не изголодается по молодому барашку, тогда она возвращается, называет меня дорогим своим мальчиком, благодарит за то, что я «вернул Вивиану его музыку», и весь идиотский цикл начинается сызнова. Я подумываю, не прибегала ли она в прошлом к услугам Хендрика. Если бы кто-нибудь из австрийских докторов по психической части вскрыл ей голову, оттуда вылетел бы целый рой неврозов. Знай я, что она так неустойчива, никогда не пустил бы ее к себе в постель в ту первую ночь. В том, как она занимается любовью, присутствует какая-то безрадостность... Нет, дикарство.

Принял предложение В. Э. остаться здесь до следующего, по крайней мере, лета. В решении моем не было никакого космического отзвука – только преимущества для творческих занятий, финансовые соображения и то обстоятельство, что у И. может случиться что-то вроде коллапса, если я уеду. Последствия *этого* были бы непредсказуемы.

Позже, того же дня

Садовник развел костер из опавших листьев – недавно оттуда. Жар на лице и руках, печальный дым, потрескивающий и сопящий огонь. Напомнил мне лачужку землекопа в Грешеме... Так или иначе, получил от этого костра замысловатый пассаж: ударные воспроизводят потрескивание, альтовый кларнет – деревья, а неумолчная флейта – языки пламени. Только

что закончил аранжировку. Воздух в шато липкий, словно белье, которое никак не желает просохнуть. По коридорам, хлопая дверьми, гуляют сквозняки. Осень оставляет свою мягкость, переходя к колючей, дождливой поре. Не помню, чтобы лето успело хотя бы попрощаться.

Искренне твой,
Р. Ф.

Периоды полураспада. Первое расследование Луизы Рей

1

Руфус Сиксмит склоняется над балконом и прикидывает, с какой скоростью его тело долетит до тротуара и покончит со всеми дилеммами своего хозяина. В неосвещенной комнате звонит телефон. Сиксмит не осмеливается ответить. В соседней квартире, где вечеринка в самом разгаре, грохочет музыка диско, и Сиксмит чувствует себя старше своих шестидесяти шести. Смог застилает звезды, но к северу и к югу вдоль береговой полосы пылают миллионы огней Буэнас-Йербаса. К западу простирается вечность Тихого океана. К востоку – наш оголенный, героический, пагубный, лелеемый в памяти, страдающий от жажды, впадающий в бешенство Американский континент.

Молодая женщина покидает гвалт соседской вечеринки и склоняется над балконом рядом. Волосы у нее коротко острижены, лиловое платье весьма элегантно, но выглядит она безутешно печальной и одинокой. «Предложи ей совместный суицид, а?» Сиксмит не серьезен, да и сам он не собирается прыгать, пока в нем все еще теплится уголек юмора. «Вдобавок тихий несчастный случай – это именно то, о чем молятся Гримальди, Нейпир и все эти громилы в тщательно подогнанных костюмчиках». Сиксмит, шаркая, удаляется в комнату и наливает себе еще одну щедрую порцию вермута из мини-бара своего отсутствующего хозяина, погружает ладони в ящик со льдом, затем вытирает лицо. «Выйди куда-нибудь и позвони Меган, она твой единственный оставшийся друг». Он знает, что не сделает этого. «Ты не вправе втягивать ее во всю эту летальную дрянь». Колотьба диско пульсирует у него в висках, но эту квартиру он одолжил и полагает, что жаловаться было бы глупо. Буэнас-Йербас – это тебе не Кембридж. К тому же ты прячешься. Ветер захлопывает балконную дверь, и Сиксмит от испуга расплескивает половину вермута. «Нет, старый ты дурень, это не выстрел».

Он вытирает то, что пролил, кухонным полотенцем, включает телевизор, звук которого приглушен, и щелкает каналами в поисках «*M*A*S*H**»^[49]. Где-то да идет. Просто надо искать дальше.

2

Луиза Рей слышит глухой металлический звук, донесшийся с соседнего балкона. «Кто там?» Никого. Желудок предупреждает ее о необходимости отставить стакан с тоником. «Тебе нужно было в ванную, а не на свежий воздух». Но она не в силах снова пробираться через толпу веселящихся гостей – да и все равно нет времени, – она тужится, и ее рвет через перила балкона вдоль стены здания: раз, другой, видение жирного цыпленка, и третий. «Это, – она утирает глаза, – третья самая отвратная вещь из всего, что ты когда-либо делала». Она полощет рот, сплевывает остатки в цветочный горшок, стоящий за ширмой. Луиза промокает губы платком и находит в сумочке мятную пластинку. «Ступай домой и раз в жизни просто придумай свои триста денежных слов. Все равно люди смотрят только на фото».

На балкон выходит мужчина, слишком старый для своих кожаных брюк, обнаженного торса и полосатого жилета.

– Луиза-а-а!

У него замысловатая золотистая бородка, а на шее – анк^[50] из лунного камня и нефрита.

– Вот ты где! Вышла поглазеть на звезды, а? Класс. Бикс притащил с собой восемь унций снега, прикалываешься? Ну просто дикий кот. Эй, я говорил в интервью? Я сейчас пытаюсь разобраться с именем Ганджа. Махарай Аджа говорит, Ричард должен совместиться с моей Иоведической Сущностью.

– Кто?

– Мой гуру, Луиза-а-а, мой гуру! Он сейчас на последней своей реинкарнации перед... – Пальцы Ричарда делают «пуффф!» в сторону Нирваны. – Приходи на аудиенцию. Если просто записаться, то ждать придется, типа, вечность, но ученики нефритового анка получают персональную аудиенцию в тот же день. Типа, нафиг проходить через колледж и все дерьмо, если Махарай Аджа может, типа, обучить тебя всему... этому. – Он складывает пальцы кольцом, заключая в него луну. – Слова, они такие... натянутые... Пространство... оно такое... знаешь, типа, тотальное. Покурим травки? «Акапулько-голд». Зацепил у Бикса.

Он придвигается.

– Слушай, Лу, давай завьемся после этой вечеринки, а? Ты да я, у меня, в кайф? Ты смогла бы получить крайне эксклюзивное интервью. Могу даже написать тебе песню и поставить ее на свой следующий диск.

– Отклоняется.

Рокер низшей лиги прищуривается.

– Что, критические дни? Как насчет следующей недели? Я думал, что все вы, медиаципочки, сидите, типа, всю жизнь на пилюлях.

– А что, Бикс тебе и фразочки для подката продает?

Он сдавленно хихикает.

– Эй, что там наговорил тебе этот кот?

– Ричард, просто чтобы не было неопределенности. Я скорее спрыгну с этого балкона, чем стану с тобой спать, в любое время любого месяца. Вполне серьезно.

– Уау! – Его рука отдергивается, словно ужаленная. – Цып-па! Ты что, думаешь, ты, типа, Джони, мать ее, Митчелл^[51]? Ты всего лишь, мать твою, ведешь колонку сплетен в журнале, который, типа, никто никогда не читает!

3

Двери лифта закрываются как раз в тот момент, когда подходит Луиза Рей, но невидимый пассажир успевает вставить между ними трость.

– Спасибо, – обращается Луиза к старику. – Рада, что эпоха рыцарства еще не совсем миновала.

Он сдержанно кивает.

«Выглядит так, словно ему осталось жить всего неделю», – думает Луиза. Нажимает на кнопку первого этажа. Старинный лифт начинает спускаться. Неторопливая стрелка ведет обратный отсчет. Двигатель лифта завывает, его тросы скрежещут, но между одиннадцатым и двенадцатым этажами взрывается какое-то «гатта-гатта-гатта», а затем умирает со звуком «фззз-ззз-зз-з». Луиза и Сиксмит валятся на пол. Свет, запинаясь, то включается, то выключается, прежде чем остановиться в режиме жужжащей сепии.

– Вы не ушиблись? Можете подняться?

Распростертый на полу старик немного приходит в себя.

– Кости, думаю, не сломаны, но лучше уж я пока посижу, спасибо. – Его старомодный английский напоминает Луизе тигра из «Книги джунглей»^[52]. – Питание может восстановиться внезапно.

– Боже, – бормочет Луиза. – Отключили питание. Чудесное завершение чудесного дня.

Она нажимает на аварийную кнопку. Ничего. Нажимает на кнопку интеркома и вопит:

– Эй! Есть там кто? – Шипение статики. – У нас здесь проблема! Слышит нас кто-нибудь? Луиза и старик, прислушиваясь, искоса поглядывают друг на друга.

Ответа нет. Только смутные подводные шумы.

Луиза обследует потолок.

– Должен быть аварийный люк... – Его нет. Она сдирает ковер – стальной пол. – Наверное, только в фильмах.

– Вы по-прежнему рады, – спрашивает старик, – что эпоха рыцарства еще не умерла?

Луизе удается слегка улыбнуться:

– Мы можем здесь на какое-то время задержаться. В прошлом месяце отключение длилось семь часов.

«Ладно, по крайней мере, я не заточена здесь с психопатом, клаустрофобом или Ричардом Гангой».

4

Часом позже Руфус Сиксмит сидит в углу лифта, опираясь спиной на стены и утирая лоб носовым платком.

– В шестьдесят седьмом я выписывал «Иллюстрейтид плэнет» ради репортажей вашего отца из Вьетнама. Лестер Рей был одним из четырех-пяти журналистов, понимавших азиатский взгляд на войну. Мне очень хотелось бы узнать, как полицейский стал одним из лучших корреспондентов своего поколения.

– Ну, если вам интересно... – Эта история шлифуется при каждом новом пересказе. – Отец поступил в полицию Буэнас-Йербаса как раз за несколько недель до Пёрл-Харбора, почему и провел войну здесь, а не на Тихом океане, как его брат Хоуи, которого разорвала в клочья японская противопехотная мина, когда он играл в пляжный волейбол на Соломоновых островах. Довольно скоро стало ясно, что папа относится к Десятому участку, и там-то он со службой закону и покончил. Такой участок существует в каждом городе страны – это что-то вроде загона, куда переводят всех честных полицейских, которые не берут взятки и ни на что не закрывают глаза. Так или иначе, в ночь после победы над Японией весь Буэнас-Йербас был одной сплошной вечеринкой, и, как вы понимаете, полиция была сильно рассредоточена. Отец принял вызов, сообщавший об ограблении на причале Сильваплана – это было что-то вроде ничейной земли между Десятым участком, Управлением порта Буэнас-Йербаса и участком Спинозы. Папа и его напарник, которого звали Нат Уэйкфилд, поехали посмотреть, в чем дело. Они остановились между парой грузовых контейнеров, заглушили двигатель, двинулись дальше пешком и увидели около, может быть, двух дюжин человек, грузивших ящики в бронированный грузовик. Свет был тусклым, но те люди явно не были докерами, и военной формы на них не было. Уэйкфилд сказал отцу пойти и радировать о поддержке.

Как раз в тот момент, когда папа добрался до рации, поступает вызов, мол, первоначальный приказ расследовать ограбление отменяется. Папа докладывает о том, что видел, но приказ об отмене повторяется, так что он бежит обратно к складу и видит, как его партнер, прикурив у одного из тех людей, получает шесть пуль в спину. Каким-то образом папа сохраняет самообладание, бросается к патрульной машине и успевает передать «код восемь» – сигнал бедствия, – прежде чем машина начинает содрогаться под пулями. Он окружен со всех сторон, кроме дока, так что ныряет через парапет в коктейль из мазута, мусора, стоков и морской воды. Он проплывает под причалом – в те дни причал Сильваплана был стальной конструкцией, похожей на гигантскую эспланаду, а не бетонным полуостровом, как сегодня, – и влезает по служебной лестнице, весь мокрый, в одном ботинке, с недействующим револьвером.

Все, что он может, так это наблюдать, что те люди как раз заканчивают погрузку, когда на сцене появляется пара патрульных машин из участка Спинозы. Прежде чем отец успевает

обежать вокруг двора, чтобы предупредить офицеров, разражается безнадежно неравная перестрелка – бандиты расстреливают обе патрульные машины из автоматов. Грузовик трогается, бандиты прыгают в него, выезжают, и через задний борт вылетают две ручные гранаты. Намеревались ли они кого-то убить, искалечить или просто остудить героизм, кто знает? Только одна из гранат разорвалась рядом с отцом и превратила его в живую подушечку для игл. Он пришел в себя через два дня, в госпитале, без левого глаза. В газетах этот инцидент описывали как случайную вылазку банды воров, которым повезло. В Десятом участке считали, что некий синдикат, на протяжении всей войны откачивавший оружие, решил поменять место хранения своих припасов, поскольку война закончилась и учет должен был сделаться строже. Тогда настаивали на более тщательном расследовании этой стрельбы на причале – в сорок пятом трое мертвых копов что-то да значили, – но администрация мэра такому расследованию воспрепятствовала. Выводы делайте сами. Отец их сделал, и они лишили его веры в усиление законности. Когда, восемь месяцами позже, он выписался из госпиталя, то по переписке закончил уже курсы журналистики.

– Не было бы счастья... – сказал Сиксмит.

– Остальное вы, наверное, знаете. Освещал события в Корее для «Иллюстрейтид плэнет», потом стал представителем «Вест-кост геральд» в Латинской Америке. Отправился во Вьетнам, чтобы писать о сражении при Ап-Баке, и оставался в Сайгоне вплоть до первого своего коллапса, который случился в марте. Это просто чудо, что брак моих родителей продлился столько лет, – знаете, самое долгое время, что я провела с ним вместе, приходится на апрель – июль этого года, когда он лежал в хосписе. – Луиза спокойна. – Мне, Руфус, хронически его недостает. Все время забываю, что он умер. Все время думаю, что он отправился куда-то по заданию и на днях прилетит обратно.

– Должно быть, он гордился тем, что вы пошли по его стопам.

– Увы, Луиза Рей – это не Лестер Рей. Я растратила годы на бунтарство, я изображала из себя поэтессу и работала в книжной лавке на Энгельс-стрит. Позерство мое никого не убеждало, мои стихи оказались «настолько лишены содержания, что их даже не назвать плохими», – так сказал Лоренс Ферлингетти^[53], – а книжная лавка разорилась. Так что до сих пор я всего лишь веду колонку в журнале. – Луиза трет свои усталые глаза, вспоминая прощальный залп Ричарда Ганги. – Никаких материалов из горячих точек и премий за них. Питала большие надежды, когда поступила в «Подзорную трубу», но ехидные сплетни о вечеринках со знаменитостями – это наивысшее, чего я пока достигла на отцовском поприще.

– Да, но эти ехидные сплетни хорошо изложены?

– Эти ехидные сплетни изложены отлично.

– Что ж, тогда пока еще рано стенать о даром растроченной жизни. Простите, что я похваляюсь своей опытностью, но у вас и понятия нет о том, что представляет собой даром растроченная жизнь.

5

– Хичкок любит быть в центре внимания, – говорит Луиза, которую теперь все больше беспокоит мочевой пузырь, – но терпеть не может давать интервью. Он не ответил на мои вопросы, потому что как следует их не расслышал. Его лучшие фильмы, сказал он, похожи на вагончики, несущиеся по американским горкам: тем, кто в них едет, страшно до потери пульса, но под конец они выходят наружу, хихикая и стремясь проехать снова. Я заявила великому и ужасному, что ключом интереса к вымышленным ужасам является их изоляция или сдерживание: пока мотель «Бейтс»^[54] отсечен от нашего мира, нас тянет заглянуть внутрь, словно в огражденное стеклом обиталище скорпиона. Но фильм, показывающий, что весь мир и есть мотель «Бейтс», это... что-то вроде Бухенвальда, антиутопии, депрессии. Мы готовы

опустить кончики пальцев в хищную, безнравственную, обезбоженную вселенную – но только кончики пальцев, не более того. Хичкок на это ответил так, – Луиза перевоплощается, что удастся ей выше среднего, – «Я голливудский режиссер, юная леди, а не Дельфийский оракул». Я спросила, почему в его фильмах никогда не увидишь Буэнас-Йербаса. Хичкок ответил: «Этот город сочетает в себе худшие черты Сан-Франциско с худшими чертами Лос-Анджелеса. Буэнас-Йербас – это город, выпадающий из пространства». Он все время сыпал подобными остротами, обращаясь не ко мне, а к потомству, чтобы когда-нибудь на званом обеде будущего можно было сказать: «Это, знаете ли, одно из высказываний Хичкока!»

Сиксмит выжимает свой платок, насквозь пропитанный потом.

– В прошлом году я со своей племянницей смотрел в кинотеатре «Шараду». Это его фильм, Хичкока? Она заставляет меня смотреть такие вещи, чтобы я не стал слишком уж «добропорядочным». Мне очень понравилось, но племянница сказала, что у Одри Хепберн «одна извилина, и та прямая». Забавное выражение.

– «Шарада» – это где сюжет вертится вокруг марок?^[55]

– Искусственная головоломка, да, но все триллеры без искусственности просто зачали бы. То, что Хичкок сказал о Буэнас-Йербасе, напомнило мне замечание Джона Ф. Кеннеди о Нью-Йорке. Знаете? «Большинство городов – это существительные, но Нью-Йорк – это глагол». Интересно, а чем мог бы быть Буэнас-Йербас?

– Цепочкой прилагательных и союзов?

– А может, словом-паразитом?

6

– Меган, моя обожаемая племянница. – Руфус Сиксмит показывает Луизе фотографию покрытой бронзовым загаром молодой женщины и себя самого, выглядящего более крепким и здоровым. Снимок сделан возле залитого солнцем причала. Фотограф сказал что-то смешное как раз перед тем, как щелкнуть затвором. Их ноги свисают над форштевнем небольшой яхты под названием «Морская звезда». – Это моя старая посуда, реликт тех дней, когда я был подвижнее.

Луиза вежливо хмыкает, мол, он не так уж и стар.

– Нет, правда. Если бы я теперь вздумал отправиться в серьезное путешествие, мне пришлось бы нанять небольшую команду. Я все еще провожу на «Звезде» многие выходные, слоняюсь по причалу, немного думаю, немного работаю. Меган тоже любит море. Она прирожденный физик. Математическое мышление гораздо лучше, чем когда-либо было у меня, к огорчению ее матери. Мой брат женился на матери Меган отнюдь не из-за ее мозгов, как это ни прискорбно. Она ведется на фэн-шуй, или «И Цзин»^[56], или еще на какое-нибудь наимоднейшее мумбо-юмбо с гарантией мгновенного просветления. Но у Меган превосходный ум. Чтобы получить ученую степень, она провела год в моем старом кембриджском колледже. Женщина, в колледже Кая! А сейчас заканчивает радиоастрономическое исследование на этих огромных блюдцах, что установлены на Гавайях. Пока ее мать и отчим до хрустящей корочки поджариваются на пляже во имя Праздности, мы с Меган сидим в баре и бьемся над уравнениями.

– А свои дети у вас есть, Руфус?

– Я всю жизнь был женат на науке. – Сиксмит меняет тему. – Гипотетический вопрос, мисс Рей. Какую цену вы заплатили бы – как журналистка, я имею в виду, – чтобы защитить свой источник?

Луиза отвечает не задумываясь:

– Если бы я верила в правдивость его информации? Любую.

– Как, например, насчет тюрьмы за оскорбление суда?

– Если дойдет до этого, то я готова.

– А будете ли вы готовы... поставить под угрозу собственную безопасность?
– Ну... – На этот раз Луиза призадумывается. – Думаю... я была бы обязана.
– Обязана? Как так?
– Мой отец ради своей журналистской честности не боялся ни мин-ловушек, ни генеральского гнева. Было бы насмешкой над его жизнью, если бы его дочь пошла на попятную при малейшем запахе жареного.

«Скажи ей». Сиксмит открывает рот, чтобы рассказать ей обо всем – об отмывании денег в Приморской корпорации, о шантаже, о коррупции, – но лифт без всякого предупреждения дергается и, погромыхая, возобновляет спуск. Пассажиры щурятся от вспыхнувшего света, и Сиксмит обнаруживает, что его решимость рушится. Стрелка описывает обратный круг вплоть до первого этажа.

Воздух в вестибюле кажется свежим, как горная вода.

– Я позвоню вам, мисс Рей, – говорит Сиксмит, когда Луиза протягивает ему его трость. – Скоро.

«Нарушу я это обещание или сдержу?»

– Знаете что? – говорит он. – У меня такое чувство, словно я знаком с вами не полтора часа, а долгие годы.

7

В глазах мальчика плоский мир предстает изогнутым, объемным. Хавьер Мозес листает альбом с марками под лампой с абажуром на гибком кронштейне. Вереница эскимосских лодок на марке, выпущенной в Аляске, новые гавайские хонки на специальном пятидесятицентовом выпуске, колесный пароход, взбивающий чернильные воды Конго. В замке поворачивается ключ, и в дверь устало входит Луиза Рей, сбрасывая в кухоньке туфли. Обнаруживая у себя мальчика, она раздражается.

– Хавьер!

– О, приветик!

– Нечего тут разбрасываться «о, приветиками». Ты ведь обещал больше никогда не прыгать по балконам! Что, если кто-то сообщит копам о взломщике? Что, если ты поскользнешься и упадешь?

– Тогда просто дай мне ключ.

Луиза стискивает руки, словно душит невидимую шею.

– Я не могу оставаться спокойной, зная, что одиннадцатилетний мальчишка будет врываться ко мне в квартиру всякий раз, когда... – «твоей мамы всю ночь нет дома» Луиза озвучила иначе, – по ТВ не показывают ничего интересного.

– Тогда почему ты не закрываешь окно в ванную?

– Потому что если ты перепрыгиваешь через эту щель, то хуже только одно: перепрыгнешь – и не сможешь забраться внутрь.

– В январе мне будет двенадцать.

– Никакого ключа.

– Друзья дают друг другу ключи.

– Только не тогда, когда одному из них двадцать шесть, а другой все еще в пятом классе.

– Ну а почему ты вернулась так поздно? Встретила кого-нибудь интересного?

Луиза вспыхивает.

– Застряла в лифте – электричества не было. И вообще, мистер, это не твое дело. – Она включает верхний свет и видит на лице у Хавьера ярко-красную полосу. – Что за... что случилось?

Мальчик вскидывает взгляд на стену, затем возвращается к маркам.

– Это Человек-волк?

Хавьер мотает головой, складывает вдвое тонкую бумажную полоску и облизывает ее с обеих сторон.

– Вернулся этот парень, Кларк. Мама всю неделю работает в отеле в ночную, вот он ее и ждет. Он расспрашивал меня о Человеке-волке, и я сказал, что это не его дело. – Хавьер прижимает бумажную петельку к марке. – Да и не болит совсем. Я уже помазал чем надо.

Рука Луизы уже лежит на телефоне.

– Только не звони маме! Она прибежит домой, будет большая драка, а из отеля ее уволят, как в прошлый раз. И как в позапрошлый.

Луиза задумывается, кладет трубку на место и направляется к двери.

– Не ходи туда! У него крыша течет! Он разозлится и все у нас поразбивает, а потом нас или выселят, или чего-нибудь еще! Пожалуйста!

Луиза отворачивается и глубоко вздыхает.

– Какао будешь?

– Да, пожалуйста.

Мальчик настроен не заплакать, но от этого усилия у него сводит челюсти^[57]. Он трет глаза.

– Луиза?

– Да, Хави, поспишь сегодня у меня на диване, все в порядке.

8

Кабинет Дома Грелша – этюд на тему упорядоченного хаоса. Вид на ту сторону Третьей авеню представляет собой вереницу кабинетов, очень похожих на его собственный. С металлической рамы в углу свисает боксерская груша с мордой Невероятного Халка. Главный редактор журнала «Подзорная труба» объявляет утреннюю планерку открытой, тыча коротким пальцем в Рональда Джейкса, седоватого, занудливого типа в гавайке, джинсах клеш и разваливающихся сандалиях.

– Джейкс.

– Я, э-э, хочу продолжить свою серию «Ужас в канализации», чтобы увязать ее с лихорадкой вокруг «Челюстей». Некий Дирк Мелон, допустим, наемный писака, найден под Пятидесятой Восточной улицей в ходе плановой технической инспекции. Или, точнее, э-э, его останки. Идентифицированы по зубным отпечаткам и лохмотьям, оставшимся от репортерского пропуска. Плоть с трупа сорвана в манере, характерной для *Serrasalmus scapularis* – благодарю вас, – сучьей королевы всех пираний. Таких рыбок завозят рыбные маньяки, а потом, когда счета за мясо в их аквариумах становятся чересчур велики, они смывают прожорливых тварей в унитазы. Я позвоню в муниципалитет и потребую, чтобы капитан Паразит опроверг массовые случаи нападений на работников службы канализации. Усекаешь, Луиза? Ничему не верить вплоть до официального опровержения. Так что давай-ка, Грелш. Не пора ли мне прибавку?

– Скажи спасибо, что последний твой чек не накрылся. У меня на столе завтра к одиннадцати, с фоткой одной из этих кусак. Вопрос, Луиза?

– Да. Может быть, новая редакционная политика, о которой мне никто не сказал, исключает статьи, содержащие правду?

– Эй, семинар по метафизике проводится на крыше. Просто поднимись туда на лифте и шагай вперед, пока не расшибешься о тротуар. Все правда, если хватает людей, которые верят, что так оно и есть. Нэнси, что ты для меня припасла?

Нэнси О’Хаган одевается консервативно, цвет лица у нее напоминает мореную древесину, а ее длинные, как у жирафы, ресницы часто не в состоянии расклеиться.

– Мой доверенный крот из клиники Бетти Форд раздобыл фотографию бара в президентском самолете. «На борту номер один: ром – рекой, фонтаном – джин». Говорят, что из старой губки выжали последнюю каплю, но тетушка Нэнс так не думает.

Грелш размышляет. На заднем плане звонят телефоны и клацают пишущие машинки.

– Ладно, если не вынырнет что-нибудь посвежее. Да, и интервью с тем чревоушателем-кукольником, который потерял руки за «Где дождь, там и ливень»... Нуссбаум. Твой черед.

Джерри Нуссбаум утирает бороду, усеянную капельками фруктового эскимо, по ошибке надевает темные очки, меняет их на очки для чтения, откидывается на стуле и обрушивает на стол бумажный оползень.

– Сейчас копы по делу святого Кристофера волосы у себя на задницах рвут, так что как насчет такого: «Не ты ли следующий на прицеле у святого Кристофера»? Краткие биографии всех жмуриков, что имеются на сегодня, и реконструкции последних минут жертв. Куда они шли, с кем собирались встретиться, какие мысли приходили к ним в голову...

– Когда пули Сент-Криса проходили через их головы, – со смехом вставляет Рональд Джейкс.

– Да, Джейкс, будем надеяться, что его привлекают яркие гавайские краски. Потом еще я встречаюсь с цветным водителем трамвая, которого копы взяли на дыбу на прошлой неделе. Он предъявляет иск полицейскому управлению за неправильный арест, на основании Акта о гражданских правах.

– Это могло бы пойти на обложку. Луиза?

– Я познакомилась с инженером-атомщиком. – Луиза не обращает внимания на холодное безразличие присутствующих. – Инспектором Приморской энергетической корпорации.

Нэнси О'Хаган подпиливает себе ногти, и это подвигает Луизу к тому, чтобы представить свои подозрения как факты.

– Он считает, что новый ядерный реактор «ГИДРА» на острове Суоннекке не столь безопасен, как об этом заявляется официально. Собственно, совсем небезопасен. Церемония запуска сегодня после полудня, так что я хочу выехать туда и посмотреть, нельзя ли что-нибудь выяснить.

– Охренеть, какое новье – церемония технического запуска! – восклицает Нуссбаум. – Слушайте, что это там грохочет? Уж не Пулитцеровская ли премия катится сюда?

– Поцелуй меня в зад, Нуссбаум!

Джерри Нуссбаум вздыхает.

– В самых сладких моих грезах...

Луиза никак не может выбрать – припечатать ей мерзавца как следует («но тогда он поймет, как сильно меня достал») или же игнорировать его («но тогда он решит, что ему все сойдет с рук»).

Ее выводит из оцепенения Дом Грелш.

– Маркетологи утверждают, – он вертит в пальцах карандаш, – что при каждом научном термине, который вы используете, две тысячи читателей откладывают журнал и включают телевизор, где опять крутят «Я люблю Люси»^[58].

– Ладно, – говорит Луиза. – Как насчет «Приморский атом за твой счет Буэнас-Йербас разнесет!»?

– Здорово, но тебе надо это доказать.

– Как Джейкс может доказать свой рассказ?

– Эй. – Карандаш Грелша перестает вертеться. – Фиктивные люди, сожранные фиктивными рыбками, не могут освежать тебя до последнего доллара в судах или нажать на твой банк и выдернуть вилку. А у действующей от побережья до побережья Приморской энергети-

ческой корпорации имеются адвокаты, которые могут это сделать, и, пресвятая Матерь Божья, если ты хоть чуточку лажанешься, они это сделают.

9

Ржаво-оранжевый «фольксваген-жук» Луизы едет по гладкой, как стекло, дороге, направляясь к мосту длиной больше полумили. Этот мост соединяет мыс Йербас с островом Суоннекке, на котором стоит электростанция, главенствующая над пустынными окрестностями. На контрольно-пропускном пункте возле моста сегодня неспокойно. Вдоль последнего отрезка пути стоят около ста демонстрантов, которые скандируют: «Третий блок на Суоннекке – через наши трупы!» Полицейский заслон оттесняет их от очереди из девяти или десяти автомобилей. Луиза, сидя в ожидании, читает плакаты. «ТЫ ВЪЕЗЖАЕШЬ НА РАКОВЫЙ ОСТРОВ», – предупреждает один, другой плюется: «К ЧЕРТУ, НЕТ! АТОМ – БРЕД!», третий загадочен: «ГДЕ, О ГДЕ ЖЕ МАРГО РОКЕР?»

В окно стучат; Луиза крутит ручку, опуская стекло, и видит свое лицо в солнцезащитных очках охранника.

– Луиза Рей, журнал «Подзорная труба».

– Пропуск для прессы, мэ.

Луиза достает его из сумочки.

– Что, ожидаете сегодня неприятностей?

– Не-а. – Он сверяется с картонкой, приколотой к отвороту ее жакета, и возвращает пропуск. – Здесь только обычные наши «зеленые» недоумки из трейлерного лагеря. А парни из колледжей предпочитают места, где сподручнее заниматься серфингом.

Когда она переезжает через мост, из-за более старых и серых охлаждающих башен первого реакторного блока появляется корпус второго. Луиза снова задумывается о Руфусе Сиксмите. «Почему он не дал мне своего номера? Ученые не могут страдать телефобией. Почему никто в жилищной конторе его дома даже не знает его имени? У людей науки не бывает псевдонимов».

От КПП единственная на острове дорога поведет ее к поселку корпорации. А затем, следуя указателям, Луиза достигнет Центра связей с общественностью в Отделении исследовательских и конструкторских работ.

Дорога прижимается к берегу. В море чайки кружатся над рыбацкими лодками. Через десять минут Луиза добирается до поселка из примерно двухсот роскошных домов с видом на глубокий, укрытый от моря залив. Кое-где поросший редким лесом склон под станцией делят между собой отель и поле для гольфа. Она оставляет «жука» на парковочной площадке отделения и смотрит на здания станции в абстрактном стиле, наполовину укрытые выступом холма. Высаженные в ряд пальмы шелестят под тихоокеанским ветром.

– Здравствуйте! – К ней подходит женщина, по виду – американка китайского происхождения. – У вас потерянный вид. Приехали на запуск?

Из-за ее стильного костюма цвета бычьей крови, безупречного макияжа и уверенных манер Луиза в брусничном замшевом жакете чувствует себя оборванкой.

– Фэй Ли. – Женщина протягивает руку. – Пресс-служба Приморской корпорации.

– Луиза Рей, журнал «Подзорная труба».

Рукопожатие у Фэй Ли твердое и сильное.

– «Подзорная труба»? Никогда не думала...

– ...что наши редакционные интересы распространяются на энергетическую политику? Фэй Ли улыбается.

– Не поймите меня неправильно, но ведь этот журнал такой взбалмошный.

Луиза призвала на помощь могущественное божество Дома Грелша.

– Маркетинговые исследования указывают на рост числа читателей, которым требуется нечто существенное. Меня пригласили в «Подзорную трубу» для обеспечения должной высоколостности журнала.

– Очень рада, что вы приехали, Луиза, каким бы ни был ваш лоб. Позвольте мне проводить вас и помочь зарегистрироваться. Служба безопасности настаивает на досмотре сумок и всем таком прочем, но не очень-то вежливо обращаться с нашими гостями как с саботажниками. Лично меня пригласили для этого.

10

Джо Нейпир наблюдает за несколькими экранами слежения, охватывающими лекционный зал, прилегающие к нему коридоры и Центр связей с общественностью. Он встает, взбивает специальную подушку и садится снова. «То ли мне мерещится, то ли в самом деле старые мои раны ноют сильнее, чем в последнее время?» Его взгляд порхает от экрана к экрану. Один из них показывает техника, проверяющего звук; другие – команду телевизионщиков, обсуждающих ракурсы и освещение; Фэй Ли, шагающую через парковку с какой-то посетительницей; официанток, разливающих вино в сотни бокалов; ряд стульев под лозунгом, на котором значится «СУОННЕККЕ „БИ“ – АМЕРИКАНСКОЕ ЧУДО».

«Настоящим чудом, – размышляет Джозеф Нейпир, – было добиться, чтобы одиннадцать из двенадцати ученых забыли о своих девятимесячных изысканиях». Экран показывает, как эти самые ученые, дружелюбно переговариваясь, поднимаются на сцену. Как говорит Гримальди, у каждой совести где-то есть выключатель. Нейпир мысленно перечитывает памятные места из тех бесед, с помощью которых удалось достигнуть коллективной амнезии. *Между нами, доктор Франклин, законникам Пентагона не терпится проверить в действии свой блестящий новенький Акт о безопасности. Любои, кто поднимет шум, угодит в черный список и навсегда лишится возможности работать по специальности где бы то ни было в стране.*

Служитель добавляет еще один стул к стоящему на сцене ряду.

Выбор прост, доктор Мозес. Если вы хотите, чтобы советская технология обгоняла нашу, передайте этот доклад в свой Союз ответственных ученых, летите в Москву получать свою медаль, но в ЦРУ велели передать, что обратный билет вам не понадобится.

Аудитория, состоящая из сановников, ученых, сотрудников мозговых центров и тех, кто формирует общественное мнение, рассаживается по местам. Экран показывает Уильяма Уайли, вице-президента правления Приморской корпорации, шутливо разговаривающего с теми важными персонами, кому была оказана честь занять место в президиуме.

Профессор Кин, руководство Министерства обороны несколько недоумевают. К чему озвучивать ваши сомнения теперь? Не хотите ли вы сказать, что ваша работа над прототипом была проделана неряшливо?

Слайд-проектор высвечивает снимок второго блока станции Суоннекке, снятый с воздуха объективом «рыбий глаз».

«Одиннадцать из двенадцати. И только Руфус Сиксмит где-то скрывается».

Нейпир говорит в свой уоки-токи:

– Фэй? Шоу начинается через десять минут.

Статика.

– Записывай, Джо. Я сопровождаю посетительницу в лекционный зал.

– Как освободишься, сообщи, пожалуйста.

Статика.

– Записывай. Все подряд.

Нейпир держит в руке устройство, прикидывая, сколько оно весит. «А Джо Нейпир? Есть у его совести выключатель?» Он отпивает глоток горького черного кофе. «Э, приятель, моего

случая ты не касайся. Я только исполняю приказы. Мне остается полтора года до отставки, а потом я уберусь отсюда и буду удить форель в прозрачных горных ручьях, пока сам не превращусь в какую-нибудь чертову цаплю».

Милли, его покойная жена, смотрит на мужа с фотографии на его консольном столе.

11

– Наша великая нация страдает от пагубного, подрывающего здоровье наркотика. – Альберто Гримальди, президент правления Приморской корпорации и человек года по версии «Ньюсуика», великолепно владеет искусством драматической паузы. – Имя ему – Нефть.

Огни рампы отбрасывают на него золотистый отблеск.

– Геологи говорят нам, что в Персидском заливе остается всего семьдесят четыре миллиарда галлонов этих нечистот юрского океана. Может быть, на наш век хватит? Скорее всего, нет. Самый настоятельный вопрос, встающий перед США, леди и джентльмены, звучит так: «А что тогда?»

Альберто Гримальди обегает взглядом своих слушателей. «Все у меня в руках».

– Кое-кто зарывает голову в песок. Другие фантазируют о ветряных турбинах, резервуарах и, – сухая полуулыбка, – свиньячем газе. – Сообразный смешок. – Мы в Приморской корпорации имеем дело с реальностями. – Подъем голоса. – Сегодня я нахожусь здесь для того, чтобы сказать вам: у нас есть лекарство от нефти – прямо здесь, прямо сейчас, на острове Суоннекке!

Улыбаясь, он ждет, когда стихнут аплодисменты.

– Поскольку сегодня наступает эпоха отечественной, изобильной и безопасной атомной энергии! Друзья, я так счастлив, я очень горд представить вам одно из величайших инженерных достижений в истории – реактор «ГИДРА-зеро»!

На слайдовом экране появляется схема – реактор в разрезе, и проинструктированная часть аудитории бешено аплодирует, подавая пример большинству присутствующих.

– Ну все, пора, как говорится, и честь знать, я всего лишь президент правления. – Приязненный смех. – Чтобы раздвинуть занавес нашей смотровой галереи и перекинуть рычаг, подключающий второй блок Суоннекке к национальной энергосистеме, Приморская корпорация имеет высокую честь приветствовать здесь особого гостя. Известного на Капитолийском холме как Энергетический Гуру Президента... – Улыбка во весь рот. – Мне доставляет огромное удовольствие вызвать на сцену человека, не нуждающегося в представлениях. Федеральный уполномоченный по вопросам энергетики Ллойд Хукс!

Навстречу бурным аплодисментам на сцену выходит безупречно ухоженный человек. Ллойд Хукс и Альберто Гримальди стискивают друг другу предплечья в жесте братской любви и доверия.

– Твои спичрайтеры становятся лучше, – бормочет Ллойд Хукс, меж тем как оба они широко улыбаются зрителям, – но сам ты по-прежнему Ходячая Алчность.

Альберто Гримальди похлопывает Ллойда Хукса по спине и в тон ему отвечает:

– В правление этой компании ты пробьешься только через мой труп, продажный ты сукин сын!

Ллойд Хукс, весь лучась, оглядывает зрительный зал.

– Значит, ты все еще можешь предлагать конструктивные решения, Альберто.

Разражается канонада вспышек.

Из заднего выхода выскальзывает молодая женщина в брусничном жакете.

12

– Простите, где здесь дамская комната?

Охранник, говорящий по своему уоки-токи, машет рукой вдоль коридора.

Луиза Рей оглядывается. Охранник стоит к ней спиной, так что она сворачивает за угол и попадает в сеть повторяющихся коридоров, охлаждаемых и приглушаемых жужжащими кондиционерами. Она минует двух спешащих техников в комбинезонах – оба они из-под своих капюшонов жадно глядят на ее груди, но никак ее не задевают. На дверях красуются загадочные надписи: «W212 ПОЛУСПУСК», «Y009 ПОДПРОХОД», «V770 БЕЗОПАСНО [СВОБОДНО]». Периодически встречаются двери повышенной секретности, с кодовыми замками. На лестничной площадке она изучает план этажей, но не находит никаких следов Сиксмита.

– Заблудились, леди?

Луиза изо всех сил старается восстановить самообладание. На нее смотрит седой чернокожий служитель.

– Да, я ищу комнату доктора Сиксмита.

– Кхм-кхм. Этот англичанин. Четвертый этаж, си-сто пять.

– Спасибо.

– Но его здесь не было с неделю или две.

– В самом деле? Вы не скажете почему?

– Кхм-кхм. Он в отпуске. Уехал в Вегас.

– Доктор Сиксмит? В Вегас?

– Кхм-кхм. Так мне сказали.

Дверь комнаты С-105 приотворена. Недавняя попытка стереть с именной таблички слова «Доктор Сиксмит» закончилась неудачей – они только размазались. Через щель Луиза Рей наблюдает за молодым человеком, который сидит за столом и перебирает стопку тетрадей. Содержимое комнаты собрано в несколько упаковочных клетей. Луизе вспоминается отцовское присловье: «Порой достаточно вести себя по-свойски, чтобы быть своим».

– Так, – произносит Луиза, входя. – Вы, полагаю, не доктор Сиксмит?

Человек виновато роняет тетрадь, и Луиза понимает, что несколько мгновений она выиграла.

– О боже, – он смотрит на нее, – вы, должно быть, Меган.

«К чему возражать?»

– А вы?

– Айзек Сакс. Инженер. – Он встает и обрывает преждевременное рукопожатие. – Я помогал вашему дяде с его отчетом.

Внизу с лестницы доносятся торопливые шаги. Айзек Сакс закрывает дверь. Говорит негромким взволнованным голосом:

– Меган, где скрывается Руфус? Я ужасно беспокоюсь. Вы что-нибудь от него слышали?

– Я надеялась у вас узнать, что случилось.

Входят Фэй Ли и невозмутимый охранник.

– Луиза. Все еще ищете дамскую комнату?

«Веди себя глупо».

– Нет. С дамской комнатой у меня прошло удачно – кстати, там безукоризненно чисто, – но я опоздала на встречу с доктором Сиксмитом. Только... в общем, он, кажется, отсюда уехал.

Айзек Сакс издает озадаченный звук. Сглотнув, спрашивает:

– Так вы не племянница Сиксмита?

– Простите, но я никогда этого не говорила. – Луиза воспроизводит заготовленную полужелтую для Фэй Ли. – Я познакомилась с доктором Сиксмитом прошлой весной на Нантакете. Выяснилось, что мы оба приехали туда из Буэнас-Айерса, так что он дал мне свою визитку. Три недели назад я ее разыскала, позвонила ему, и мы договорились встретиться сегодня, чтобы обсудить научную статью для «Подзорной трубы». – Она посмотрела на часы. – Десять минут назад. Речи в связи с запуском продолжались дольше, чем я рассчитывала, так что я потихоньку оттуда улизнула. Надеюсь, это не причинило какого-нибудь вреда?

Фэй Ли изображает убежденность:

– Мы не можем допустить, чтобы неспециалисты расхаживали по столь засекреченному исследовательскому институту, как наш.

Луиза изображает раскаяние:

– Я думала, что контроль ограничится регистрацией и проверкой сумки, но, видимо, была слишком наивной. Хотя доктор Сиксмит может за меня поручиться. Просто спросите у него, и все.

И Сакс и охранник переводят глаза на Фэй Ли, которая не пропускает удара.

– Вряд ли это возможно. Внимания доктора Сиксмита потребовал один из наших канадских проектов. Могу лишь предположить, что его секретарша не была в курсе подробностей вашего с ним разговора, когда отменяла все встречи, обозначенные в его еженедельнике.

Луиза глядит на ящики.

– Похоже, он уехал надолго.

– Да, так что мы высылаем ему его оборудование. Здесь, на Суоннеке, его консультации заканчивались. Доктор Сакс любезно помог подчистить хвосты.

– Вот, значит, и все мое первое интервью с большим ученым.

Фэй Ли держит дверь открытой.

– Возможно, мы сумеем найти вам другого.

13

– Алло, междугородная? – Руфус Сиксмит держит трубку телефона в безымянном пригородном мотеле за чертой Буэнас-Айерса. – У меня проблема со звонком на Гавайи... да. Я пытаюсь позвонить... – Он диктует номер Меган. – Да, буду у телефона.

На телеэкране без желтого или зеленого цвета Ллойд Хукс похлопывает по спине Альберто Гримальди на введении в действие нового реактора «ГИДРА» на острове Суоннеке. Они машут публике в лекционном зале, словно спортсмены-победители, а сверху сыплются серебряные конфетти.

– Как и следовало ожидать, – говорит репортер, – президент правления Приморской корпорации Альберто Гримальди объявил сегодня об одобрении строительства на Суоннеке третьего блока АЭС. На второй реактор «ГИДРА-зеро» выделяются пятьдесят миллионов долларов из федерального бюджета, при этом создаются тысячи рабочих мест. Опасения, что массовые аресты, имевшие место на «Тримайл-Айленд»^[59] этим летом, повторятся в Золотом штате^[60], не оправдались.

Надломленный и изможденный, Руфус Сиксмит обращается к телевизору:

– А когда водородный пузырь взломает корпус реактора? Когда преобладающие ветры разнесут радиацию по всей Калифорнии?

Он выключает телевизор и стискивает себе переносицу. «Я доказал это. Я это доказал. Вы не сумели меня купить и решили запугать. Я, да простит меня Господь, поддался, но теперь – все. Больше душить собственную совесть я не буду».

Звонит телефон. Сиксмит хватается трубку:

– Меган?

Резкий мужской голос:

– Они идут за вами.

– Кто это?

– Они отследили ваш последний звонок из мотеля «Тальбот», бульвар Олимпия, тысяча сорок шесть. Немедленно отправляйтесь в аэропорт, ближайшим рейсом улетайте в Англию и сделайте, если вам это надо, разоблачение оттуда. Но поспешите.

– Почему я должен верить...

– Будьте логичны. Если я лгу, вы все равно вернетесь в Англию целым и невредимым – со своим отчетом. Если я не лгу, вас убьют.

– Я требую, чтобы вы сказали...

– У вас двадцать минут, чтобы убраться отсюда, максимум. Поезжайте!

Тон набора – гудящая вечность.

14

Джерри Нуссбаум переворачивает стул, садится на него верхом, складывает руки на его спинке и опускает на них подбородок.

– Вообрази себе сцену: я и шестеро этих негроидов в дредлоках, и гланды мне щекочет ихняя пушка. Я толкую не о глухой ночи в Гарлеме, я толкую о Гринвич, черт его, Виллидже, среди бела, черт его, дня, после стопудового стейка с Норманом, черт его, Мейлером^[61]. Ну и вот, этот черный братан шмонает меня своей двухцветной лапой и вытаскивает мой бумажник. «Чо это? Кожа аллигатора? – Нуссбаум воспроизводит акцент Ричарда Прайора^[62]. – Негусто, бельчонок!» Негусто? Эти задницы заставили меня вывернуть все карманы – буквально до цента. Но кто посмеялся последним? Нуссбаум, кто же еще! Сел в такси и по пути к Таймс-сквер написал свою редакционную статейку «Новые племена», которая ныне, без ложной скромности, стала классикой и которую к концу недели у меня закупили в тридцати изданиях! Мои грабители сделали мне имя. Так что, Лу-Лу, как насчет того, чтобы ты пригласила меня на ужин, а я научил бы тебя, как извлечь немного золотишка из Клыков Судьбы?

Пишущая машинка Луизы звякает.

– Если грабители обобрали тебя буквально до цента, то что ты делал в такси от Гринвич-Виллиджа до Таймс-сквер? Ты что, расплачивался за проезд натурой?

– Ты, – Нуссбаум грузно ерзает, – просто гений по части неврубания.

Рональд Джейкс капает на фотографию свечным воском.

– Определение Недели. Что такое консерватор?

К лету 1975 года эта шутка давно устарела.

– Ограбленный либерал.

Уязвленный Джейкс возвращается к искажению фотографии. Луиза пересекает кабинет, направляясь к двери Дома Грелша. Ее босс говорит по телефону тихим, полным раздражения голосом. Луиза ждет снаружи, но слышит его слова.

– Нет – нет-нет, мистер Фрам, это очень опасно, назовите мне – эй, сейчас я говорю, – назовите мне более опасное состояние, чем лейкоemia! Знаете, что я думаю? Я думаю, что моя жена для вас – это не более чем канцелярщина, отделяющая вас от вашего перерыва на гольф в три часа, что, не так? Тогда докажите мне это. У вас есть жена, мистер Фрам? Есть? Есть. Вы можете себе представить, что это ваша жена лежит в больничной палате с выпадающими волосами?.. Что? Что? «Эмоциями делу не поможешь»? Это все, что вы можете предложить, мистер Фрам? Да, приятель, ты чертовски прав, я поищу себе адвоката!

Грелш швыряет трубку, колотит боксерскую грушу, при каждом ударе выдыхая «Фрам!», падает в кресло, закуривает сигарету и замечает, как Луиза мнется в дверном проеме.

– Жизнь. Буря дерьма в двенадцать баллов. Слышала что-нибудь?

- Самое главное. Я могу зайти позже.
- Нет. Входи, присаживайся. Луиза, ты молода, здорова и сильна?
- Да. – Луиза садится на краешек стула. – А что?
- А то, что я скажу пару слов насчет твоей статьи о неподтвержденном сокрытии фактов в Приморской корпорации, и ты станешь старой, больной и слабой.

15

В международном аэропорту Буэнас-Йербаса доктор Руфус Сиксмит кладет ванильного цвета папку для бумаг в ячейку под номером 909, оглядывается по сторонам запруженного народом зала, бросает в щель монеты, поворачивает ключ и опускает его в коричневый конверт с набивкой, на котором уже значится адрес: Луизе Рей, редакция «Подзорной трубы», Клубинг, строение 12, 3-я авеню, Буэнас-Йербас. Сиксмит пробирается к почтовому ящику, и сердце у него бьется все чаще. «Что, если они меня схватят, прежде чем я до него дойду?» Пульс взмывает. Бизнесмены, семьи с тележками для багажа, цепочки престарелых туристов – все, кажется, намерены преградить ему путь. Щель почтового ящика становится все ближе. Вот она уже в нескольких ярдах... в нескольких дюймах.

Коричневый конверт заглатывается и исчезает. «С богом». После этого Сиксмит становится в очередь за билетом. Сообщения о задержках рейсов убаюкивают его, словно литания. Вскидываясь, он тревожно выискивает агентов Приморской корпорации, приближающихся, чтобы схватить его в этот поздний час. Наконец кассирша делает ему знак подойти.

– Мне надо в Лондон. Собственно, куда угодно в Соединенном Королевстве. Любое место, любая авиалиния. Заплачу наличными.

– Никакой возможности, сэр. – Усталость кассирши проглядывает сквозь ее макияж. – Самое раннее, что я могу предложить, – она сверяется с телетайпной распечаткой, – это рейс в Хитроу, Лондон... завтра после полудня, вылет в три пятнадцать, компания «Лейкер скай-трейнз», пересадка в аэропорту Кеннеди, Нью-Йорк.

– Мне крайне важно вылететь как можно скорее.

– Уверена, что так оно и есть, сэр, но у нас забастовка авиадиспетчеров, и тысячи пассажиров ждут рейсов.

Сиксмит говорит сам себе, что даже Приморская корпорация не смогла бы организовать забастовки на авиалиниях, чтобы его задержать.

– Что ж, придется лететь завтра. В один конец, бизнес-класс, пожалуйста, для некурящих. В аэропорту можно где-нибудь устроиться на ночь?

– Да, сэр, на третьем уровне. Отель «Бон вояж». Вам там будет удобно. Будьте добры ваш паспорт. Я оформлю билет.

16

Проникая сквозь немытые стекла, закат освещает вельветинового Хемингуэя в квартире Луизы. Луиза покусывает карандаш, углубившись в чтение брошюры «Запрягая солнце: два десятилетия мирной атомной энергии». Хавьер за ее письменным столом решает задачи на деление в столбик. Чуть слышно играет пластинка Кэрол Кинг «Гобелен»^[63]. Через окна доносятся смутный гул автомобилей, едущих по домам. Звонит телефон, но Луиза не снимает трубку. Хавьер следит за автоответчиком, который включается с металлическим щелканьем. «Здравствуйте, это Луиза Рей, я не могу подойти к телефону прямо сейчас, но если вы оставите свое имя и телефон, я вам перезвоню».

– Ненавижу эти штуковины, – жалуется женский голос. – Лапочка, это твоя мама. Я только что узнала от Битти Гриффин, что ты порвала с Хэлом – в прошлом месяце? Я про-

сто онемела! Ты не обмолвилась об этом ни словечком ни на похоронах отца, ни у Альфонса. Меня так беспокоит эта твоя замкнутость. Мы с Дуги собираем пожертвования для Американского общества раковых больных, и для нас было бы всем на свете, и солнцем, и луной, и звездами, если бы ты покинула свое крохотное гнездышко хотя бы на выходные и приехала к нам. Лапочка? Здесь будут тройняшки Хендерсоны – Деймиан, кардиолог, Ланс, гинеколог, и Джесси... Дуг? Дуг! Джесси Хендерсон, он кто? Лоботомист? А, забавно. В любом случае, доченька, Битти сказала мне, что по какому-то сочетанию планет все трое братьев не женаты. В самом деле, лапочка, в самом деле! Так что позвони, как только это услышишь. Ну, целую!

И она действительно заканчивает поцелуем взапас:

– Мммм-чмааа!

– Она говорит, как мамаша-ведьма в «Зачарованных»^[64]. – Хавьер немного выжидает. –

Что значит «онеметь»?

Луиза не поднимает взгляда.

– Когда ты так удивлен, что не можешь говорить.

– Не похоже, чтобы она очень уж онемела, правда?

Луиза поглощена своим занятием.

– Лапочка?

Луиза швыряет в мальчика шлепанцем.

17

В номере отеля «Бон вояж» доктор Руфус Сиксмит перечитывает пачку писем, полученных без малого полвека назад от его друга Роберта Фробишера. Сиксмит знает их наизусть, но их текстура, шуршание и выцветшие буквы, написанные рукой его друга, успокаивают его нервы. Эти письма – то, что он вынес бы из горящего здания. Ровно в семь часов он умывается, меняет рубашку и вкладывает девять прочитанных писем в Библию, которую убирает в прикроватную тумбочку. Непрочитанные письма Сиксмит сует в карман пиджака и идет в ресторан.

Обед состоит из крошечного стейка с полосками жареных баклажанов и плохо промытым салатом. Он скорее умерщвляет, чем удовлетворяет аппетит Сиксмита. Доктор оставляет половину на тарелке и потягивает газированную воду, читая последние письма Фробишера. Через слова Роберта он видит самого себя, ищущего в Брюгге своего непостоянного друга, свою первую любовь – «и, если буду честным, последнюю».

В лифте отеля Сиксмит размышляет об ответственности, которую он возложил на плечи Луизы Рей, гадая, правильно ли он поступил. Шторы в его комнате вдуваются внутрь, когда он открывает дверь.

– Есть кто? – спрашивает он.

Никого. Никто не знает, где ты. Воображение уже несколько недель играет с ним такие шутки. Лишает сна. «Слушай, – говорит он себе, – через сорок восемь часов ты вернешься в Кембридж, на свой дождливый, безопасный, узкий остров. В твоём распоряжении будут твои соратники, твои связи и все твоё оборудование. Там-то ты и сможешь подготовить свой залп по Приморской корпорации».

18

Билл Смок наблюдает, как Руфус Сиксмит покидает свой номер, выжидает пять минут и заходит. Он сидит на краю ванны и разминает обтянутые перчатками руки. «Никакой наркотик, никакой религиозный опыт не захватывает так, как превращение человека в труп. Нужны, однако, мозги. Без дисциплины и профессионализма глазом моргнуть не успеешь, как ока-

жешься привязанным к электрическому стулу». Наемник поглаживает счастливый крюгер-ранд^[65] у себя в кармане. Смок осознает, что является рабом предрассудка, но не собирается расставаться со своим амулетом, чтобы доказать обратное. «Трагедия для любимых, большой и толстый кукиш для всех остальных и разрешение проблемы для моих клиентов. Я – всего лишь инструмент, выполняющий волю моих клиентов. Если бы не я, за это взялся бы следующий наемник с „Желтых страниц“. Вины пользователя, вины изготовителя, но не вины пистолет». Билл Смок слышит клацанье замка. «Дыши». Таблетки, принятые раньше, невероятно обостряют его восприятие, и когда Сиксмит шаркающей походкой входит в спальню, напевая «Полетим на реактивном»^[66], киллер может поклясться, что слышит пульс жертвы, более медленный, чем у него самого. Смок видит свою добычу через приоткрытую дверь. Сиксмит валится на кровать. Наемный убийца зримо представляет себе требуемые движения. «Три шага наружу, стрелять сбоку, в висок, снизу вверх и как можно ближе». Смок стремительно выходит из ванной; Сиксмит издает какой-то гортанный звук и пытается встать, но пуля из пистолета с глушителем уже буравит череп ученого и застревает в матрасе. Тело Руфуса Сиксмита откидывается на кровать, словно он свернулся для послеобеденного сна.

Кровь впитывается в томимый жаждой гагачий пух.

В мозгу Билла Смока пульсирует чувство завершенности. «Посмотрите, что я сделал».

19

Утро среды опалено смогом и жарой, подобно сотне утр перед этим и пятидесяти после этого. Луиза Рей пьет черный кофе в парной прохладе закуской «Белоснежка», что на углу Второй авеню и Шестнадцатой улицы, в двух минутах ходьбы от кабинетов «Подзорной трубы», читая о бывшем морском офицере и инженер-ядерщике из Атланты, баптисте Джеймсе Картере, который собирается баллотироваться от демократов. Транспорт по Шестнадцатой движется то разочарованными черепашьями шажками, то безрассудными массовыми бросками. Тротуары затуманены расплывчатыми очертаниями спешащих прохожих и скейтбордистов.

– На завтрак сегодня ничего, Луиза? – спрашивает Барт, повар вторых блюд.

– Только новости, – отзывается его регулярная клиентка.

В дверь вваливается Рональд Джейкс и, оглядевшись, направляется к Луизе.

– Э-э, у тебя свободно? С утра ни крошки во рту не было. Ширли от меня ушла. Опять.

– Планерка через пятнадцать минут.

– Вагон времени.

Джейкс усаживается и заказывает яйца в мешочек.

– Страница девять, – говорит он Луизе. – Нижний угол справа. Там тебя кое-что интересует.

Луиза открывает девятую страницу и тянется за кофе. Рука ее застывает.

САМОУБИЙСТВО УЧЕНОГО В ОТЕЛЕ

МЕЖДУНАРОДНОГО АЭРОПОРТА БУЭНАС-ЙЕРБАСА

Выдающийся британский ученый доктор Руфус Сиксмит был найден мертвым в своем номере в отеле «Бон вояж» международного аэропорта Буэнас-Йербаса, после того как покончил с собой. Доктор Сиксмит, бывший председатель Всемирной атомной комиссии, на протяжении десяти месяцев был привлечен Приморской корпорацией в качестве консультанта при сооружении новейшего высокотехнологичного коммунального предприятия на острове Суоннекке рядом с Буэнас-Йербасом. Известно, что в течение всей жизни он страдал от клинической депрессии, а последнюю неделю перед смертью ни с кем не общался. Мисс Фэй Ли, пресс-секретарь Приморской корпорации, сказала: «Безвременная смерть профессора Сиксмита является трагедией для всего международного научного сообщества. Мы, работающие в научном

городке Приморской корпорации на острове Суоннекке, чувствуем, что потеряли не только своего глубокоуважаемого коллегу, но и близкого друга. Передаем сердечные соболезнования его семье и многочисленным друзьям. Нам его будет очень не хватать». Тело доктора Сиксмита, найденное служителями отеля с единственной огнестрельной раной в голове, будет отправлено домой для погребения в его родной Англии. Медицинский эксперт полиции Буэнас-Йербаса подтвердил отсутствие каких-либо подозрительных обстоятельств вокруг этого инцидента.

– Итак, – ухмыляется Джейкс, – теперь твое разоблачение века похерено?

У Луизы покалывает кожу, а в ушах стучит так, что больно.

– Кранты. – Джейкс закуривает сигарету. – Близко подобралась?

– Он не мог бы, – Луиза путается в словах, – он не стал бы этого делать.

Джейкс приблизительно изображает вежливость.

– Похоже, он все-таки сделал это, Луиза.

– Никто не кончает с собой, если должен исполнить миссию.

– Может, если миссия сводит его с ума.

– Он был убит, Джейкс.

Джейкс силится прогнать со своего лица выражение «опять двадцать пять».

– Кем?

– Приморской корпорацией, разумеется.

– А! Своим работодателем. Само собой. А мотив?

Луиза заставляет себя говорить спокойно и не обращать внимания на насмешливое предубеждение Джейкса.

– Он написал доклад о типе реактора, разработанного для второго энергоблока, – «ГИДРА». Планы на третий блок ждут одобрения Федеральной энергетической комиссии. Когда они будут одобрены, Приморская корпорация может получить лицензию на поставки как внутри страны, так и за рубежом. Одни только правительственные контракты дадут десятки и десятки миллионов долларов ежегодно. Роль Сиксмита заключалась в том, чтобы дать проекту свою санкцию, но он не прочел сценарий и указал на фатальные ошибки конструкции. В свою очередь, Приморская корпорация похоронила доклад и отрицает его существование.

– А что сделал твой доктор Сиксмит?

– Он готовился выступить публично. – Луиза хлопнула рукой по газете. – Вот чего стоила ему правда.

Джейкс протыкает колышущийся купол желтка ломтиком обжаренного хлеба.

– Ты, э-э, знаешь, что скажет Грелш?

– «Неоспоримые улики», – говорит Луиза тоном врача, выносящего диагноз. – Слушай, Джейкс, не скажешь ли Грелшу... просто скажи, что мне надо кое-куда поехать.

20

Управляющий отеля «Бон вояж» с утра пребывает в дурном настроении.

– Нет, вы не можете увидеть его номер! Все следы инцидента удалил специалист по чистке ковров. Которому, добавлю, нам пришлось заплатить из собственного кармана! И вообще, к какому разряду вампиров вы принадлежите? Вы репортерша? Охотница за привидениями? Романистка?

– Я, – Луиза Рей содрогается от неизвестно откуда идущих рыданий, – его племянница, Меган Сиксмит.

Некая матриархия с каменным выражением лица заключает плачущую Луизу в объятия, прижимая ее к своему гороподобному бюсту. Случайные свидетели бросают на управляющего уничтожающие взгляды. Тот бледнеет и пытается возместить ущерб:

– Пожалуйста, пройдемте в заднюю комнату, я дам вам...
– стакан воды! – отрубает матриархия, отбивая в сторону его руку.
– Венди! Воды! Пожалуйста, вот сюда, почему бы вам...
– Во имя человеколюбия, стул! – Матриархия поддерживает Луизу в затемненной боковой комнате канторы.

– Венди! Стул! Немедленно!

Союзица Луизы стискивает руки.

– Давай, милая, давай, облегчи свою душу, я слушаю. Меня зовут Дженис, я из Эсфигменоу, штат Юта, и вот мой рассказ. Когда мне было столько, сколько теперь тебе, я была одна в доме и спускалась по ступенькам из детской моей дочери, и там на площадке лестницы стояла моя мать. «Ступай посмотри, как там ребенок», – сказала она. Я объяснила матери, что проверяла минуту назад, что девочка крепко спит. Голос у матери стал ледяным. «Не спорь со мной, юная леди, ступай и посмотри, как там ребенок, немедленно!» Звучит безумно, но лишь тогда я вспомнила, что мать моя умерла в предыдущий День благодарения. Но я бросилась наверх и увидела, что моя дочь задыхается: шнур от полога обернулся вокруг ее шеи. Тридцать секунд, и все было бы кончено. Ну, теперь понимаешь?

Луиза смагивает с глаз слезы.

– Понимаешь, милая? Они отдаляются, но не уходят насовсем.

Возвращается запыхавшийся управляющий с коробкой для обуви в руках.

– Боюсь, комната вашего дядюшки занята, но горничная нашла вот эти письма – они были вложены в Библию. На конвертах – его имя. Естественно, я собирался переправить их вашей семье, но, поскольку вы здесь...

Он вручает ей стопку из девяти побуревших от времени конвертов, на каждом из которых повторяется адрес: «Для передачи Руфусу Сиксмицу, эсквайру, Колледж Кая, Кембридж, Англия». На одном из них совсем свежее пятно от пакетика с чаем. Все они сильно помяты и торопливо разглажены.

– Благодарю вас, – говорит Луиза, сначала едва слышно, но затем тверже. – Дядя Руфус очень дорожил своей перепиской, и теперь это все, что мне осталось от него на память. Я больше не отниму у вас ни минуты. Простите, что я так расстроилась и не сумела с собой совладать.

Облегчение управляющего более чем ощутимо.

– Вы очень необычная личность, Меган, – заверяет Луизу Дженис из Эсфигменоу, штат Юта, когда они прощаются в вестибюле отеля.

– Вы тоже очень необычная личность, Дженис, – отвечает Луиза и возвращается на парковочный уровень, проходя в десяти ярдах от ячейки номер 909.

21

Не прошло и минуты, как Луиза Рей вернулась в редакцию «Подзорной трубы», а Дом Грелш уже ревет, перекрывая болтовню в отделе новостей:

– Мисс Рей!

Джерри Нуссбаум и Рональд Джейкс отрывают взгляды от своих столов, глядят на Луизу, потом друг на друга и отчетливо произносят:

– Ой!

Луиза кладет письма Фробишера в ящик стола, запирает его и идет в кабинет Грелша.

– Дом, прости, что я не смогла присутствовать на планерке, я...

– Избавь меня от этих женских отговорок. Закрой дверь.

– У меня нет привычки прибегать к отговоркам.

– А привычка присутствовать на планерках у тебя есть? Тебе за это платят.

– Мне также платят за отслеживание своих материалов.

– Стало бы, ты бросилась на место преступления? Не нашла ли ты улики, ускользнувших от копов? Может быть, послание кровью, на кафеле? «Это сделал Альберто Гримальди»?

– Неоспоримые улики только в том случае неоспоримы, когда ты надорвешь себе спину, до них докапываясь. Мне сказал это один редактор по имени Дом Грелш.

Грелш пристально на нее смотрит.

– У меня есть нить, Дом.

– У тебя есть нить.

«Я не могу раздавить тебя логикой и не могу тебя одурачить, я могу лишь зацепить твоё любопытство».

– Я звонила в участок, где занимаются делом Сиксмита.

– Нет никакого дела! Это было самоубийство! Если только речь не идет о Мэрилин Монро, то самоубийства тиражей не увеличивают. Слишком унылая тема.

– Выслушай меня. Зачем Сиксмит купил билет на самолет, если в тот же день собирался пустить себе пулю в висок?

Грелш разводит руками, показывая размер своего неверия в то, что он вообще участвует в этом разговоре.

– Внезапное решение.

– Тогда почему у него была *отпечатанная на машинке* – хотя самой машинки не было – записка о самоубийстве? Он что, подготовил ее заранее и ждал, когда его посетит это внезапное решение?

– Я не знаю! Мне наплевать! Что меня волнует, так это необходимость сдать номер в четверг вечером, спор с печатниками, грядущая забастовка почтовиков и Оджилви, держащий над моей головой... чей бишь там?... меч. Проведи спиритический сеанс и спроси у Сиксмита сама! Сиксмит был ученым. У ученых неустойчивая психика.

– Мы с ним на полтора часа застряли в лифте. Он был хладнокровен как рыба. Слово «неустойчивый» к нему совершенно не клеится. И еще одно. Он застрелился – предположительно – с помощью самого бесшумного пистолета, имеющегося на рынке. Это «роучфорд» тридцать четвертого калибра со входящим в комплект глушителем. Заказать можно только по каталогу. К чему ему было об этом беспокоиться?

– Так. Копы не правы, медэксперт не прав, все не правы, кроме Луизы Рей, лучшей из желторотых журналисточек, чья необычайная проницательность позволяет ей заключить, что всемирно известный числовод был убит только потому, что указал на несколько изъянов конструкции ядерного реактора в некоем отчете, само существование которого никто не подтверждает.

– Отчасти. Вероятнее всего, полицейские не случайно пришли к выводам, удобным для Приморской корпорации. Их к этому подтолкнули.

– Ну конечно, коммунальная компания покупает полицейских! Какой же я болван!

– Учитывая дочерние предприятия, Приморская корпорация – десятая по величине в Штатах. При желании они могут купить Аляску. Дай мне время до понедельника.

– Нет! За тобой обзоры этой недели и, да, материал по кулинарии.

– Если бы Боб Вудворд сказал тебе, что заподозрил президента Никсона в том, что тот отдал приказ взломать офисы своих политических противников^[67], и записал это на пленку, сказал бы ты ему: «Боб, милый, забудь об этом, мне нужно восемьсот слов о сервировке салатов»?

– Не смей выдавать мне эту арию: я-разъяренная-феминистка.

– Тогда ты не выдавай мне арию: слушай-я-занимаюсь-этим-тридцать-лет! Одного Джерри Нуссбаума в этом здании более чем достаточно.

– Ты втискиваешь реальность восемнадцатого размера в предположение размера одиннадцатого. Это погубило многих отличных журналистов. Многих и многих.

– До понедельника! Я раздобуду копию доклада Сиксмита.

– Обещания, которых ты не можешь исполнить, не являются твердой валютой.

– У меня нет никакой другой валюты, кроме как встать на колени и умолять тебя. Ну же! Дом Грелш не станет сворачивать журналистские расследования только потому, что они не окупаются на следующее же утро. Папа говорил мне, что ты был едва ли не самым смелым репортером из всех, кто работал где-либо в середине шестидесятых.

Грелш поворачивает свое кресло и устремляет взгляд поверх Третьего авеню.

– Черта лысого он это говорил!

– Еще как говорил! Это разоблачение в шестьдесят четвертом насчет фондов избирательной кампании Росса Зинна. Ты навсегда вышвырнул из политики этого апостола белого превосходства, от которого у всех кровь стыла в жилах. Отец назвал тебя упрямым, неустрашимым и неутомимым. Дело Росса Зинна потребовало нервов, пота и времени. Я обойдусь своими нервами и своим потом, единственное, о чем я прошу, это немного времени.

– Ввязывать сюда своего отца было грязным трюком.

– Журналистика требует грязных трюков.

Грелш гасит сигарету и закуривает другую.

– В понедельник, с изысканиями Сиксмита, и доказательства, Луиза, должны быть ураганной силы, с именами, источниками, фактами. Кто уничтожил отчет, и почему, и каким образом второй энергоблок Суоннекке станет Хиросимой для Южной Калифорнии. Кое-что еще. Если ты добудешь улики в пользу того, что Сиксмит был убит, мы, прежде чем это печатать, отправимся в полицию. Я не хочу, чтобы под сиденье моей машины заложили динамит.

– «Все факты без прикрас и страха».

– Держись этого.

Когда Луиза садится за свой стол и вынимает спасенные письма Сиксмита, Нэнси О’Хаган изображает на лице некоторую приятность.

Грелш в своем кабинете колотит по боксерской груше.

– Упрямый!

Хрясть!

– Неустрашимый!

Хрясть!

– Неутомимый!

Редактор видит, как его отражение насмехается над ним.

22

Звуки сефардского романса, сочиненного до изгнания евреев из Испании, заполняют музыкальный магазин «Забытый аккорд» на северо-западном углу Спиноза-сквер и Шестой авеню. У телефона хорошо одетый человек, бледноватый для этого загорелого города, повторяет вопрос.

– Секстет «Облачный атлас»... Роберт Фробишер... По правде сказать, я о нем слышал, хотя никогда не держал в руках экземпляра... Фробишер был вундеркиндом, он умер как раз на взлете... Позвольте мне посмотреть, у меня тут список от дилера в Сан-Франциско, специализирующегося по раритетам... Фрэнк, Фицрой, *Фробишер*... Так, вот и он, есть даже небольшое примечание... Выпущено всего пятьсот экземпляров... в Голландии, перед войной, ну и ну, неудивительно, что это такая редкость... У дилера есть копия с ацетата, выпущенная в пятидесятых... разорившейся французской фирмой. Да уж, не пластинка, а поцелуй смерти... Я попробую, месяц назад «Облачный атлас» у него был, но никаких гарантий по качеству звуча-

ния, и должен предупредить, что обойдется это *недешево*... Здесь указано... сто двадцать долларов... плюс наши десять процентов комиссионных, что составляет... Да? Хорошо, я запишу ваше имя... Рэй кто? О, мисс Р-Е-Й, простите, пожалуйста. Обычно мы просим задаток, но у вас такой честный голос... Через несколько дней. Будем вас ждать.

Продавец записывает, что ему надлежит сделать, затем возвращает иглу к началу «*¿Por qué lloras blanca niña?*»³⁶, опускает ее на мерцающий черный винил и грезит о еврейских пастухах, перебирающих струны своих лир на освещенных звездами склонах Иберийских холмов.

23

Луиза Рей не замечает запыленного черного «шевроле», едущего рядом, когда входит в свой многоквартирный дом. Билл Смок за рулем «шевроле» запоминает адрес: 108, «Тихоокеанский Эдем».

За последние полтора дня Луиза дюжину раз перечитывала письма Сиксмита. Они не дают ей покоя. Университетский друг Сиксмита, Роберт Фробишер, написал эту серию посланий летом 1931 года, когда надолго задержался в некоем бельгийском шато. Беспокоит Луизу не тот нелестный свет, который они проливают на уступчивого юного Руфуса Сиксмита, но ослепительно-яркие образы тех мест и людей, что вызываются из небытия этими письмами. Образы настолько живые, что она может назвать их только воспоминаниями. Прагматичной дочери журналиста надлежит, что она и делает, объяснять эти «воспоминания» работой воображения, чрезмерно обостренного недавней смертью отца, но деталь в одном из писем сбросить со счетов невозможно. Роберт Фробишер упоминает о родимом пятне в форме кометы между своей лопаткой и ключицей.

«Я просто не верю в эту чепуху. Я просто не верю. Не верю».

Строители обновляют вестибюль «Тихоокеанского Эдема». Пол устлан большими листами бумаги, электрик проверяет проводку, молотят невидимые молотки. Прораб Малькольм, увидев Луизу, кричит ей:

– Эй, Луиза! Минут двадцать назад в твою квартиру пробежал какой-то незванный гость!

Но слова его тонут в грохоте дрели, он говорит по телефону с кем-то из мэрии о кодовых замках, да и в любом случае Луиза уже вошла в лифт.

24

– Сюрприз, – сухо говорит Хэл Броди, застигнутый за тем, что снимает с полок Луизы книги и пластинки, препровождая их в свою спортивную сумку. – Эй, – говорит он, чтобы скрыть укол вины, – ты так коротко постриглась.

Луиза не очень удивлена.

– Разве все брошенные женщины не делают то же самое?

Хэл издает гортанный щелкающий звук.

– Стало быть, День Рекламаций, – говорит Луиза, злясь на самое себя.

– Почти завершен. – Хэл отряхивает с ладоней воображаемую пыль. – Вот это избранное Уоллеса Стивенса^[68] – оно твое или мое?

– Его нам подарила Фиби на Рождество. Позвони Фиби. Пусть она решает. Или вырви нечетные страницы и оставь мне четные. Это похоже на взлом. Мог бы и позвонить.

– Я звонил. Кроме твоего автоответчика, ничего. Выброси его, если никогда не слушаешь.

³⁶ «Отчего малыша плачет?» (исп.)

– Что за глупости, он стоит целое состояние. Итак, что же привело тебя в город, кроме любви к модернистской поэзии?

– Поиски натуры для «Старски и Хатча».

– Старски и Хатч не живут в Буэнас-Йербасе.

– Старски похищает Триада Западного побережья. Будет перестрелка на здешнем мосту Бей-бридж, а еще у нас сцена погони – Дэвид и Пол бегут по крышам автомобилей в час пик^[69]. Согласовать это с транспортной полицией – немаленькая головная боль, но нужна реальная местность, иначе мы лишимся всякого подобия художественной целостности.

– Эй, «Blood on the Tracks»³⁷ ты не заберешь.

– Это моя пластинка.

– Теперь уже нет. – Луиза не шутит.

Броди с ироничным почтением вынимает пластинку из спортивной сумки.

– Слушай, мне было так жаль услышать о твоём отце.

Луиза кивает, чувствуя прилив горя и ожесточение.

– Да.

– Наверное, это было... своего рода облегчение.

«Точно, но только те, кто понес утрату, могут на самом деле об этом говорить». Луиза сопротивляется соблазну сказать что-нибудь едкое. Она вспоминает, как ее отец поддразнивал Хэла: «телемальчик». «Я не стану плакать».

– Значит, у тебя все в порядке?

– Да, все отлично. А ты как?

– Тоже отлично. – Луиза глядит на новые бреши на своих старых полках.

– Работа хорошая?

– Отличная. – «Избавь нас обоих от нашего ничтожества». – Полагаю, у тебя есть ключ, который принадлежит мне.

Хэл застегивает молнию спортивной сумки, выуживает ключ из кармана и роняет ей в ладонь. Напыщенным жестом, чтобы подчеркнуть символизм данного акта. Луиза улавливает незнакомый запах лосьона после бритья и воображает себе *ее*, брызгавшую на него этим утром. «И рубашки этой два месяца назад у него не было». Ковбойские башмаки они покупали вместе, в день концерта Сеговии^[70]. Хэл переступает через пару грязных теннисных туфель Хавьера, и Луиза видит, что он обдумывает, как бы лучше пройтись насчет ее нового мужчины. Вместо этого он просто роняет:

– Ну что ж, пока.

«Пожать ему руку? Обнять?»

– Угу.

Дверь закрывается.

Луиза накидывает цепочку и заново проигрывает встречу. Она включает душ и раздевается. Зеркало в ванной наполовину скрыто полкой с шампунями, кондиционерами, коробкой гигиенических салфеток, кремами для кожи и подарочным мылом. Луиза сдвигает все это в сторону, чтобы яснее видеть родимое пятно между своей лопаткой и ключицей. Встреча с Хэлом также отодвинута. «Совпадения случаются постоянно». Но оно неоспоримо имеет форму кометы. Зеркало затуманивается. «Факты – вот твой хлеб и твоё масло. Родимые пятна могут выглядеть как угодно, не только как кометы. Ты все еще расстроена папиной смертью, вот и все». Журналистка ступает под душ, но в своем воображении расхаживает по коридорам шато Зедельгем.

³⁷ «Кровавые следы» (англ.). (1974) – альбом Боба Дилана.

25

Лагерь протестующих против строительства АЭС на острове Суоннекке находится на материке, между побережьем и болотистой лагуной. По ту сторону лагуны тянутся акры цитрусовых садов, поднимающихся к засушливым холмам. Шалаши, раскрашенные во все цвета радуги фургоны обитателей лагеря и трейлерные домики выглядят как нежелательные дары, выброшенные Тихим океаном. Надпись на натянутом полотнище провозглашает: «ПЛАНЕТА ПРОТИВ ПРИМОРСКОЙ КОРПОРАЦИИ». На дальней стороне моста стоят корпуса Суоннекке «Эй», подрагивающие, словно Утопия в лунном мираже. Загорелые белые малыши плещутся в ленивых волнах на мелководе; бородатый апостол стирает в тазу рубашку; двое по-змеиному гибких подростков целуются в траве, покрывающей дюны.

Луиза запирает свой «фольксваген» и через заросли кустарника проходит к лагерю. Вдали гудят сельскохозяйственные машины. К ней приближаются несколько обитателей, но настроены они явно не дружелюбно.

- Ну? – с вызовом произносит мужчина с ястребиным лицом коренного американца.
- Я полагала, что это общественная парковка.
- Вы предполагали неверно. Она частная.
- Я журналистка. Надеюсь проинтервьюировать нескольких из вас.
- На кого вы работаете?
- На журнал «Подзорная труба».

Тучи немного расходятся.

– Не написать ли вам о последних приключениях носа Барбры Стрейзанд? – говорит индеец и сардонически добавляет: – Без обид.

– Ладно, простите, я не из «Геральд трибюн», но почему бы не дать мне попробовать? Небольшой положительный отзыв мог бы сослужить вам добрую службу, если только вы не рассчитываете на полном серьезе сорвать строительство атомной бомбы замедленного действия по ту сторону этой полоски воды, просто размахивая плакатами, брэнча на гитарах и распевая песни протеста. Без обид.

Какой-то южанин ворчит:

- Дамочка, да они из вас так и *прут*.
- Интервью окончено, – говорит коренной американец. – Уматывайте отсюда.
- Не беспокойся, Мильтон. – На ступеньке своего трейлера стоит пожилая женщина, беловолосая и краснолицая. – Я с ней поговорю.

Из-за хозяйки выглядывает аристократичная собака нечистых кровей. Ясно, что слово этой женщины весомо, потому что все остальные расходятся без малейших возражений.

Луиза приближается к трейлеру.

- Поколение любви и мира?
- Семьдесят пятый не идет ни в какое сравнение с шестьдесят восьмым. У Приморской корпорации имеются осведомители в наших рядах. На прошлые выходные власти хотели расчистить это место для важных персон, и пролилась кровь. Это дало полиции повод для ряда арестов. Боюсь, в результате развивается паранойя. Входите. Меня зовут Хестер Ван Зандт.
- Я очень надеюсь встретиться с вами, доктор, – говорит Луиза.

26

Часом позже Луиза скармливает свой огрызок яблока кроткой собаке Хестер Ван Зандт. Увешанный книжными полками кабинет Ван Зандт столь же аккуратен, сколь хаотичен кабинет Грелша. Хозяйка завершает рассказ:

– Конфликт между корпорациями и активистами – это конфликт между кататонией и памятью. У корпораций есть деньги, власть и влияние. Наше единственное оружие – это возмущение общественности. Возмущение блокировало строительство Юкатанской дамбы, вынудило уйти в отставку Никсона и, отчасти, положило конец зверствам во Вьетнаме. Но возмущение слишком неуклюжая машина, чтобы его производить и им управлять. Во-первых, необходимы тщательные исследования; во-вторых, широкая осведомленность об их результатах: только если она достигает критической массы, общественное возмущение взрывается и начинает действовать. Любую из стадий легко саботировать. Альберто Гримальди по всему миру могут препятствовать исследованиям, погребая правду в комитетах, притупляя ее и искажая, а также запугивая исследователей. Они могут препятствовать осведомленности, приобретая телевизионные станции, выплачивая «гостевые гонорары» ведущим авторам или попросту скупая средства массовой информации. Пресса – и я имею в виду не только «Вашингтон пост» – вот где ведут свои гражданские войны демократические страны.

– И поэтому вы спасли меня от Мильтона и его собратьев?

– Я хотела предоставить вам правду, какой она нам видится, чтобы вы могли, по крайней мере, сделать осознанный выбор, какую сторону поддерживать. Напишите пасквиль о Новых Плясках бойцов Зеленого фронта в их миниатюрном Вудстоке^[71] – и тем самым подтвердите все предрассудки республиканцев и погребете правду немного глубже. Напишите об уровне радиации в морских продуктах, о пределах «безопасного» загрязнения, устанавливаемых теми, кто загрязняет, о политике правительства, покупаемой с молотка дотациями на избирательные кампании, и о частной полиции Приморской корпорации – и тем самым на какую-то долю градуса приблизите температуру общественной осведомленности к точке возгорания.

– Руфус Сиксмит – вы с ним были знакомы? – спрашивает Луиза.

– Конечно была, упокой Господь его душу.

– Мне следовало бы поставить вас по разные стороны... или нет?

Ван Зандт кивает, довольная тактикой Луизы.

– Я познакомилась с ним в начале шестидесятых в округе Колумбия, в одном мозговом комитете, связанном с Федеральной комиссией по энергетике. Я перед ним благоговела! Еще бы – нобелевский лауреат, ветеран Манхэттенского проекта...

– Может быть, вам известно что-нибудь о написанном им отчете, осуждающем реактор «ГИДРА-зеро» и требующем демонтажа второго энергоблока Суоннекке?

– Доктор Сиксмит? Вы абсолютно уверены?

– «Абсолютно уверена»? Нет. «Чертовски сильно уверена»? Да.

Черты Ван Зандт заостряются.

– Боже мой, если бы только Зеленый фронт мог раздобыть копию... – Она нахмурилась. – Если доктор Сиксмит написал разгромный отчет о реакторе «ГИДРА-зеро» и угрожал предать его гласности... что ж, тогда я больше не верю, что он застрелился.

Луиза замечает, что обе они говорят шепотом. Она задает вопрос, воображая, что это спрашивает Грелш:

– Не отдаст ли это паранойей – считать, что Приморская корпорация могла бы убить человека ранга Сиксмита только затем, чтобы избежать негативной рекламы?

Ван Зандт снимает с полки пробкового дерева фотографию женщины лет шестидесяти пяти.

– Вот вам пример. Марго Рокер.

– Недавно я видела это имя на плакате.

– Марго является активисткой Зеленого фронта с той поры, как Приморская корпорация купила остров Суоннекке. Эта земля принадлежит ей, и она разрешила нам сидеть тут шипом в бок у корпорации. Полтора месяца назад на ее бунгало – в двух милях отсюда – напали грабители. Денег у Марго нет. Только несколько клочков земли, с которыми она отказывается

расстаться, как бы ни обольщала ее Приморская корпорация. Грабители избили ее до потери чувств и бросили умирать, но ничего не взяли. В строгом смысле слова это не убийство, потому что Марго до сих пор в коме, так что полиция склоняется к версии плохо спланированного ограбления с неудачным концом.

– Неудачным для Марго.

– И чертовски удачным для Приморской корпорации. Ее семью засыпают медицинскими счетами. Прошло несколько дней после нападения, и компания по торговле недвижимостью из Лос-Анджелеса, «Открытая перспектива», обращается к двоюродному брату Марго с предложением купить эти несколько акров прибрежных кустарников по цене в четыре раза выше рыночной стоимости. Для создания частного заповедника. Так что я попросила Зеленый фронт навести кое-какие справки об «Открытой перспективе». Она была зарегистрирована всего пару месяцев назад, и угадайте-ка, кто возглавляет список корпоративных вкладчиков? – Ван Зандт указывает подбородком в сторону острова Суоннекке.

Луиза взвешивает все услышанное.

– Я буду держать вас в курсе, Хестер.

– Очень на это надеюсь.

27

Альберто Гримальди испытывает удовольствие, когда проводит в своем кабинете на Суоннекке внеплановые брифинги по безопасности с участием Билли Смока и Джо Нейпира. Ему нравится степенное поведение обоих мужчин, так контрастирующее со свойственной просителям и свите придворных манерой лебезить. Нравится отправлять свою секретаршу в приемную, где главы компаний, руководители профсоюзов и правительственные чиновники вынуждены томиться в ожидании, лучше всего – часами, и слышать, как она говорит: «Билл, Джо, сейчас у мистера Гримальди есть окно для вас». Смок и Нейпир дают Гримальди возможность тешить эту черту характера, роднящую его с Дж. Эдгаром Гувером^[72]. О Нейпире он думает как о непреклонном бульдоге, чье детство, проведенное в Нью-Джерси, наложило на него отпечаток, не смягченный и тридцатью годами жизни в Калифорнии; Билл же Смок – это давнишний его знакомец, готовый пройти сквозь стены, этику и законность, чтобы выполнить волю своего хозяина.

Сегодняшняя встреча усилена присутствием Фэй Ли, вызванной Нейпиром для последнего пункта их неписаной повестки дня: журналистка по имени Луиза Рей собирается посетить в эти выходные остров Суоннекке – представляет она угрозу для безопасности или нет?

– Итак, Фэй, – говорит Гримальди, балансируя на краю своего стола, – что нам о ней известно?

Фэй Ли говорит, словно читая невидимую шпаргалку:

– Репортер «Подзорной трубы» – полагаю, все мы знаем, что это такое? Двадцать шесть лет, честолюбива, ближе к либералам, чем к радикалам. Дочь известного зарубежного корреспондента Лестера Рея, недавно умершего. Мать повторно вышла замуж за архитектора после дружественного развода семь лет назад, живет в пригороде Буэнас-Йербаса – Юингсвилле. Родных братьев и сестер нет. Изучала историю и экономику в Беркли, диплом с отличием. Начинала в «Хроникере», Лос-Анджелес, печатала политические статьи в «Трибуне» и «Вестнике». Не замужем, живет одна, по счетам платит вовремя.

– Стоячая вода, да и только, – комментирует Нейпир.

– Тогда напомните мне, почему мы ее обсуждаем, – просит Смок.

Фэй Ли обращается к Гримальди:

– Мы поймали ее, когда она расхаживала по институту, – во вторник, во время запуска. Она утверждала, что у нее назначена встреча с доктором Сиксмитом.

– На предмет?

– Была уполномочена написать статью для «Подзорной трубы», но я думаю, она что-то выуживала.

Президент правления смотрит на Нейпира. Тот пожимает плечами.

– Трудно определить, мистер Гримальди. Если она хотела что-то выудить, мы должны предположить, что она знала, за какого рода рыбой пришла.

Гримальди имеет слабость произнести вслух очевидное:

– Это отчет.

– У журналистов лихорадочное воображение, – говорит Ли, – особенно у голодных и молодых, ищущих свою первую большую сенсацию. Полагаю, она могла бы подумать, что смерть доктора Сиксмита была... как бы это сказать...

Альберто Гримальди изображает озадаченность.

– Мистер Гримальди, – вставляет Смок, – думаю, что у Фэй слишком много такта, чтобы прямо выложить вот что: эта Рей могла вообразить, будто мы убрали Сиксмита.

– «Убрали»? О господи! Это серьезно? Джо? Как ты думаешь?

Нейпир разводит руками.

– Фэй может быть права, мистер Гримальди. «Подзорная труба» отнюдь не славится твердой приверженностью фактам.

– У нас есть какие-нибудь рычаги воздействия на этот журналчик? – спрашивает Гримальди.

Нейпир мотает головой.

– Я сам этим займусь.

– Она позвонила, – продолжает Ли, – и спросила, не сможет ли она взять интервью у нескольких из наших людей для статьи типа день-из-жизни-ученого. Так что я пригласила ее в отель на сегодняшний банкет и пообещала кое с кем познакомить на протяжении выходных. Собственно, – она бросает взгляд на часы, – я встречаюсь там с ней через час.

– Я дал на это добро, мистер Гримальди, – говорит Нейпир. – Лучше уж пускай она все разнюхивает прямо у нас под носом, где мы сами сможем за ней проследить.

– Совершенно верно, Джо. Совершенно верно. Определите, насколько серьезную угрозу она представляет. И в корне пресекайте всякие болезненные подозрения касательно бедняги Руфуса. – Все вокруг натянуто улыбаются. – Ладно, Фэй, Джо, картина ясна, спасибо, что уделили время. Билл, на пару слов о кое-каких делах в Торонто.

Президент правления и его подручный остаются одни.

– Наш друг, – начинает Гримальди, – Ллойд Хукс. Он меня беспокоит.

Билл Смок обдумывает его слова.

– В каком разрезе?

– У него такой вид, словно ему выпали четыре туза. Мне это не нравится. Понаблюдай за ним.

Билл Смок наклоняет голову.

– И тебе лучше бы припасти в рукаве какой-нибудь несчастный случай для Луизы Рей. В аэропорту ты все выполнил безупречно, но Сиксмит был выдающимся ученым, к тому же иностранцем, и мы не хотим, чтобы эта женщина раскопала какие-нибудь слухи о нечистой игре. – Он кивает вслед Нейпиру и Ли. – Эти двое подозревают что-нибудь о Сиксмите?

– Ли ни о чем не думает. Она пиарщица, и точка. Нейпир не смотрит. Есть просто слепцы, мистер Гримальди, есть слепцы добровольные, и есть те, кому скоро в отставку.

28

Айзек Сакс сгорбившись сидит в «фонаре» бара в отеле Суоннекке и смотрит на яхты в бархатистой вечерней голубизне. На столе стоит нетронутое пиво. Мысли ученого переходят от смерти Руфуса Сиксмита к страху, что может обнаружиться утаенная им копия отчета Сиксмита, а затем – к предупреждению Нейпира о конфиденциальности. «Сделка, доктор Сакс, состоит в том, что ваши идеи являются собственностью Приморской корпорации. Вы же не хотите не выполнить условий сделки с таким человеком, как мистер Гримальди, правда?» Неуклюже, но действительно.

Сакс пытается вспомнить, как чувствовал себя, когда ходил без этого узла в кишках. Он тоскует по своей старой лаборатории в Коннектикуте, где мир состоял из математики, энергии и атомных каскадов, а он был его исследователем. Ему нет дела до этих политических порядков величин, где нарушение лояльности может привести к тому, что мозги твои будут разбросаны по номеру отеля. «Ты разорвешь его на мелкие клочки, Сакс, одну чертову страницу за другой».

Затем его мысли переносятся к избытку водорода, взрыву, переполненным больницам и первым смертям от радиоактивного заражения. Официальному расследованию. Поиску козлов отпущения. Сакс ударяет одним кулаком о другой. До сих пор его предательство Приморской корпорации не выходило за рамки «мыслепреступления»^[73], никогда не воплощалось на деле. «Осмелюсь ли я пересечь эту черту?» Он трет усталые глаза. Управляющий отелем вводит в банкетный зал группу цветоводов. Вниз не спеша спускается женщина, оглядывается в поисках кого-то, кто еще не явился, и направляется в оживленный бар. Сакс восхищается ее хорошо подогнанным замшевым костюмом, стройной фигурой, неброским жемчугом. Бармен наливает ей бокал белого вина и выдает какую-то шутку, которая удостоивается признания, но не улыбки. Она поворачивается в сторону Сакса, и он узнает ту женщину, которую пять дней назад принял за Меган Сиксмит: узел страха рывком затягивается сильнее, и Сакс поспешно выходит наружу через веранду, отворачивая лицо в сторону.

Луиза подходит к нише с окном. На столике стоит нетронутое пиво, но нет никаких признаков его владельца, так что она садится на нагретое место. Это лучшее место во всем помещении. Она смотрит на яхты в бархатистой вечерней голубизне.

29

Взгляд Альберто Гримальди блуждает по освещенному свечами банкетному залу. В помещении булькают фразы, которые больше произносятся, нежели выслушиваются. Его собственная речь вызвала более сильный и продолжительный смех, чем речь Ллойда Хукса, который теперь что-то серьезно обсуждает с вице-президентом правления, Уильямом Уайли. Итак, о чем же беседует эта парочка? Гримальди мысленно еще раз пишет краткое распоряжение для Билла Смока. Глава Агентства по защите окружающей среды излагает ему какую-то бесконечную историю о школьных днях Генри Киссинджера, так что Гримальди обращается к воображаемым слушателям с речью на тему власти.

«„Власть“. Что мы имеем в виду? „Способность определять участь другого человека“. Слушайте, вы, люди науки, строительные магнаты и формирователи общественного мнения: мой самолет может вылететь из „Ла Гардии“, и прежде чем я приземлюсь в Буэнас-Айерсбасе, вы станете никем. Слушайте и вы, властелины Уолл-стрит, избранные чиновники и судьи: мне может потребоваться больше времени, чтобы сшибить вас с ваших шестков, но ваше итоговое падение будет в той же мере тотальным. – Гримальди обменивается взглядами с главой АЗОС, дабы убедить того, что его внимание не развеялось. – Но почему лишь некоторые добива-

ются владычества над другими, в то время как огромное большинство людей живут и умирают как приспешники, как домашний скот? Ответ являет собою святую троицу. Первое: богоданные дары харизмы. Второе: дисциплина, позволяющая вырастить эти дары до зрелости, ибо, хотя верхний слой почвы человечества и плодороден для талантов, лишь одно семя из десяти тысяч расцветает – из-за нехватки дисциплины. – Гримальди замечает Фэй Ли, ведущую эту назойливую Луизу Рей к тому кругу, где Спиро Эгню^[74] устраивает прием при своем дворе. Во плоти журналистка выглядит привлекательнее, чем на фотографиях: вот, значит, как она заарканила Сиксмита. Он перехватывает взгляд Билла Смока. – Третье: воля к власти. Вот где загадка, лежащая в основе различных человеческих судеб. Что заставляет некоторых накапливать власть там, где большинство их соотечественников теряют, не принимают или сторонятся ее? Это дело привычки? Богатства? Стремления выжить? Естественного отбора? Полагаю, все это лишь предпосылки и результаты, а не сердцевинная причина. Единственный ответ может звучать так: „Здесь не существует «почему». Такова наша природа“. „Кто“ и „что“ проникают глубже, чем „почему“».

Глава Агентства по защите окружающей среды трясется от веселья, восхищенный собственным каламбуром. Гримальди смеется сквозь зубы.

– Убийственно, Том, абсолютно убийственно.

30

Луиза Рей разыгрывает недалекую журналистку-паиньку, дабы уверить Фэй Ли, что не представляет никакой угрозы. Только тогда она получит достаточно свободы, чтобы снюхаться с диссидентскими приятелями Сиксмита. Джо Нейпир, глава службы безопасности, напоминает Луизе отца: спокойный, трезвый, примерно того же возраста и облысевший. За время роскошного пиршества из десяти блюд она раз или два замечает, что он задумчиво на нее смотрит.

– И что, Фэй, вы никогда не чувствуете себя на Суоннекке в заточении, совсем?

– Суоннекке? Да это рай! – голос пиарщицы полон воодушевления. – Буэнас-Йербас всего в часе езды, ниже по побережью – Лос-Анджелес, семья моя – выше, в Сан-Франциско, это же идеально. Дотационные магазины и бытовые предприятия, бесплатная клиника, чистый воздух, нулевая преступность, виды на море. Даже мужчины, – доверительно добавляет она вполголоса, – здесь хоть куда – собственно, у меня есть доступ к их персональным файлам, – так что можешь быть уверенной, что в фонде для свиданий у тебя не окажется какого-нибудь совершенного ничтожества. Кстати, о них – Айзек! Айзек! Ты мобилизован! – Фэй Ли хватается за локоть Айзека Сакса. – Ты помнишь, как несколько дней назад повстречался с Луизой Рей?

– Счастлив быть мобилизованным. Здравствуйте, Луиза, рад вас снова увидеть.

Луиза чувствует в его рукопожатии неловкость.

– Мисс Рей приехала сюда, – поясняет Фэй Ли, – чтобы написать антропологическую статью о Суоннекке.

– Да? Мы скучное племя. Надеюсь, вам удастся набрать нужное количество слов.

Фэй Ли включает свое сияние на полную.

– Уверена, Айзек найдет немного времени, чтобы ответить на любой из ваших вопросов, Луиза. Правда, Айзек?

– Из всех скучных я наискучнееший.

– Не верьте ему, Луиза, – предостерегает Фэй Ли. – Это всего лишь часть стратегии Айзека. Как только твоя оборона ослабнет, он тебя атакует.

Мнимый сердцеед поворачивается на каблуках, неловко улыбаясь носкам своих ботинок.

31

– Трагический изъясн Айзека Сакса, – анализирует Айзек Сакс двумя часами позже, развалившись на стуле в «фонаре» напротив Луизы, – состоит в следующем. Он слишком труслив, чтобы быть воином, но недостаточно труслив, чтобы лечь и перевернуться на спину, как хорошая собачка.

Его слова оскальзываются, словно Бэмби на льду. На их столике стоит почти пустая бутылка вина. Бар опустел. Сакс не может вспомнить, когда в последний раз он был так пьян или когда был вот так расслаблен и напряжен в одно и то же время: расслаблен, потому что умной молодой женщине хорошо в его обществе; напряжен, потому что готов вскрыть фурункулы на своей совести. Сакс испытывает путаное изумление: его влечет к Луизе Рей, и он болезненно сожалеет о таких вот обстоятельствах их знакомства. Женщина и репортер все время переливаются одна в другую.

– Давай переменим тему, – говорит Сакс. – Твоя машина, твой, – он воспроизводит акцент голливудского эсэсовца, – твой «фольксваген». Как его зовут?

– Откуда ты взял, что у моего «жука» есть имя?

– Все владельцы «жуков» дают своим машинам имена. Но только, пожалуйста, не говори, что это Джон, Джордж, Пол или Ринго. – «Господи, Луиза Рей, как же ты красива!»

– Ты будешь смеяться, – говорит она.

– Не буду.

– Будешь.

– Я, Айзек Каспер Сакс, торжественно клянусь не смеяться.

– Да уж, лучше не смеяться, если у тебя второе имя Каспер. Это Гарсиа.

Они оба беззвучно трясутся, пока не раздражаются смехом. «Может, я тоже ей нравлюсь, может, она не только делает свою работу».

Луиза набрасывает на свой смех лассо и укрощает его.

– И это все, чего стоят твои клятвы?

Сакс делает жест *mea culpa*³⁸ и утирает глаза.

– Обычно они длятся дольше. Не знаю, почему это так смешно, я имею в виду, Гарсиа, – он фыркает, – не такое уж и смешное имя. Однажды я был на свидании с девушкой, которая называла свой автомобиль Росинантом, вот тебе крест.

– А мой так назвал один приятель, бывший Безумный Битник. В честь, знаешь, Джерри Гарсиа, из «Грейтфул Дэд»^[75]

³⁸ Моя вина (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

...циничным, как Диомед... – в греческой мифологии известны два Диомеда: царь Фракии, кормивший своих коней мясом захваченных чужеземцев и побежденный Гераклом, а также герой «Илиады», сын этолийского царя Тидея, фаворит Афины, антагонист Афродиты и Ареса.

2.

Гиббон, Эдуард (1737–1794) – английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788).

3.

Мальтус, Томас Роберт (1766–1834) – английский экономист, основоположник теории мальтузианства, согласно которой благосостояние населения определяется темпами роста народонаселения, которые значительно превышают темпы увеличения производства средств существования.

4.

Годвин, Уильям (1756–1836) – английский писатель и философ, автор утопического трактата «Рассуждение о политической справедливости» (1793), социально-романтического романа «Калеб Вильямс» (1794); в эссе «О народонаселении» (1820) полемизировал с Мальтусом. Муж «первой феминистки» Мэри Уолстонкрафт (1759–1797); Мэри Шелли (1797–1851), автор «Франкенштейна», – их дочь.

5.

Земля Ван-Димена – бытовавшее в XIX в. название Тасмании.

6.

«Великая хартия» – т. е. Великая хартия вольностей, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным под давлением восставших баронов и гарантировавшая подданным некоторые привилегии и права.

7.

...ближе к Утопии Мора... – «Утопия» (1516) – трактат об идеальном государстве английского государственного деятеля и философа-гуманиста Томаса Мора (1478–1535).

8.

...«в бедствии ты призвал Меня, и Я избавил тебя; из среды грома Я услышал тебя». – Псалтирь, 80:8.

9.

Навуходоносор – вавилонский царь; Навуходоносор I правил в XII в. до н. э., Навуходоносор II – в VI в. до н. э.

10.

Вермицид – глистогонное средство.

11.

Португальский военный кораблик – медуза физалия из подкласса сифонофор, один из самых опасных обитателей моря.

12.

«Смеющийся кавалер» («Портрет офицера») – написанная в 1624 г. картина голландского художника Франса Хальса (1581/1585–1666).

13.

Р. В. У. дирижировал Оркестром Воображения, исполнявшим «Морскую симфонию»: «Плыви вперед и правь лишь на глубины...» – имеется в виду цикл песен «Морская симфония» (1910) британского композитора Ральфа Воана Уильямса (1872–1958), написанный на стихи Уолта Уитмена (1819–1892); цитируется заключительная часть хоральной симфонии, «Путешествие более чем в Индию», основанная на последней части уитменовской поэмы «Путешествие в Индию» (1871, 1881).

14.

Макадам – щебеночное покрытие.

15.

Проктор – надзиратель в Кембридже и Оксфорде.

16.

Гноссиенский – от «Трех гноссиен» (1893), сочинения французского композитора Эрика Сати (1866–1925).

17.

Адриан (76–138) – римский император, создавший на границах империи систему оборонительных валов.

18.

Фены (Fens) – низменная приморская область в Восточной Англии.

19.

Сен-Санс, Камиль (1835–1921) – французский композитор, пианист, дирижер, музыкальный критик, автор симфонической поэмы «Пляска смерти» (1874), оперы «Самсон и Далила» (1876), инструментальной фантазии «Карнавал животных» (1886) и др.

20.

Прокофьев, Сергей Сергеевич (1891–1953) – композитор-новатор, пианист, дирижер, на раннем этапе творчества близкий к антиромантическим идеям русского авангарда; в 1918–1933 гг. жил за рубежом. Автор опер «Игрок» (1916), «Любовь к трем апельсинам» (1919), «Огненный ангел» (1927), «Война и мир» (1943; вт. ред. 1952), балета «Ромео и Джульетта» (1936), симфонической сказки «Петя и волк» (1936), кантаты «Александр Невский» (1939) и др.

21.

Шопен, Фридерик (1810–1849) – польский композитор и пианист, с 1831 г. жил в Париже. По-новому истолковал многие жанры: возродил на романтической основе прелюдию, создал фортепьянную балладу, драматизировал танцы – мазурку, полонез, вальс.

22.

Лодовико Ронкалли (1660?–1720?) – итальянский гитарист и композитор.

23.

Скарлатти, Алессандро (1766–1825) – итальянский композитор, родоначальник и крупнейший представитель неаполитанской оперной школы.

24.

Боадиея, Боудикка (ум. ок. 60) – королева бриттов, противостоявшая римской колонизации.

25.

Ван Дейк, Антонис (1599–1641) – фламандский живописец эпохи барокко, ученик Рубенса; также работал в Италии и Англии.

26.

...растолок крыло... в дымящиеся обломки. Вспомнил, в какой стране мы находимся, и остановился. – Аллюзия на сражения Первой мировой войны, проходившие на территории Бельгии.

27.

Мотет – жанр многоголосной вокальной музыки, возник во Франции в XII в.

28.

Накануне Перемирия... – Имеется в виду день заключения перемирия, положившего конец первой мировой войне (11 ноября 1918 г.).

29.

Китс, Джон (1795–1821) – английский поэт-романтик.

30.

...лабиринтообразный дом Эшеров... – аллюзия на рассказ Эдгара По «Падение дома Эшеров» (1842).

31.

«Так говорил Заратустра» (1883–1884) – философско-художественное сочинение Фридриха Ницше (1844–1900), содержащее наиболее полное изложение его идеи о «вечном возвращении» («...жизнь есть без смысла, без цели, но возвращается неизбежно, без заключительного „ничто“, как „вечный возврат“...»).

32.

...я почувствовал, что это Ницше читает меня, а не я его... – Ср.: «И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» (Ф. Ницше. «По ту сторону добра и зла», 1866).

33.

Фред Делиус (Фредерик Теодор Альберт Делиус, 1862–1934) – английский композитор-романтик немецкого происхождения, с 1890 г. жил преимущественно во Франции.

34.

...«Бенито Серено» Мелвилла... – повесть Германа Мелвилла, опубликована в 1855 г., вошла в сборник «Рассказы с веранды» (1856).

35.

Стравинский, Игорь Федорович (1882–1971) – композитор-новатор и дирижер, автор балетов «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911), «Весна священная» (1913) и др.; с 1914 г. жил за пределами России, с 1939 г. – в США.

36.

Сибелиус, Ян (1865–1957) – крупнейший финский композитор, глава национальной музыкальной школы.

37.

Балакирев, Милий Алексеевич (1836/37–1910) – композитор, пианист, дирижер, музыкально-общественный деятель, глава «Могучей кучки».

38.

Дебюсси, Клод Ашиль (1862–1918) – французский композитор, основоположник музыкального импрессионизма, автор инструментальной «Прелюдии к „Послеполуденному отдыху фавна“» (1894), оперы «Пеллеас и Мелизанда» (1902) и др.

39.

Григ, Эдвард (1843–1907) – крупнейший норвежский композитор, основатель музыкальной академии в Осло.

40.

...этот... старый Шейлок выглядит все более отталкивающим... Нет ли у него волшебного портрета... который с каждым годом все хорошеет? – Инверсия основного сюжетного хода «Портрета Дориана Грея» (1890) Оскара Уайльда. Шейлок – старый ростовщик из «Венецианского купца» Шекспира.

41.

Или она одна из этих распутных суфражисток типа Россетти? – Имеется в виду жена Уильяма Россетти (брата Данте Габриэля и Кристины) Люси, урожденная Мейдокс Браун (1843–1894), активно выступавшая за предоставление женщинам права голоса.

42.

Лист, Ференц (1811–1886) – венгерский композитор-романтик, пианист, дирижер, создатель нового направления в пианизме, родоначальник жанра одностанных симфонических поэм.

43.

Прерафаэлиты – английские художники и писатели середины и второй половины XIX в., опиравшиеся в своем творчестве на искусство раннего Возрождения (до Рафаэля). Члены прерафаэлитского братства – Данте Габриэль Россетти, Уильям Холмен Хант, Джон Эверетт Милле, Эдвард Берн-Джонс, Уильям Моррис и др. – противопоставляли академизму «наивную религиозность» средневекового искусства, а позже – орнаментализм с мистической окраской.

44.

...дрейфовал... словно остов «Геспера». – Имеется в виду баллада Г. Лонгфелло «Крушение „Геспера“» (1840) о катастрофе, постигшей одноименную шхуну.

45.

Эдуард Элгар (1857–1934) – британский композитор и дирижер, возрождал традиции английской народной и старинной музыки.

46.

Пёрселл, Генри (ок. 1659–1695) – английский композитор, автор первой национальной оперы «Дидона и Эней» (1689).

47.

Веберн, Антон фон (1883–1945) – австрийский композитор и дирижер, ярчайший представитель, наряду с Альбаном Бергом и Арнольдом Шёнбергом, новой венской школы.

48.

«Остров доктора Моро» (1896) – роман Герберта Уэллса о вивисекторе, выводившем разумные гибриды животных.

49.

«М*А*S*Н*» («Военно-полевой госпиталь», 1972–1983) – американский телесериал о военном-полевом госпитале времен Корейской войны, черная комедия, основанная на одноименном кинофильме Роберта Олтмена (1970).

50.

Анк – египетский крест, символ вечности в древнеегипетской мифологии.

51.

...Джони... Митчелл... – под таким именем прославилась родившаяся в 1943 г. в Канаде певица и автор-исполнитель Роберта Джоан Андерсон.

52.

Его старомодный английский напоминает Луизе тигра из «Книги джунглей». – То есть Шер-Хана из «Маугли» Редьярда Киплинга (1894).

53.

Лоренс Ферлингетти (р. 1919) – поэт-битник, владелец и основатель (1953) книжного магазина «Сити лайтс» («Огни большого города») в Сан-Франциско; в 1955 г. открыл одноименное издательство.

54.

Хичкок... мотель «Бейтс»... – Альфред Хичкок (1899–1980) – выдающийся кинорежиссер, мастер саспенса. Мотель «Бейтс» фигурирует в его триллере «Психоз» (1960) с Тони Перкинсом в главной роли – экранизации одноименного романа Роберта Блоха.

55.

...смотрел... «Шараду». Это его фильм, Хичкока? <...> ...это где сюжет вертится вокруг марок? – Романтический детектив «Шарада» (1963) поставил не Хичкок, а Стэнли Донен, главные роли исполнили Одри Хепберн и Кэри Грант.

56.

...фэн-шуй, или «И Цзин»... – Фэн-шуй – древнекитайское искусство, которое рассматривает человека и все, что его окружает, как единую структуру и стремится привести эту структуру к максимальной гармонии. Сочетает принципы экологии, законы архитектуры, искусство дизайна с мистико-символической традицией «И Цзин» – древнекитайской гадательной «Книги перемен».

57.

«Челюсти» (1975) – знаменитый триллер Стивена Спилберга об акуле-людоеде.

58.

«Я люблю Люси» (1951–1957) – популярный комедийный телесериал о руководителе кубинского танцевального оркестра Рикки Рикардо и его туповатой жене Люси, мечтающей выступать вместе с мужем в баре «Тропикана»; родоначальник многосерийной комедии положений на американском телевидении.

59.

«Тримайл-Айленд» – атомная электростанция в Гаррисберге, штат Пенсильвания, на которой 28 марта 1979 г. произошла крупная авария типа чернобыльской (но расплавления активной зоны реактора, разрушения его корпуса и выброса радиоактивных продуктов деления в атмосферу удалось избежать).

60.

Золотой штат – прозвище Калифорнии.

61.

Норман Мейлер (р. 1923) – видный американский писатель, экспериментировавший с разными стилями, от жесткого натурализма с социальным подтекстом («Нагие и мертвые», 1948) до масштабной историко-мифологической фабуляции («Древние вечера», 1983); стоял у истоков литературного направления «новая журналистика».

62.

Ричард Прайор (1940–2005) – американский чернокожий актер, также прославившийся как юморист.

63.

...пластинка Кэрол Кинг «Гобелен». – «Tapestry» (1971) – наиболее известный альбом американской авторши-исполнительницы Кэрол Кинг (Кэрол Кляйн, р. 1942) и одна из самых коммерчески успешных пластинок в современной музыке.

64.

...мамаша-ведьма в «Зачарованных». – «Зачарованные» (1964–1972) – популярный американский телесериал о молодой ведьме (Элизабет Монтгомери), женатой на калифорнийском рекламщике (Дик Йорк), и ее ведьме-матери (Агнес Мурхед), пытающейся расстроить их брак.

65.

Крюгерранд – южноафриканская монета, содержащая 1 тройскую унцию золота; чеканится с 1967 г.

66.

...напевая «Полетим на реактивном»... – «Leaving on a Jet Plane» – песня автора-исполнителя Джона Денвера (1943–1997); впервые исполнена им в составе группы The Mitchell Trio на альбоме «Alive!» (1967), включена в его первый сольный альбом «Rhymes and Reasons» (1969) и в том же году стала хитом в исполнении группы Peter, Paul and Mary.

67.

...Боб Вудворд... заподозрил президента Никсона в том, что тот отдал приказ взломать офисы своих политических противников... – Роберт Вудворд и Карл Бернштейн – журналисты газеты «Вашингтон пост», раскрутившие скандал о взломе в отеле «Уотергейт», что привело к отставке Ричарда Никсона.

68.

Уоллес Стивенс (1879–1955) – американский поэт, а также юрист; с 1934 г. – вице-президент Хартфордской страховой компании. Автор сборников лирических медитаций «Фисгармония» (1923), «Человек с голубой гитарой» (1937), «Заметки по поводу высшей формы вымысла» (1942), «Осенние зори» (1950) и др.; лауреат Национальной книжной премии США за сборник статей и выступлений «Необходимый ангел: эссе о реальности и воображении» (1951).

69.

Поиски натуры для «Старски и Хатча». <...> ...Дэвид и Пол бегут по крышам автомобилей в час пик. – «Старски и Хатч» (1975–1979) – популярный полицейский телесериал с Дэвидом Соулом и Полом Майклом Глейзером в главных ролях; в 2004 г. вышел полнометражный римейк.

70.

Сеговия, Андрес (1893–1987) – выдающийся андалусийский гитарист.

71.

Вудсток – «три дня мира, любви и музыки»: знаменитый рок-фестиваль под открытым небом, проходивший 15–18 августа 1969 г. возле городка Вудсток, штат Нью-Йорк, и собравший почти полмиллиона слушателей; апофеоз эпохи.

72.

Дж. Эдгар Гувер (1895–1972) – основатель ФБР (1924) и его бессменный директор; собирал досье на многих влиятельных лиц и, как считается, именно благодаря кладезям компромата продержался на своем посту при всех администрациях.

73.

«Мыслепреступление» (thoughtcrime) – термин из романа Дж. Оруэлла «1984» (1949).

74.

Спиро Эгню (Спирос Анагностопулос, 1918–1996) – в 1968–1973 гг. вице-президент США в администрации Никсона; подал в отставку из-за скандала с неуплатой налогов.

75.

...Джерри Гарсиа, из «Грейтфул Дэд». – Джерри Гарсиа (1942–1995) – певец и гитарист, лидер калифорнийской психоделической группы Grateful Dead, один из символов эпохи.